

Лусинда Райли Тарри Уиттакер

Финал легендарного цикла «Семь сестер»

АТЛАС

★ ИСТОРИЯ ПА СОЛТА ★

**Люсинда Райли
Гарри Уиттакер
Семь сестер. Атлас.
История Па Солта
Серия «Семь сестер. Мировые
хиты Люсинды Райли», книга 8**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70244947

Л. Райли. Г. Уиттакер. Семь сестер. Атлас. История Па Солта: ООО

«Издательство «Эксмо»; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-191666-4

Аннотация

1928 год, Париж

Добрая и состоятельная семья знаменитого скульптора находит у себя во дворе мальчика. Он замкнутый, но не по годам развитый и талантливый ребенок. Мальчик обретает свое место в новом доме, а семья Ландовски дает ему жизнь, о которой он не мог и мечтать. Только вот ребенок отказывается произнести хоть слово. Вся его связь с миром – дневниковые записи.

Мальчик растет, посещает занятия по классу скрипки в Парижской консерватории, и ужасы прошлого почти забываются.

Но в глубине души он знает, что придет время, когда ему снова придется бежать.

2008 год, Эгейское море

Семь сестер впервые собрались вместе на борту «Титана», чтобы попрощаться с загадочным отцом, которого они так нежно любили.

Ко всеобщему удивлению, именно потерянной сестре Па Солт решил доверить ключ к их прошлому. Сестры должны смириться с мыслью, что их обожаемый отец был кем-то, кого они едва знали, а его секреты могут повлиять на их будущее.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	11
Дневник Атласа	14
Мерри	85
Дневник Атласа	175
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Люсинда Райли, Гарри Уиттакер Семь сестер. Атлас. История Па Солта

Lucinda Riley and Harry Whittaker
Atlas (The Story of Pa Salt)

© Lucinda Riley, 2022

© Савельев К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Люсинда посвящает этот роман своим читателям во всем мире.

*Я посвящаю его моей матери Люсинде, которая была для меня источником вдохновения во всем.
– Г. У.*

Предисловие

Дорогие читатели!

Позвольте представиться: меня зовут Гарри, и я – старший сын Люсинды Райли. Возможно, некоторые из вас удивятся, когда увидят два имени на обложке этого долгожданного романа.

Перед выходом «Потерянной сестры» в 2021 году Люсинда неожиданно объявила о планах работы над восьмой, заключительной частью «Семи сестер», где будет рассказана история загадочного Па Солта. В авторском примечании к седьмой книге она написала: «Этот сюжет уже восемь лет находится у меня в голове, и я не могу дождаться, когда наконец изложу его в письменном виде».

Как ни трагично, мама умерла в июне 2021 года от остеосаркомы, которая была диагностирована в 2017 году. Наверно, вы думаете, что у нее не было возможности что-либо написать. Но судьба непредсказуема. В 2016 году мама прилетела в Голливуд по приглашению продюсерской компании, заинтересовавшейся правами на экранизацию «Семи сестер». Продюсерская группа очень хотела узнать, как мама представляет окончание серии, хотя тогда у нее были запланированы еще четыре книги.

Эта просьба заставила маму собрать все свои черновики в одном документе. Она написала для потенциальных продю-

серов тридцать страниц сценария, действие которого происходит в кульминационный момент повествования. Уверен, мне не нужно убеждать вас в том, что эти страницы были как всегда великолепны. Они изобиловали драматизмом, напряжением и... сюрпризами.

Кроме того, поклонники этого цикла знают о ярких эпизодах с участием Па Солта, которые присутствуют в каждой книге. Мама выстроила хронологию передвижения основных персонажей в течение десятилетий, создав таким образом полноценное «руководство для наблюдателей». Таким образом, литературное наследие Люсинды гораздо обширнее, чем может показаться.

В 2018 году мы с мамой создали серию для детей «Ангелы-хранители» и совместно выпустили четыре книги. В это время она предложила мне закончить цикл «Семь сестер», если с ней произойдет самое худшее. Разумеется, наши разговоры останутся между нами, но я хочу подчеркнуть: она сделала меня частью системы «отказоустойчивости» на тот случай, если произойдет немыслимое. Да, именно немыслимое. Не думаю, что мама всерьез рассматривала возможность своей *смерти*, – впрочем, как и я. Несколько раз она опровергала законы науки и природы, отступая от края пропасти. В маме всегда было нечто волшебное.

После ее смерти мне оставалось только сдержать слово. В конце концов, «Атлас» обещает раскрыть секреты, заставлявшие читателя много лет теряться в догадках. Однако я

всегда рассматривал эту книгу как дань памяти моей маме. Я завершил эту работу ради моей лучшей подруги и моей героини. Мною двигала не осознанная необходимость, а любовь к маме. Я готов предположить, что некоторые читатели будут оживленно обсуждать, какие сюжетные элементы принадлежат мне, а какие – моей маме, но думаю, это не важно. Проще говоря, история есть история. И я *знаю*, что в конце этой книги вы испытаете эмоциональное удовлетворение. Мама позаботилась об этом.

Пожалуй, величайшее достижение Люсинды состоит в том, что никто не смог правильно определить тайную движущую силу, стоявшую за ее книгами, несмотря на *тысячи* теорий и догадок. «Атлас» будет наградой для тех, кто с самого начала полюбил этот цикл, но там есть и новый сюжет (хотя он всегда присутствовал, скрытый среди первых 4500 страниц). Возможно, я всего лишь убираю дымовую завесу...

Работа над книгой «Атлас. История Па Солта» была вызовом и огромной честью для меня. Это прощальный дар Люсинды Райли, и я рад вручить его вам.

Гарри Уиттакер, 2022

Есть многое на свете, друг Горацио,

О чем не снилось нашим мудрецам.

– Шекспир

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – *приемный отец сестер*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка в Атлантисе*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер*

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгета)

Электра

Мерри (Меропа)

Пролог

Сибирь, Тобольск, 1925 год

Двое мальчиков уткнулись носами в воротники своих поношенных шубенок, прикрывая лица от порывов ветра, гнавшего перед ними облака снежной пороши.

– Давай живее! – крикнул старший. Хотя ему едва исполнилось одиннадцать, его голос уже был хриплым и грубоватым. – Хватит, пора возвращаться домой.

Младший мальчик, которому было лишь семь, подхватил вязанку хвороста, который они собирали, и побежал за старшим.

На полпути домой дети слышали тонкий писклявый звук где-то за деревьями. Старший остановился и прислушался.

– Ты это слышишь? – спросил он.

– Да, – ответил младший. Хворост оттягивал руки, и, хотя они только что остановились, мальчика начало трясти от холода. – Пойдем домой, пожалуйста! Я устал.

– Не хнычь, – отрезал старший. – Я пойду посмотрю, что там.

Он подошел к соседней березе и опустился на колени. Младший неохотно последовал за ним. Они увидели воробушка размером с монету, беспомощно барахтавшегося в снегу.

– Он выпал из гнезда, – вздохнул старший. – Или это... послушай!

Они стояли под деревом, пока не услышали птичий крик из двух нот.

– Ага! Это кукушка.

– Та, что в настенных часах?

– Не совсем, это жестокие птицы. Кукушка откладывает яйца в чужие гнезда. Когда кукушонок вылупляется, он выталкивает других птенцов на землю – вот что здесь случилось.

– О нет. – Младший мальчик наклонился и провел мизинцем по головке птенца. – Мы здесь, дружок, все в порядке... – Мальчик посмотрел на своего спутника. – Может быть, мы заберемся на дерево и вернем его обратно? – Он попытался разглядеть гнездо. – Нет, слишком высоко.

Внезапно раздался тошнотворный хруст. Младший повернулся и увидел, что старший раздавил птенца сапогом.

– Что ты натворил? – в ужасе воскликнул младший.

– Мать все равно не признала бы его. Лучше так, чтобы не мучился.

– Но... откуда тебе знать. – Карие глаза младшего мальчика наполнились слезами. – Мы могли бы попробовать!

Старший отмахнулся от его протестов.

– Нет смысла пробовать, все равно ничего не получится. Пустая трата времени. – Он направился вниз по склону. – Пошли, нам пора домой.

Младший мальчик наклонился и посмотрел на безжизненного птенца.

– Прости моего брата, – прошептал он, утирая слезы. – Ему очень плохо, на самом деле он не такой.

Дневник Атласа

1928–1929 гг.

*Булонь-Бийанкур,
Париж, Франция*

Этот дневник – подарок от мсье и мадам Ландовски. По их словам, раз уж я не могу говорить, зато умею писать, будет полезно, если я попробую записывать свои мысли. Сначала они считали меня бестолковым или слабоумным; во многих отношениях так оно и было. Но, скорее всего, им просто надоело так долго возиться со мной. Они очень устали, и я тоже.

Они поняли, что у меня сохранились какие-то остатки ума, когда узнали, что я умею писать. Для начала они попросили меня написать мое имя, возраст и место рождения. Но я давно усвоил, что изложение таких сведений в письменном виде может довести до беды, а мне меньше всего хотелось очередных неприятностей. Поэтому я сидел за столом в кухне и записывал стихотворение, которому меня научил папа. Разумеется, это стихотворение не могло выдать, где я жил до того, как оказался под живой изгородью в их саду. Оно не принадлежало к числу моих любимых, но слова соответствовали моему настроению и могли продемонстрировать этим добрым супругам, которые волей судеб оказались у меня на пути, когда смерть стучалась в мою дверь, что я хотя бы спо-

собен на письменное общение. Поэтому я написал:

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!¹

Я написал это стихотворение по-французски, по-английски и по-немецки, хотя ни один из этих языков не был моим родным. (Разумеется, я могу не только писать, но и говорить, но, как и слова на бумаге, все сказанное, особенно в спешке, можно использовать как разменную монету.) Признаюсь, мне доставил удовольствие изумленный вид мадам Ландовски, когда она прочитала написанное, хотя это не помогло ей узнать, кто я такой и откуда появился здесь. Горничная Эльза одарила меня взглядом, намекавшим на то, что меня нужно побыстрее выдворить туда, откуда я пришел, и шлепнула тарелку еды на стол передо мной.

Прошло больше года с тех пор, как я покинул дом, который знал с рождения. За это время я говорил лишь в тех случаях, когда это было необходимо.

С того места, где я пишу эти строки, открывается вид из крошечного мансардного окна. Раньше я видел, как по дорожке прошли дети супругов Ландовски. Они учились в школе и выглядели очень нарядно в своей форме: Франсуаза

¹ Саффо. «Уж месяц зашел...» (пер. Вячеслава Иванова).

в белых перчатках и соломенной шляпке, которая здесь называется «канотье», а ее братья – в белых рубашках и блейзерах. Хотя я слышал частые жалобы мсье Ландовски на нехватку денег, его большой дом, чудесный сад и красивые платья местных дам свидетельствовали о немалом богатстве.

Я имел привычку грызть карандаш. Папа старался искоренить эту мою привычку, намазывая карандаш всевозможными дурно пахнущими веществами. Однажды он сказал, что на этот раз выбрал отраву с приятным запахом, так что, если мне дорога жизнь, лучше держать карандаш подальше от рта. Тем не менее, пока я размышлял над переводом, полученным от него для расшифровки, я опять сунул карандаш в рот. Когда он увидел это, то закричал, выволок меня за шкирку на улицу и набил мне рот снегом, который потом велел выплюнуть. Тогда я не умер, но с тех пор часто гадал, было ли это жестоким розыгрышем, или же выплюнутый снег на самом деле спас меня.

Хотя я стараюсь почаще вспоминать отца, прошло уже много лет с тех пор, как я последний раз видел его, и его образ начинает тускнеть в моей памяти...

Наверное, это и к лучшему. Да, во всех отношениях будет лучше, если я забуду прошлое. Тогда, если меня будут пытаться, я ничего не смогу рассказать моим мучителям. А если мсье или мадам Ландовски думают, что я буду писать в подаренном дневнике что-то важное, и надеются на замочек с ключом, который я храню в своем кожаном кошельке, то они

сильно заблуждаются.

— Ты можешь записывать в дневнике свои мысли и чувства, — ласково объяснила мадам Ландовски. — Это личный дневник, предназначенный только для твоих глаз. Обещаю, что мы не будем туда заглядывать.

Я закивал и благодарно посмотрел на нее, прежде чем побежать наверх, в свою комнату в мансарде. Но я не поверил мадам Ландовски. Я по себе знаю, как легко вскрывать замки и нарушать обещания.

«Клянусь жизнью твоей любимой матери, что я вернусь за тобой... Молись за меня и жди...»

Я потряс головой, стараясь избавиться от последних слов, сказанных мне папой. Но каким-то образом, хотя другие воспоминания, которые мне хочется вернуть, улетают из моей головы, как пух одуванчиков, в тот миг, когда я пытаюсь удержать их, эти слова не хотели уходить.

Дневник в кожаной обложке наполнен тончайшими бумажными листочками. Должно быть, он обошелся мсье Ландовски по меньшей мере в целый франк (так называются местные деньги). Это щедрый жест с его стороны, и я воспользуюсь им. Кроме того, во время долгого путешествия я начал опасаться, что разучился писать. Не имея ни бумаги, ни карандаша, я коротал холодные зимние ночи, мысленно повторяя стихотворения и представляя, как я записываю их.

Мне нравится выражение «перед мысленным взором»; папа называл это окном, распахнутым в наше воображение.

Поэтому, когда я не вспоминал стихотворения, то часто исчезал на просторах этого внутреннего мира, который папа считал безграничным. Но он добавлял, что недалекие люди по определению имеют ограниченное воображение.

Хотя добрые супруги Ландовски оказались моими спасителями, мне по-прежнему было нужно исчезать внутри самого себя, плотно закрывать глаза и перебирать мысли, которые нельзя было поместить на бумаге, потому что я больше не мог доверять ни одному человеку.

«Так что, если Ландовски когда-нибудь прочитают это — а я не сомневался, что они так и сделают, хотя бы из любопытства, — они увидят лишь дневник, который начинается с моей прощальной молитвы».

Кажется, я так ничего и не сказал им; я был настолько изнурен от лихорадки, голода и упадка сил, что, наверное, мне это померещилось, но, так или иначе, в тот день я увидел самое красивое женское лицо на свете.

Пока я кратко и деловито описывал, как эта прекрасная дама отвела меня в дом, шепча ласковые слова, и впервые за много дней позволила мне спать на кровати, я вспоминал, какой грустной она казалась во время нашей последней встречи. С тех пор я узнал, что ее звали Изабеллой, сокращенно Бел. Она и мсье Бройли, ассистент в скульптурной студии Ландовски (он попросил меня называть его Лореном, хотя я все равно не произносил ни слова) были безумно влюблены друг в друга. И в тот вечер, когда Бел выглядела

такой грустной, она пришла проститься не только со мной, но и с Лореном.

Хотя я был очень молод, я много читал о любви. После ухода папы я прошелся по его книжным полкам и узнал множество необыкновенных вещей о жизни взрослых. Сначала я предполагал, что описание физического акта любви предназначалось для того, чтобы придать повествованию комедийный оттенок, но оно повторялось у авторов, которые определенно не были юмористами, и я осознал, что речь идет о реальных вещах. Вот *это* я точно не собирался записывать в своем дневнике!

Я тихо рассмеялся и прикрыл рот ладонью. Это было странное ощущение, поскольку смехок был неким проявлением радости, естественной физической реакцией.

– Господи! – прошептал я. Было еще более странным слышать собственный голос, который казался более глубоким с тех пор, как я проронил последнее слово. Никто не мог услышать меня здесь, в мансарде; обе горничные находились внизу, где занимались уборкой, полировкой мебели и бесконечной стиркой белья, развешанного на веревках за домом. Но, даже если они не могли меня услышать, нужно было соблюдать осторожность, поскольку, раз я мог смеяться, значит, имел голос и умел говорить. Я постарался думать о грустных вещах, что было трудновато, ведь, несмотря ни на что, мне удалось добраться до Франции, периодически исчезая в собственном воображении и думая о хорошем. Я думал о

двух горничных, чью болтовню я слышал через тонкую стенку, разделявшую нас по ночам. Они жаловались на скудную плату, слишком долгий рабочий день, комковатые матрасы и на свою холодную спальню в мансарде, не отапливаемую в зимнее время. Мне хотелось постучать кулаком в стенку и крикнуть, что им еще повезло жить в отдельной комнате и *получать* жалованье, пусть и небольшое. Что касается холодной спальни... Я успел познакомиться с французским климатом, и, хотя Париж, на окраине которого мы жили, находился на севере Франции, при мысли об ужасе перед температурой немного ниже нуля мне снова хотелось смеяться.

Я закончил первую запись в своем «официальном» дневнике и прочитал ее про себя, представив себя на месте мсье Ландовски, с его забавной бородкой и пышными усами.

Я живу в Булонь-Бийанкуре. Меня приютила радушная семья Ландовски. Их зовут мсье Поль и мадам Амели. У них четверо детей: Натали (20 лет), Жан-Макс (17 лет), Марсель (13 лет) и Франсуаза (11 лет). Все они очень добры ко мне. Они говорят, что я был тяжело болен и мне понадобится время, чтобы восстановить силы. Горничных зовут Эльза и Антуанетта, а кухарку – Берта. Она все время дает мне свои чудесные пирожные, чтобы «подкормить» меня. В первый раз она принесла мне целую тарелку. Я съел все до крошки, а через пять минут мне стало очень плохо. Когда доктор осмотрел меня, то сказал Берте, что мой желудок

съежился от недоедания, поэтому она должна кормить меня мелкими порциями, иначе мне станет совсем плохо и я могу умереть. Думаю, это расстроило Бертю, но надеюсь, что теперь я ем почти нормально и могу оценить ее стряпню по достоинству. В семье есть еще одна прислуга, с которой я пока не встречался, но здесь много говорят о ней. Это мадам Эвелин Гельсен, и она работает экономкой. Сейчас она в отпуске и навещает своего сына, который живет в Лионе.

Я беспокоюсь, что семья тратит на меня слишком много денег, со всеми расходами на еду и на доктора, приходившего ко мне. Я знаю, как дорого могут обходиться врачи. У меня нет денег и работы, и я пока не понимаю, как отплатить за их щедрость. Не представляю, как долго мне еще разрешат оставаться здесь, но я стараюсь радоваться каждому дню в этом замечательном доме. Я благодарю Бога за их доброту и каждый вечер молюсь за них.

Я погрыз карандаш и удовлетворенно кивнул. Я выбрал упрощенный стиль и добавил две-три грамматические ошибки, чтобы сойти за обычного десятилетнего мальчика. Не стоило даже намекать на образование, когда-то полученное мною. После папиного ухода я старался продолжать занятия так же прилежно, как раньше, но без его руководящих наставлений дела заметно ухудшились.

Достав из ящика старого стола лист восхитительно белой

бумаги — а для меня собственный стол был невообразимой роскошью, — я приступил к составлению письма.

*Студия Ландовски
Улица Муссон-Дерош
Булонь-Бийанкур
7 августа 1928 года*

«Дорогие мсье и мадам Ландовски!

Я хочу поблагодарить вас обоих за этот подарок. Это самый чудесный дневник, какой у меня был, и я буду писать ежедневно, как вы и просили меня.

Еще спасибо за то, что приняли меня к себе».

Я едва не добавил «Искренне ваш...» и свое имя, но вовремя остановился, аккуратно сложил лист бумаги четыре раза и написал наверху их имена. Я собирался положить письмо на серебряное блюдо, куда поместят завтрашнюю корреспонденцию.

Я еще не достиг того места, куда направлялся, но достаточно приблизился к нему. По сравнению с уже преодоленным расстоянием, это было все равно что прогуляться по улице Муссон-Дерош и обратно. Но я пока не хотел уходить отсюда. В разговоре с Бертой врач резонно заметил, что мне нужно укрепить не только физические, но и душевные силы. Хотя он не интересовался последним, я мог бы сказать ему,

что худшим для меня были не телесные испытания, а страх, до сих пор терзавший меня изнутри. Обе горничные, возможно, уставшие жаловаться на остальных жильцов, сообщили мне, что я регулярно кричу по ночам и бужу их. Раньше я настолько устал, что засыпал, как бревно, но здесь привычка к отдыху и теплой постели размягчила меня. Я часто не мог заснуть после очередного кошмара. Даже не уверен, что «кошмары» – верное слово для описания этих видений. Жестокий разум заставлял меня заново переживать то, что произошло со мной на самом деле.

Встав и подойдя к кровати с дневником в руке, я залез под одеяло, в котором не нуждался, так как было по-настоящему душно. Я засунул дневник в пижамные штаны так, чтобы он плотно прилегал к бедру. Потом я снял кожаный кошелек, который носил на шее, и пристроил его под штанами к другой стороне бедра. Если долгое странствие чему-то научило меня, так это выбрать самое надежное укрытие для драгоценных вещей.

Я растянулся на бугристом матрасе – еще одном предмете жалоб Эльзы и Антуанетты, хотя для меня это было подобно облаку из ангельских крыльев, – закрыл глаза, произнес короткую молитву за папу, а затем за маму, где бы на небе она ни находилась, и постарался заснуть. Одна-единственная мысль не шла у меня из головы. Не хотелось этого признавать, но была еще одна причина для моего благодарственного письма супругам Ландовски: хотя я понимал, что дол-

жен продолжить странствие, мне не хотелось отказываться от восхитительного ощущения безопасности.

2

– Итак, что ты о нем думаешь, молодой человек? – спросил мсье Ландовски, когда я заглянул в глаза нашего Спасителя, каждый глаз которого был больше меня самого. Мсье Ландовски только что завершил голову статуи того, кого в Бразилии называли *Cristo Redentor*, – нашего Иисуса Христа. Мсье Лоран Бройли поведал мне, что статуя будет установлена на вершине горы в городе Рио-де-Жанейро. Когда соберут все составные части, ее высота будет больше тридцати метров. Я видел миниатюрные варианты этой скульптуры и знал, что бразильский (и французский) Христос будет стоять с распростертыми руками, словно обнимая город. Согласно хитроумному замыслу, издалека снизу будет казаться, что он распят на кресте. Вопрос о доставке статуи на вершину горы и ее сборке был предметом жарких дискуссий и волнений в последние несколько недель. У мсье Ландовски на попечении было много других голов, поскольку он также работал над скульптурой китайского государственного деятеля Сунь Ятсена² и беспокоился насчет его глаз. На мой взгляд, мсье

² Китайский революционер и политический деятель, основатель партии Гоминьдан. Один из основателей и первый президент Китайской Республики, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей.

Ландовски был настоящим перфекционистом.

Долгими летними днями я приходил в студию мсье Ландовски и прятался за многочисленными камнями, лежавшими на полу в ожидании инструментов скульптора. Обычно в студии было полно подмастерьев и помощников, которые, как и Лорен, приходили сюда учиться у мастера. Большинство из них не обращали на меня внимания, хотя мадемуазель Маргарита каждый раз улыбалась мне. Она была лучшей подругой Бел, поэтому я знал, что ей можно доверять.

Однажды мсье Ландовски выследил меня в студии; как и мой отец, он попрекнул меня в необходимости просить разрешения перед входом. Я сокрушенно покачал головой, выставил руки перед собой и попытился к двери, но он сжалился надо мной и поманил к себе.

– Бройли сказал, что тебе нравится наблюдать за нашей работой. Это правда?

Я кивнул.

– Тогда больше не надо прятаться. Если ты пообещаешь ничего не трогать, то добро пожаловать, мой мальчик. Хотелось бы, чтобы мои собственные дети проявляли такой же интерес к моей профессии.

С этого момента мне разрешили сидеть за столом на козлах с куском ненужного мыльного камня и обеспечили набор собственных инструментов.

– Смотри и учись, мальчик, смотри и учись, – посоветовал Ландовски.

Я смотрел и пробовал чему-то научиться. Впрочем, у меня мало что получалось, пока я стучал молотком по зубилу, обтесывая мыльные камни. Как я ни старался придать им хотя бы простейшую форму, передо мной неизменно оказывалась кучка обломков.

– Ну, мой мальчик, что ты думаешь об этом? – спросил мсье Ландовски и указал на голову Христа. Я энергично закивал, в очередной раз ощущая себя виноватым перед этим добряком, который все еще пытался добиться от меня внятного ответа. Он заслуживал этого хотя бы благодаря своему упорству, но я понимал, что как только открою рот и начну говорить, то окажусь в опасности.

Мадам Ландовски, убедившаяся в том, что я умею читать и понимаю услышанное, вручила мне стопку старой бумаги.

Я кивнул. После этого наше общение сильно упростилось.

В ответ на вопрос мсье Ландовски я достал карандаш из кармана шортов, крупными буквами написал на листке бумаги одно слово и протянул ему. Мсье Ландовски добродушно усмехнулся.

– «Великолепно», вот как? Что же, спасибо, молодой человек, и давай надеяться, что наш *Cristo* получит такую же оценку, когда гордо встанет на вершине горы Корковадо на другом краю света. *Если* мы сможем доставить его туда...

– Поверьте, сир, – произнес Лорен у меня за спиной. – Бел говорит, что подготовка фуникулера идет полным ходом.

– В самом деле? – Мсье Ландовски приподнял кустистую

седую бровь. – Похоже, тебе известно больше меня. Эйтор да Силва Коста неустанно заверяет меня, что мы обсудим, как переправить мою скульптуру через океан и воздвигнуть ее на месте, но обсуждение все откладывается и откладывается. Скоро ли настанет время ланча? Мне нужно выпить немного вина, чтобы успокоить нервы. Я начинаю опасаться, что этот проект со статуей Христа будет концом моей карьеры. Поистине, я был глупцом, когда согласился на такое безумие.

– Пойду принесу завтрак, – отозвался Лорен и удалился в крошечную кухню, каждый уголок которой я буду всегда помнить как первое убежище с тех пор, как покинул свой дом много месяцев назад. Я улыбался, глядя, как Лорен открывает бутылку вина.

Поскольку я часто просыпался очень рано, то приходил в студию на рассвете просто ради того, чтобы посидеть среди здешней красоты. Я думал о том, как папу позабавило бы, что из всех мест, где я мог бы оказаться, – например, на заводе «Рено», лишь в нескольких километрах отсюда, – волею судеб я завершил свое странствие в таком месте, которое он назвал бы храмом искусства. Я знал, что это порадовало бы его.

В то утро, когда я сидел среди камней и глядел на кроткие черты лица *Cristo Redentor*, до меня донесся шум из комнаты за занавеской, где мы обедали. Подкравшись на цыпочках и заглянув внутрь, я увидел ноги, вытянутые под столом, и услышал тихий храп Лорена. С тех пор, как Бел вернулась

в Бразилию, он стал часто напиваться, так что по утрам его глаза были покрасневшими и опухшими, а кожа приобретала землисто-серый оттенок, как будто он был готов в любой момент избавиться от содержимого желудка. (Кстати, у меня был богатый опыт знакомства с подобным злоупотреблением среди мужчин и женщин.)

Я смотрел, как он наливает себе щедрую порцию вина, и беспокоился о его печени, которая, по словам папы, больше всего страдает от выпивки. Впрочем, еще больше меня беспокоило состояние его сердца. Хотя я вполне понимал, что сердце не может физически разбиться от любви, что-то в Лорене явно надломилось после разлуки с Бел. Возможно, однажды я пойму желание утопить свою душевную боль в алкоголе.

— *Santé!*³ — хором произнесли они и чокнулись стаканами. Пока они сидели за столом, я отправился на кухню, чтобы взять хлеб, сыр и спелые помидоры, выращенные на огороде нашей соседки. Я заметил экономку Эвелин, которая появилась на кухне с целой корзиной овощей. Поскольку она была пожилой и весьма тучной женщиной, я побежал через всю комнату, чтобы взять у нее корзину.

— Господи, ну и жара! — вздохнула экономка и тяжело опустилась на деревянный стул. Я принес ей стакан воды еще до того, как она попросила об этом, и достал бумагу и карандаш, чтобы написать вопрос.

³ За здоровье (*фр.*).

– «Почему вы не отправляете горничных?» – прочитала она и окинула меня взглядом. – Потому что, мой милый мальчик, никто из них не отличит гнилой персик от идеального. Это городские девушки, которые ничего не знают о свежих фруктах и овощах.

Я взял у нее листок бумаги и написал еще одно предложение:

«Когда пойдете в следующий раз, я отправлюсь с вами и понесу корзину».

– Очень любезно с твоей стороны, молодой человек. Если такая жарница будет держаться и дальше, мне понадобится помощь. Если я задам вопрос, ты сможешь написать ответ, да?

Жара продолжалась, и я стал помогать Эвелин. По пути она с гордостью рассказывала о своем сыне, который учился в университете на инженера.

– Вот увидишь, однажды его имя прославится, – добавила она, пока мы лавировали между ящиками с овощами, выставленными перед ларьками. Я шел с корзиной для тех овощей, которые прошли проверку Эвелин. Из всех домашних в семье Ландовски она была моей любимицей, хотя поначалу я страшился ее, потому что слышал из-за стены болтовню горничных о скором возвращении «драконицы». Меня представили ей как «безымянного мальчика, который не может говорить». (Это сказал Марсель, тринадцатилетний сын мсье Ландовски. Я знал, что он относится ко мне с вполне понят-

ным подозрением; мое неожиданное появление в любой семье неизбежно привело бы к косым взглядам.) Но Эвелин лишь пожалала мою протянутую руку и одарила меня теплой улыбкой.

– Я скажу так: чем больше, тем веселее. Какой смысл иметь громадный дом вроде этого и оставлять комнаты пустыми? – Эвелин подмигнула мне, а позже в тот же день, когда увидела, как я смотрю на недоеденный яблочный пирог, оставшийся после завтрака, отрезала мне кусок.

На самом деле было довольно странно, что между мною и женщиной средних лет могла возникнуть тайная и негласная (во всяком случае, с моей стороны) связь, но так оно и было. Я подметил в ее глазах особенное выражение, свидетельствовавшее о перенесенных страданиях. Вероятно, она разглядела во мне нечто похожее.

Я решил, что есть только два способа не навлекать на себя жалобы со стороны домашних – либо стать невидимым (для детей Ландовски, и в меньшей степени для их родителей), либо активно помогать тем, кто нуждался в этом, что в первую очередь относилось к прислуге. Вскоре Эвелин, Берта, Эльза и Антуанетта осознали, что в доме есть полезный маленький помощник, который может оказаться рядом в любую минуту. Я часто убирался в комнатухах, где мы жили. Еще маленьким мальчиком я имел склонность везде наводить порядок. Папа, заметивший мою неприязнь к хаосу, пошутил, что однажды я стану образцовой женой. В моем ста-

ром доме это было невозможно, потому что все жили практически в одной комнате, но идея порядка в просторном доме Ландовски завораживала меня. Наверное, больше всего мне нравилось помогать Эльзе и Антуанетте снимать с бельевой веревки одежду и простыни, высушенные на солнце. Горничные смеялись над моим желанием идеально складывать белье, а я не мог удержаться и повсюду совал свой нос, вдыхая свежий запах стирки, который для меня был милее любых духов.

Я порезал помидоры так же тщательно, как складывал выстиранное белье, и вернулся за стол к Лорену и мсье Ландовски. Я смотрел, как они ломают свежий багет и режут сыр, но присоединился к трапезе лишь после того, как мсье Ландовски указал мне на свободное место. Папа часто рассказывал мне о восхитительном вкусе французской еды, и он был прав. Впрочем, после приступов тошноты и желудочных болей, когда я с максимальной скоростью поглощал все, что мне предлагали, я стал есть «как воспитанный человек, а не дикарь», по выражению Берты.

Разговор за столом по-прежнему вертелся вокруг статуи Христа и глаз Сунь Ятсена, но меня это устраивало. Я понимал, что мсье Ландовски был подлинным творцом: летом он завоевал золотую медаль на олимпиаде изящных искусств, а его таланты, судя по всему, были известны по всему миру. Больше всего меня восхищало, что слава не изменила его характер. А может быть, мне так казалось, поскольку он рабо-

тал в любое время, когда мог, и часто пропускал ужин. Мадам Ландовски выговаривала ему за то, что он уделяет слишком мало внимания ей и детям. Его внимание к деталям и стремление к совершенству, хотя он без труда мог поручить Лорену завершение работы, вдохновляли меня. Кем бы я ни стал и что бы мне ни суждено было сделать, я дал себе обещание, что буду посвящать этому все свое время и силы.

– А ты что думаешь, мальчик? Мальчик!

Я снова затерялся в раздумьях. Те, кто проявлял интерес ко мне, уже немного привыкли к этому.

– Ты не слушал, да?

Я извинился взглядом и покачал головой.

– Я спросил, считаешь ли ты, что глаза Сунь Ятсена еще нужно поправить? Я показывал тебе его фотографию, помнишь?

Я взял карандаш, тщательно обдумывая ответ. Меня учили всегда говорить правду, но нужно было проявлять дипломатичность. Я написал нужные слова и протянул ему листок.

«Совсем немного, мсье».

Ландовски отпил глоток вина, потом запрокинул голову и рассмеялся.

– В самую точку, мой мальчик. Во второй половине дня я попробую еще раз.

Когда мужчины покончили с едой, я унес остатки хлеба и сыра, а потом сварил для них кофе так, как нравилось мсье Ландовски. Занимаясь этим делом, я рассовал остатки хлеба

и сыра по карманам шортов. Мне еще предстояло побороть эту привычку: неизвестно, когда ты останешься без пропитания.

Я принес кофе, откланялся и вернулся к себе в мансарду, где спрятал хлеб и сыр в ящике стола. В последнее время я все чаще на следующее утро выбрасывал эти остатки в мусорную корзину. Но, повторю, никогда не знаешь, что может случиться завтра...

Помыв руки и причесавшись, я спустился вниз и приступил к своим обязанностям добровольного помощника по дому. Сегодня они включали чистку столового серебра, поскольку даже Эвелин похвалила меня за усидчивость и аккуратность в этом деле. Я засиял от гордости, изголодавшись по комплиментам. Правда, это сияние продолжалось недолго, потому что Эвелин остановилась в дверях и повернулась к Эльзе и Антуанетте, которые раскладывали ножи и вилки по бархатным футлярам.

– Вам обеим стоит поучиться у этого мальчика, – сказала она и вышла, оставив горничных сердито глядеть на меня. Но поскольку они были ленивыми и нетерпеливыми, то без вопросов позволяли мне чистить столовые приборы. Я любил сидеть в тишине просторной столовой за столом из красного дерева, отполированным до блеска. Пока мои руки занимались работой, мысли могли блуждать где заблагорассудится.

С тех пор как началось мое телесное и душевное восста-

новление, больше всего меня занимала мысль о заработке. Несмотря на доброту супругов Ландовски, я всецело зависел от их расположения. В любое время, даже сегодня вечером, они могли объявить, что мое время пребывания в их доме истекло по той или иной причине. Тогда я снова оказался бы на незнакомой улице, уязвимый и одинокий. Я инстинктивно потянулся к кожаному кошельку, который носил под рубашкой. Ощущение знакомой формы было утешительным, хотя я понимал, что содержимое принадлежит не мне и я не могу его продать. Тот факт, что оно пережило путешествие, сам по себе был чудом, но его присутствие было одновременно благословением и проклятием. Оно было причиной моего пребывания в Париже и проживания под крышей у незнакомых людей.

Опустошив чайник, я пришел к выводу, что в доме есть лишь один достойный доверия человек, у которого можно попросить совета. Эвелин жила в так называемом «коттедже», который на самом деле был пристройкой к главному дому, состоявшей из двух комнат. По крайней мере, она имела отдельную ванную с уборной, а главное – отдельную входную дверь. Я еще не бывал у нее, но сегодня вечером после ужина собирался набраться храбрости и постучаться в эту дверь.

Через окно столовой я видел, как Эвелин идет к коттеджу. Она всегда уходила после подачи главного блюда, оставляя горничных распорядиться подачей десерта, уборкой со стола и мытьем посуды. Я доедал ужин и слушал семейные разговоры. Надин, старшая из сестер, еще не вышла замуж и большую часть времени проводила за пределами дома с мольбертом, кистями и палитрой. Я не видел ее работ, но знал, что она создает декорации для театральных постановок. Мне еще не приходилось бывать в театре, и, разумеется, я не мог обратиться к ней и расспросить о ее работе. Она довольно редко появлялась дома и казалась поглощенной собственной жизнью, почти не замечала меня и лишь иногда улыбалась, когда наши пути пересекались по утрам. Еще был Марсель, который однажды встал передо мной, выпятив грудь и подбоченясь, и заявил, что я ему не нравлюсь. Конечно, это было глупо, поскольку он не знал меня, но я слышал, как в разговоре с младшей сестрой Франсуазой он называл меня лизоблюдом, потому что я помогал на кухне перед ужином. Я понимал его чувства; он не представлял, зачем его родители приютили юного оборванца, которого нашли в саду и который отказывался произнести хоть слово.

Но я все простил ему с того момента, когда впервые услышал звуки прекрасной музыки, доносившейся из его комна-

ты. Я оставил свои дела и стоял как зачарованный. Хотя папа научил меня основам игры на скрипке, я еще никогда не слышал звуки, извлекаемые клавишами фортепиано под пальцами настоящего мастера. Это было великолепно. С тех пор я стал немного одержимым пальцами Марселя, дивясь тому, как они умудрялись так быстро перебирать клавиши в таком безупречном порядке. Я заставлял себя отводить взгляд, чтобы не привлекать его внимания. Однажды я намеревался собраться с духом и попросить посмотреть, как он играет. Что бы он ни думал обо мне, я считал его волшебником.

Его старший брат Жан-Макс находился на грани зрелости и относился ко мне равнодушно. Я почти не знал, чем он занимался, когда уходил из дома, хотя однажды он попробовал показать мне игру в *буль*, традиционное французское развлечение⁴. Нужно было точно бросать шары на гравийной площадке на заднем дворе, и я очень быстро усвоил основные навыки.

Была еще Франсуаза, младшая дочь Ландовски, ненамного старше меня. Она вела себя дружелюбно, хотя и казалась очень застенчивой. Я был благодарен, когда она молча передала мне сладости в саду – нечто вроде леденцов на палочке, – и мы сидели бок о бок, облизывая их и наблюдая за тем, как пчелы собирают цветочный нектар. Она присоединялась к Марселю в игре на фортепиано и любила живопись, как

⁴ Французская игра в шары с разными региональными вариациями. (Прим. пер.)

и Надин. Я часто видел ее перед мольбертом, обращенным к дому. Я не имел понятия, насколько хороши ее способности, поскольку не видел ее работ, но подозревал, что милые пасторальные пейзажи с видами на поля и реку, развешанные внизу, принадлежали ее кисти. Конечно, мы не могли стать близкими друзьями – довольно утомительно проводить время в обществе человека, который не может поддерживать разговор, – но она часто улыбалась мне, и я видел сочувствие в ее взгляде. Время от времени (обычно по воскресеньям, когда мсье Ландовски устраивал себе выходной) члены семьи играли в *буль* или отправлялись на пикник. Мне каждый раз предлагали присоединиться, но я всегда отказывался, чтобы не мешать их личному общению, а еще потому, что на собственной шкуре усвоил, до чего может довести случайная неприязнь.

После ужина я помог Эльзе и Антуанетте вымыть посуду, а после того как они поднялись в спальню, я выскользнул из кухни и обогнул дом с заднего двора, чтобы никто не заметил моего ухода.

Пока я стоял перед дверью Эвелин, сердце гулко колотилось в груди. Может быть, это ошибка? Не лучше ли просто уйти отсюда и забыть обо всем?

– Нет, – прошептал я. Рано или поздно мне придется кому-то довериться. Интуиция, которая до сих пор позволяла мне оставаться в живых, сейчас подсказывала, что я поступаю правильно.

У меня дрожала рука, когда я потянулся к двери и робко постучался. Ответа не последовало; разумеется, никто не мог слышать такой тихий стук, если не стоял прямо за дверью. Тогда я постучался громче. Через несколько секунд я увидел, как занавеска на окне отодвинулась в сторону, а потом дверь отворилась.

– Так, кто у нас тут? – Эвелин улыбнулась мне. – Заходи, заходи же. Гости нечасто бывают в моем доме.

Я оказался, наверное, в самой уютной комнате, какую мне приходилось видеть до сих пор, – хотя мне говорили, что раньше здесь был гараж для автомобиля мсье Ландовски, с простым бетонным полом. Сейчас меня повсюду окружали красивые вещи. Два мягких стула с разноцветными лоскутными покрывалами стояли в центре комнаты. Стены были увешаны семейными портретами и натюрмортами, а у окна на столе красного дерева стояла ваза с изящным букетом. Маленькая деревянная дверь в дальнем конце предположительно вела в спальню и уборную, а на буфете, заполненном фарфоровыми чашками и бокалами, была установлена книжная полка.

– Присаживайся. – Эвелин указала на стул и отложила в сторону свое вязание. – Хочешь лимонада по моему рецепту?

Я энергично кивнул. До того как я оказался во Франции, мне не доводилось пробовать лимонад, и теперь я пил его при любом удобном случае.

Эвелин подошла к буфету и достала два стакана, а потом налила из кувшина молочно-желтую жидкость с толченым льдом.

– Ну вот, – произнесла Эвелин, когда устроилась на стуле, который был маловат для ее фигуры. – *Santé!* – Она подняла свой стакан. Я ответил тем же, но промолчал.

– Итак, чем я могу помочь тебе? – спросила Эвелин.

Я заранее написал вопрос и достал из кармана листок бумаги. Она прочитала записку и посмотрела на меня.

– Как ты сможешь заработать немного денег? Ты это хотел спросить?

Я кивнул.

– Пока не знаю, молодой человек, но я подумаю об этом. А почему ты решил, что тебе нужно зарабатывать?

Я жестом попросил вернуть бумагу и начал писать.

– «На тот случай, если добрые супруги Ландовски решат, что мне больше нет места в их доме», – прочитала она вслух. – Что тут скажешь? Принимая во внимание успех мсье Ландовски и размер его гонораров, весьма сомнительно, что они решат переехать в более скромный дом. Но, кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты боишься, что однажды они могут просто выставить тебя на улицу?

Я согласно закивал.

– И тогда ты окажешься еще одним маленьким голодным сиротой на парижских улицах. Это приводит меня к важному вопросу: ты сирота? «Да» или «нет» будет достаточно.

Я помотал головой.

— Где твои родители?

Она протянула мне листок бумаги, и я написал два слова: «Не знаю».

— Ясно. Я было подумала, что они могли пропасть без вести во время большой войны, но она закончилась в тысяча девятьсот восемнадцатом году, поэтому ты слишком мал для такой версии.

Я пожал плечами, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Беда с добрым отношением состояла в том, что оно притупляло бдительность, а я не мог себе этого позволить. Эвелин помолчала, внимательно глядя на меня.

— Я знаю, что ты можешь говорить. Та девушка из Бразилии рассказала всем, что ты поблагодарил ее на безупречном французском языке в тот вечер, когда она нашла тебя. Вопрос в том, почему ты молчишь. Единственный ответ, который приходит мне в голову, — если ты с тех пор не онемел, в чем я сомневаюсь, — заключается в том, что ты боишься кому-либо доверять. Я права?

Меня обуревали противоречивые чувства. Мне хотелось сказать, что она совершенно права, и броситься в ее утешительные объятия, но... я понимал, что еще рано. Я показал, что мне нужна бумага, и написал на листке:

«У меня была лихорадка. Я не помню, как разговаривал с Бел».

Эвелин прочитала эти слова и улыбнулась.

– Понятно, молодой человек. Я знаю, что ты лжешь, но ты явно перенес какую-то травму, которая подорвала твоё доверие к людям. Наверное, однажды, когда мы ближе познакомимся друг с другом, я расскажу тебе кое-что о своей жизни. Во время большой войны я работала медсестрой на фронте. Страдания, которые я там видела... это невозможно забыть. И если откровенно, то на какое-то время я утратила веру в людей и доверие к ним. И перестала верить в Бога. Ты веришь в Бога?

Я неуверенно кивнул – отчасти потому, что не знал, осталась ли она религиозной женщиной, а отчасти потому, что не был уверен в собственных убеждениях.

– Возможно, сейчас ты находишься в таком же состоянии, как и я тогда. Мне понадобилось много времени, чтобы снова во что-то поверить. Хочешь знать, что вернуло мне веру и доверие? Любовь... любовь к моему дорогому мальчику. Она все исправила. Разумеется, любовь в конечном счете исходит от Бога или, если хочешь, от невидимого духа, который объединяет всех людей. Даже если иногда кажется, что Бог оставил нас, Он не оставляет. Как бы то ни было, боюсь, что сейчас я не знаю ответа на твой вопрос. На парижских улицах есть множество мальчиков и подростков вроде тебя, которые умудряются выживать такими способами, что мне даже не хочется думать об этом. Но... послушай, мне хочется, чтобы ты хотя бы поделился со мной своим именем. Уверю тебя, что мсье и мадам Ландовски – добрые и хорошие

люди, и они никогда не выгонят тебя из дома.

Я снова указал на листок бумаги и написал:

«Тогда что они сделают со мной?»

– Если бы ты заговорил, то они бы разрешили тебе остаться в доме сколько угодно и отправили бы тебя в школу, как и своих детей. А так, – она пожала плечами, – это невозможно, правда? Сомнительно, что какая-нибудь школа согласится принять немого мальчика, независимо от уровня его образования. Судя по тому, что мне известно о тебе, я бы предположила, что ты вполне образован и хочешь учиться дальше. Это правда?

Я изобразил типично французское пожатие плечами, которому научился у жильцов дома.

– Не люблю лжецов, молодой человек, – неожиданно укорила меня Эвелин. – Пусть у тебя есть причины для молчания, но, по крайней мере, ты можешь быть искренним. Итак, хочешь ли ты продолжить свое образование?

Я неохотно кивнул. Эвелин хлопнула себя по бедру.

– Так-то лучше! Ты должен решить, когда сможешь заговорить; после этого твое будущее в семье Ландовски станет куда более надежным. Ты сможешь быть нормальным ребенком и ходить в нормальную школу, а домашние будут относиться к тебе еще лучше, чем прежде. – Эвелин зевнула. – Завтра мне рано вставать, но я была рада тебе и твоему обществу. Пожалуйста, заходи, когда пожелаешь.

Я немедленно встал, благодарно раскланялся и направил-

ся к выходу, а Эвелин проводила меня. Когда я уже был готов повернуть дверную ручку, ее руки мягко легли мне на плечи. Потом она развернула меня и привлекла к себе.

– Все, что тебе нужно, – это немного любви, *chéri*. Спокойной ночи.

3

26 октября 1928 года

Сегодня в столовой перед ужином разожгли огонь в камине. Очень приятно смотреть на это, хотя я не понимаю, почему все жалуется на холод. Все члены семьи находятся в добром здравии и очень заняты. Мсье Ландовски еще нервничает из-за транспортировки своей драгоценной статуи Христа в Рио-де-Жанейро. Еще ему предстоит завершить работу над головой Сунь Ятсена. Я стараюсь помогать по дому, насколько это возможно, и надеюсь, что стал помощником, а не бременем для семьи. Еще я очень рад новому комплекту зимней одежды, полученному от Марсея. Рубашка, короткие штаны и свитер сделаны из прекрасной ткани, в которой легко и удобно. Мадам Ландовски благосклонно решила, что, хотя я пока что не могу ходить в школу, мне все равно нужно продолжить обучение. Она дала мне несколько математических задач и тест на правописание. Я постарался сделать все правильно, потому что благодарен этим

добрым людям, приютившим меня в своем чудесном доме.

Я отложил ручку, закрыл дневник и запер его на замочек, надеясь на то, что любопытствующие не найдут в моих записях ничего предосудительного. Потом я сунул руку под ящик и достал небольшую пачку бумажных листов, обрезанных под размер страниц дневника. Там я записывал свои *настоящие* мысли. Сначала я вел дневник лишь ради своих благодетелей, на тот случай, если они будут спрашивать, пользуюсь ли я их подарком. Но я обнаружил, что невозможность высказывать свои мысли и чувства все больше тяготит меня, поэтому стал искать выход из положения. Я решил, что однажды, после расставания с семьей Ландовски, вставлю эти листы в соответствующие разделы дневника, чтобы получить более честную картину моей жизни.

Пожалуй, из-за Эвелин мне стало труднее думать об уходе. С тех пор как она предложила заходить к ней в любое время, я стал у нее частым гостем и поверил, что она испытывает ко мне некое подобие материнского чувства, которое казалось искренним и неподдельным. За последние несколько недель я много раз сидел в ее уютной комнате и слушал ее рассказы о былой жизни, которая, как я и подозревал, была полна страданий. Ее муж и старший сын так и не вернулись с войны. Поскольку я родился в 1918 году, то не застал это мировое бедствие. Слушая рассказы Эвелин о громадных потерях на полях сражений, где людей, в буквальном смысле,

разрывало на куски, я невольно содрогался.

— Больше всего мне жаль, что мои любимые Жак и Антуан умерли в одиночестве, и никто не мог дать им последнее утешение.

Я увидел, как глаза Эвелин наполнились слезами, и протянул к ней руку. Больше всего мне хотелось сказать: «Понимаю, как это было тяжело для вас. Я тоже потерял всех, кого любил...»

Она объяснила, что именно поэтому так заботилась о единственном оставшемся сыне и защищала его. Если она потеряет его, то сойдет с ума. Мне хотелось сказать, что я давно сошел с ума, но, к моему удивлению, ум постепенно возвращался.

Становилось все труднее оставаться немым, особенно потому, что я знал: если заговорю, то меня отправят в школу. А мне больше всего хотелось продолжить учебу. Но тогда начнутся вопросы о моих жизненных обстоятельствах, на которые я просто не мог ответить. Или же мне придется лгать, а эти добрые люди, которые приняли меня к себе, кормили и одевали, заслуживали лучшего.

* * *

— Заходи, заходи! — сказала Эвелин, когда я открыл дверь. Мне было известно о ее больной ноге, причинявшей ей больше неприятностей, чем она показывала. Я был не единствен-

ным, кто беспокоился о своем положении в семье Ландовски.

– Принеси какао, хорошо? – добавила она. – Я все подготовила для тебя.

Я пошел на кухню, наполненную восхитительным запахом горячего шоколада. Я был уверен, что когда-то давно пил какао, но не мог вспомнить, когда это было. Какао у Эвелин быстро стало моей любимой частью дня.

Я наполнил две кружки и поставил одну из них перед Эвелин, а другую – рядом с камином, где в маленьком очаге весело пылал огонь. Усевшись, я помахал рукой перед лицом, покрасневшимся от жары.

– Ты родился в очень холодной стране, да? – Эвелин окинула меня цепким взглядом, и я понял, что она хочет выудить из меня побольше информации, пока я отвлекаюсь на посторонние вещи.

– Когда-нибудь ты ответишь мне. – Она улыбнулась. – А пока ты остаешься экстраординарной загадкой.

Я вопросительно посмотрел на нее. Мне еще не приходилось слышать слово «экстраординарный», но мне понравилось, как оно звучит.

– «Экстраординарный» означает «выдающийся», – пояснила она. – Такие люди всегда вызывают интерес, пока к ним не привыкают.

Я кивнул, размышляя о ее словах. Такая характеристика была не слишком лестной для меня.

– Ладно, прости за мою досаду. Просто... я беспокоюсь за тебя. Терпение мадам и мсье Ландовски может закончиться. Позавчера я слышала их разговор, когда вытирала пыль в гостиной. Они думают, не стоит ли показать тебя психиатру. Понимаешь, что это значит?

Я покачал головой.

– Психиатры разбираются в душевном здоровье человека; они выясняют твое психическое состояние и его причины. К примеру, если у тебя есть какое-то душевное расстройство, тебя могут поместить в больницу.

Мои глаза широко распахнулись от ужаса. Я отлично понимал, что она имеет в виду. Одного из наших соседей, который регулярно начинал кричать и однажды вышел голым на улицу, забрали в так называемый «санаторий». Судя по всему, это было жуткое место, где люди кричали, плакали или сидели неподвижно, как мертвые.

– Извини, мне не следовало говорить об этом, – поспешно сказала Эвелин. – Мы все знаем, что ты не сумасшедший и на самом деле скрываешь, насколько ты умен. Они хотят направить тебя к психиатру, чтобы выяснить, почему ты не хочешь разговаривать, хотя можешь.

Как всегда, я решительно покачал головой. Мое объяснение заключалось в том, что у меня была лихорадка, поэтому я не помнил, как разговаривал с Бел. И это в целом не было ложью.

– Они пытаются помочь тебе, дорогой, а не причинить

вред. Пожалуйста, не пугайся. Посмотри, – добавила Эвелин и взяла коричневый бумажный пакет, лежавший рядом с ее стулом. – Это для тебя, на зиму.

Я принял пакет из ее рук, чувствуя себя именинником. Прошло много времени с тех пор, как я получал подарки. Мне хотелось оттянуть сладостный момент, но Эвелин попросила меня раскрыть пакет. Внутри находились полосатый разноцветный шарф и шерстяная шапка.

– Примерь их, молодой человек. Посмотри, подойдут ли.

Хотя в комнате было жарко, как в бане, я подчинился. Шарф подошел отлично, да и могло ли быть иначе? Но шерстяная шапка оказалась великовата и напознала мне на глаза.

– Дай ее мне, – сказала Эвелин и загнула передний край шапки. – Вот, так будет лучше. Как ты думаешь?

Думаю, я умру от апоплексического удара, если не сниму это...

Я энергично кивнул, потом встал, подошел к Эвелин и обнял ее. Когда я отстранился, то понял, что мои глаза наполнились слезами.

– Ладно, глупенький, ты же знаешь, как я люблю вязать, – сказала она. – Я навязала десятки таких шапок для наших мальчиков.

Я вернулся на свой стул. Слово «спасибо» едва не слетело с моих губ, но я удержал язык за зубами. Сняв шапку и шарф, я аккуратно сложил их и убрал в пакет.

– А теперь нам обоим пора спать, – сказала Эвелин, по-

смотрев на часы, стоявшие на каминной полке. — Но сначала я скажу, что сегодня получила замечательную новость. — Эвелин указала на письмо, лежавшее рядом с часами. — Это от моего сына Луи. Он приедет встретиться со мной завтра. Разве это не прекрасно?

Я воодушевленно кивнул, но, честно говоря, в душе немного позавидовал этому «прекрасному Луи», который был абсолютным совершенством в глазах матери. Я мог бы возненавидеть его, если бы не искренняя радость Эвелин.

— Мне хочется, чтобы завтра ты пришел сюда и познакомился с ним. Он отведет меня на ланч, и мы вернемся в половине четвертого. Почему бы тебе не зайти в четыре часа?

Я кивнул, постаравшись выглядеть не слишком хмурым. Потом взял пакет, улыбнулся экономке, помахал ей на прощание и вышел на улицу.

В ту ночь я плохо спал и долго ворочался в постели, расстроенный появлением конкурента в борьбе за благосклонное внимание Эвелин и ее словами о намерении Ландовски отвести меня к психиатру.

* * *

В воскресенье, после обеда, я умылся из тазика с водой, которую каждый день приносила одна из горничных. Здесь, в мансарде, у нас не было «удобств» (еще одна причина для жалоб Эльзы и Антуанетты, которым по вечерам приходи-

лось спускаться в уборную на первом этаже). Я причесался и решил, что не буду надевать шерстяной джемпер, поскольку опасался, что Эвелин сильно натопит комнату в честь приезда сына. Я вышел из задней двери на кухне и начал уже привычный обход вокруг дома, когда звуки музыки заставили меня остановиться. Я закрыл глаза и прислушался, а мои губы невольно растянулись в улыбке. Я знал это музыкальное произведение, и хотя сейчас его исполнял не такой мастер, как мой отец, но явно человек с музыкальным образованием.

Когда музыка умолкла, я подошел к двери Эвелин и постучался. Мне сразу же открыл худой юноша, которому, как я знал, было девятнадцать лет.

– Привет, – с улыбкой сказал он. – Должно быть, ты тот самый юный бродяга, который появился в доме с тех пор, как я прошлый раз приезжал сюда.

Он проводил меня в комнату, где я поискал взглядом инструмент, на котором он недавно играл. Скрипка лежала на стуле, где я обычно сидел, и я обнаружил, что не могу отвести глаз от нее.

– Здравствуй, – сказала Эвелин. – Это мой сын Луи.

Я кивнул, по-прежнему глядя на простой предмет, волшебным образом превращенный из куска дерева в музыкальный инструмент, способный издавать самые прекрасные звуки на свете, – во всяком случае, по моему мнению.

– Ты слышал, как играл мой сын? – Мой интерес к скрипке не ускользнул от внимания Эвелин.

Я кивнул, отчаянно желая потянуться к скрипке, пристроить ее под подбородком, поднять смычок и извлечь несколько нот.

– Хочешь поддержать?

Я посмотрел на Луи, который был похож на свою мать, с такой же нежной улыбкой. Он протянул мне скрипку, и я принял ее с таким же благоговением, как будто это было золотое руно. Потом я автоматически пристроил инструмент в рабочем положении под подбородком.

– Значит, ты умеешь играть, – заметил Луи.

Это был не вопрос, а утверждение. Я снова кивнул.

– Тогда давай послушаем тебя. – Он потянулся за смычком и вручил его мне. Судя по его игре, я понимал, что инструмент безупречно настроен, но все-таки поводил смычком по струнам, стараясь привыкнуть к ощущению. Он был тяжелее, чем у нас с папой, и оставалось лишь гадать, смогу ли я выстроить музыкальную композицию. Прошло очень много времени с тех пор, как я последний раз держал в руках скрипку. Закрыв глаза, я стал делать то, чему учил папа, ласково прикасаясь смычком к струнам. Я даже не решил, что буду играть, когда из-под моей руки полились прекрасные звуки «Аллеманды» из «Партиты для скрипки ре-минор» Баха. Меня самого удивило, когда звуки прекратились и наступила тишина... а потом слушатели захлопали.

– Я меньше всего этого ожидала, – сказала Эвелин, обмахиваясь веером.

– Мсье, это было... – начал Луи, – ...это было поразительно, особенно для мальчика твоего возраста. Скажи, где ты научился играть?

Я не собирался выпускать скрипку из рук, чтобы достать пишущую бумагу, поэтому лишь пожал плечами в надежде, что он попросит сыграть что-нибудь еще.

– Я же сказала, Луи, что он не может говорить.

– То, чего лишены его голосовые связки, с лихвой возмещается мастерством скрипача. – Луи улыбнулся матери и повернулся ко мне: – Ты выдающийся музыкант для такого юного возраста. Теперь дай-ка я заберу скрипку, а ты посиди и попей чаю.

Когда Луи подошел ко мне, у меня возникло желание прижать скрипку к груди, повернуться и убежать со всех ног.

– Не волнуйся, молодой человек, – сказала Эвелин. – Теперь, когда я знаю, что ты замечательный скрипач, я буду как можно чаще просить, чтобы ты поиграл мне. Видишь ли, эта скрипка принадлежала моему мужу. Он тоже прекрасно играл на ней. Поэтому скрипка живет рядом со мной, у меня под кроватью. Ты можешь положить ее сюда.

Она указала на футляр, лежавший на полу. Пока Луи готовил чай, я осторожно положил скрипку в ее гнездышко. Имя изготовителя было выведено печатными буквами на внутренней стороне футляра. Я никогда не слышал о нем, но это не имело значения. Качество звука было не таким хорошим, как у папиной скрипки, хотя вполне приличным. Эвелин не

попросила меня убрать футляр, поэтому он лежал рядом со мной, пока мы пили чай, и я слушал, как Луи рассказывает своей матери об инженерных курсах, которые он посещал.

– Возможно, после окончания учебы меня примут в команду разработчиков новой модели «Рено», – сообщил он.

– Конечно, я буду гордиться тобой, а главное – тогда ты сможешь жить поблизости, а не в далеком Лионе, как сейчас.

– Это ненадолго. Мне осталось лишь полтора года до получения диплома, и тогда я разошлю письма во все автомобильные компании. Посмотрим, кому пригодятся мои навыки.

– Даже в раннем детстве Луи был одержим автомобилями, – объяснила мне Эвелин. – В те дни на дорогах было мало автомобилей, но Луи рисовал то, что он считал современными моделями, и они очень близки по конструкции к автомобилям, которые выпускают сейчас. Разумеется, такое могут позволить себе лишь богатые люди...

– Скоро все будет по-другому, мама. Когда-нибудь в каждой семье, включая нашу, будет собственный автомобиль.

Я решил, что у меня в желудке еще есть свободное место, и взял с тарелки последний ломтик пирога.

– Итак, что тебе больше всего нравится? – поинтересовался Луи.

Я достал листок бумаги и написал три слова:

«Еда!»

«Скрипка».

«Книги».

Внизу я добавил «чтение» в круглых скобках и протянул ему записку.

– Понятно. – Луи усмехнулся, когда прочитал это. – Первые два пункта я сегодня видел в действии. Ты когда-то мог говорить?

Я кивнул, не желая отнекиваться и тратить время на размышление.

– Можно спросить, что случилось? Отчего ты стал немым?

Я пожал плечами и покачал головой.

– Не наше дело спрашивать об этом, – вмешалась Эвелин. – Он сам расскажет, когда будет готов, правда?

Я кивнул и печально свесил голову. Мнимая немота помогала мне совершенствовать актерские навыки.

– Подложи дров в камин, Луи: ночи становятся действительно холодными. – Эвелин зябко передернула плечами. – Я не люблю зиму, а ты, молодой человек?

Я энергично покачал головой.

– Но Рождество хотя бы приносит свет в наши дома и согревает сердца. Мы всегда ждем его. Тебе нравится Рождество?

Я посмотрел на нее, потом закрыл глаза, вспоминая тот день, когда в очаге ярко пылал огонь и мы разделили скромные подарки после посещения церкви. Там было мясо на ужин и некоторые особенные деликатесы, приготовленные

для этого дня. Я очень радовался, хотя сейчас это воспоминание было похоже на книжную иллюстрацию, как будто оно не принадлежало мне.

– Надеюсь, я смогу приехать к тебе на Рождество, мама, – сказал Луи. – Я буду экономить, насколько смогу.

– Знаю, милый. Конечно же, – добавила Эвелин, обращаясь и ко мне. – Рождество – это самое оживленное время в году. Мсье Ландовски любит устраивать вечеринки для своих друзей, поэтому, наверное, нам лучше встретиться после Рождества, когда билеты на поезд будут подешевле.

– Может быть, посмотрим. Очень жаль, но мне уже пора.

– Разумеется, – согласилась Эвелин, но я видел, как погрузнел ее взгляд. – Позволь собрать тебе еды в дорогу.

– Пожалуйста, мама, оставайся на месте, – сказал Луи, жестом попросив ее не вставать со стула. – Мы плотно поели, и я готов поклясться, что этого пирога мне хватит, чтобы добраться без лишней крошки во рту. Наверное, ты заметил, что моя мама любит кормить людей, – добавил он в мою сторону.

Я встал, поскольку не хотел присутствовать при печальной сцене расставания матери и сына. Я обнял Эвелин, потом пожал руку Луи.

– Было очень приятно познакомиться с тобой, и спасибо за то, что составляешь маме компанию. Это полезно для нее. – Он улыбнулся.

– Ты хорошо знаешь мои слабости, – хохотнула Эвелин. –

До свидания, молодой человек, увидимся завтра.

— И, может быть, во время моего следующего приезда у тебя будет имя, чтобы мы могли обращаться к тебе, — добавил Луи, когда я направился к двери.

Я пошел домой, размышляя над его словами. В принципе, я много раз задумывался над этим с тех пор, как стал немым. Я больше никому не сообщал свое настоящее имя, и это означало, что я могу выбрать любое имя, какое пожелаю. Вряд ли оно будет лучше моего настоящего имени, но было интересно думать о том, как я назову себя. Проблема в том, что у тебя уже *есть* имя, пусть даже самое ужасное на свете, но оно принадлежит тебе. Часто имя бывает первым, что другие люди узнают о тебе. Поэтому отделаться от выбранного имени гораздо труднее, чем это может показаться. За последние несколько недель я выдумал много возможных вариантов — просто потому, что мне не нравилось, когда другие люди не знают, как к тебе обращаться. Но подходящее имя так и не появилось, как бы я ни старался.

Отрезав себе щедрый ломоть багета и намазав его джемом (по воскресным вечерам члены семьи питались самостоятельно), я поднялся в свою мансарду и сел на кровать, глядя на сгущавшийся сумрак за маленьким окном. Потом я достал свой дневник и добавил несколько строк к предыдущему абзацу.

Впервые за долгое время я снова играл на скрипке. Было

восхитительно чувствовать в руке смычок и извлекать звуки из этого чудесного инструмента...

Мой карандаш замер в воздухе, когда я понял, что только что нашел идеальное имя для себя.

4

– Итак, статуя наконец готова. – Мсье Ландовски облегченно хлопнул ладонью по верстаку. – Но теперь этот сумасшедший бразилец хочет, чтобы я изготовил масштабную модель головы и рук его Христа. Голова должна быть высотой около четырех метров, так что она едва поместится в мастерской, а пальцы дотянутся до стропил. Нам предстоит, в буквальном смысле, испытать на себе тяжесть Божьей ладони, – пошутил он. – Коста да Силва говорит, что, когда я закончу этот труд, он разделит мое творение на части, словно мясник тушу быка, чтобы доставить их по морю в Рио-де-Жанейро. Мне еще никогда не приходилось выполнять подобную работу, но... – Он вздохнул. – Возможно, я должен довериться его безумию.

– Пожалуй, у вас нет выбора, – согласился Лорен.

– Во всяком случае, Бройли, он оплачивает наши счета, хотя я не смогу принимать новые заказы до тех пор, пока голова и руки нашего Спасителя не покинут мою мастерскую. Там просто не будет свободного места. Принеси мне слепки

женских рук, которые ты сделал несколько месяцев назад. Мне нужен какой-то материал для начала работы.

Когда Лорен пошел в кладовую за слепками, я решил, что пора уходить. Я ощущал напряжение обоих мужчин. После ухода из студии я опустился на каменную скамью и запрокинул голову, уставившись в ясное ночное небо. Внезапно я задрожал от холода и впервые порадовался своему шерстяному джемперу. Ночь обещала быть морозной, но я не ожидал, что выпадет снег. Я повернул голову и искал нужное место на небе, зная, что наступило время года, когда те, кто направил меня к моему новому дому, окажутся над Северным полушарием. Я уже видел их несколько раз, когда они слабо мерцали и часто были закрыты облаками, но сегодня они сияли ярко.

Я вздрогнул, как бывало каждый раз, когда кто-то незаметно подходил ко мне, и попытался выяснить, кто это. Из темноты появилась знакомая фигура Лорена, который уселся рядом со мной, пока я продолжал смотреть в небо.

– Любишь звезды? – спросил он.

Я улыбнулся и кивнул.

– Это пояс Ориона. – Лорен указал в ночное небо. – А рядом – звездное скопление, которое называется Семь Сестер. Их родители, Атлант и Плейона, присматривают за ними.

Я следовал взглядом за его пальцем, пока он чертил линии между звездами, не осмеливаясь посмотреть на него, иначе он бы заметил мое изумление.

– Мой отец интересовался астрономией и держал телескоп в одной из чердачных комнат нашего дома, – объяснил Лорен. – Иногда в ясную ночь он выводил нас на крышу и рассказывал о звездах. Однажды я увидел падающую звезду и подумал, что это самое большое волшебство на свете. – Он опустил голову и пристально посмотрел на меня. – У тебя есть родители?

Я продолжал смотреть на звезды и сделал вид, будто не слышал его.

– Ну ладно, мне пора идти. – Он похлопал меня по затылку. – Спокойной ночи.

Я смотрел, как он уходит, и думал о том, что сейчас (по крайней мере, после эпизода со скрипкой) был как никогда близок к тому, чтобы заговорить. Из всех звезд и созвездий, которые он называл... Я знал, что о них существуют легенды, но почему-то всегда считал их *своим* секретом и не был уверен, нравится ли мне, что кто-то другой тоже считает их особенными.

«Только посмотри на Семь Сестер, сынок. Они всегда будут там, наблюдая за тобой и защищая тебя, когда я не смогу этого сделать...»

Я наизусть помнил истории о них. Когда я был гораздо младше, то слушал папу, который рассказывал мне о древних чудесах. Я знал, что они были существами не только из греческой мифологии, но и из многих легенд по всему миру, и в моей душе они были реальными: семь женщин, на-

блюдавших за мной с небосвода. В то время, как другим детям рассказывали об ангелах, простиравших крылья над ними, Майя, Альциона, Астеропа, Келено, Тайгете, Электра и Меропа были моими приемными матерями. Я считал себя счастливым, потому что, если одной из них не было видно в ту или иную ночь, другие оставались на месте. Иногда я думал, что если собрать их вместе, то получится идеал женщины, подобный Богоматери. И хотя с тех пор я вырос, мои мечты о сестрах сохраняли реальность, и они приходили ко мне на помощь. Они не исчезали, потому что я нуждался в них. Я снова посмотрел на них, потом встал со скамьи и со всех ног побежал в мансарду, чтобы снова выглянуть из окна. И... ДА! Они были видны и оттуда.

Наверное, в ту ночь я спал так крепко и хорошо, как никогда, зная, что мои стражи были на месте и озаряли меня своим защитным светом.

* * *

По дому распространились слухи о том, что я умею играть на скрипке.

– Они хотят послушать, как ты играешь, – сказала Эвелин. – И ты поиграешь им в воскресенье.

Я надулся, но больше от страха, чем от досады. Одно дело – играть для экономки, и совсем другое – для членов семьи Ландовски, тем более что Марсель был талантливым пи-

анистом.

– Не беспокойся, ты можешь попрактиковаться, – сказала Эвелин и вручила мне скрипку. – Приходи днем, когда все остальные заняты своими делами. Тебе не нужно репетировать, мой дорогой, но, возможно, ты будешь чувствовать себя увереннее. Ты много произведений знаешь наизусть?

Я кивнул.

– Тогда ты выбери как минимум два-три, – посоветовала она.

Поэтому следующие несколько дней я приходил в маленький дом Эвелин, пока она работала неподалеку, закрывал окна от любопытных глаз и ушей и исполнял свои любимые фрагменты. Эвелин была права: мои пальцы отчасти утратили былую гибкость, вероятно, из-за того, что мне пришлось вынести по пути во Францию. После долгих раздумий я выбрал три композиции. Первую – потому, что она звучала очень впечатляюще, но была довольно простой для исполнения. Вторая была технически сложным фрагментом на тот случай, если кто-то из членов семьи обладал достаточными знаниями об игре на скрипке, чтобы судить о моем мастерстве. А третья была моим любимым образцом скрипичной музыки, и мне просто нравилось исполнять ее.

«Представление» должно было состояться перед ланчем в воскресенье. Даже слуг пригласили прийти на прослушивание. Уверен, что супруги Ландовски старались ради того, чтобы я чувствовал себя особенным, но у меня возника-

ло неприятное ощущение испытания на прочность. Так или иначе, я был уверен в их доброте и понимал, что у меня нет иного выбора, кроме выступления перед ними. Это было страшно, поскольку до сих пор я играл только перед своей семьей, и для меня не имело значения ничье мнение, кроме отцовского. Но речь шла о знаменитом скульпторе и членах его семьи, обладавших немалыми музыкальными талантами.

Я плохо спал в предыдущую ночь, ворочаясь с боку на бок и желая сбежать в маленький дом Эвелин, чтобы упражняться до тех пор, пока скрипка не станет продолжением моих рук, как завещал отец.

Утром в воскресенье я упражнялся, пока у меня едва не отвалились пальцы. Потом пришла Эвелин, которая велела мне подняться в мансарду и переодеться. На кухне она «привела меня в порядок», то есть смочила мне волосы и зачесала их назад, а потом вытерла мне лицо фланелевым платком.

– Ну вот, теперь ты готов. – Она улыбнулась и притянула меня к себе. – Помни, я горжусь тобой!

Когда она отпустила меня, я увидел слезы в ее глазах.

Меня пригласили в гостиную, где члены семьи собрались вокруг жарко натопленного камина. Все держали в руках бокалы вина и смотрели на меня, я встал перед ними.

– Не надо нервничать, мой мальчик, хорошо? – сказал мсье Ландовски. – Играй что хочешь, когда будешь готов.

Я пристроил скрипку у подбородка и немного пошевелил инструмент, чтобы он лег поудобнее. Потом закрыл глаза и

мысленно попросил всех моих защитников, включая папу, собраться вокруг меня. Потом я поднял смычок и заиграл.

Когда я закончил последний музыкальный фрагмент, наступила жуткая тишина. Вся моя уверенность ушла в пятки. Что мог знать папа? Что могли знать экономка и ее сын-инженер? Я почувствовал, что заливаюсь краской; мне хотелось повернуться и убежать. Должно быть, мой слух притупился от уныния, потому что когда я пришел в себя, то услышал аплодисменты. Даже Марсель выглядел изумленным и вдохновленным.

– Bravo, молодой человек! – произнес мсье Ландовски. – Bravo! Мне лишь хотелось бы узнать, где ты научился такому мастерству. Может быть, все-таки расскажешь? – добавил он почти умоляющим тоном.

– Серьезно, это очень и очень хорошо, особенно для твоего возраста, – сказал Марсель, умудрившись совместить комплимент с покровительственной манерой речи.

– Отличная работа, – сказала мадам Ландовски, похлопав меня по плечу и одарив теплой улыбкой. – А теперь нам пора на ланч, – добавила она, когда в коридоре прозвенел колокольчик.

За столом было много разговоров о моем невероятном мастерстве, а после подачи главного блюда члены семьи засыпали меня хитроумными вопросами, на которые приходилось отвечать кивком или качать головой. Хотя я испытывал определенное неудобство, поскольку они относились к зага-

дочному периоду моей жизни как к интеллектуальной игре, я понимал, что никто из них не хотел обидеть меня. Если я не хотел отвечать на какой-то вопрос, то просто не отвечал.

— Мы должны найти для тебя преподавателя музыки, молодой человек, — сказал мсье Ландовски. — У меня есть друг в консерватории. Рахманинов должен знать, где найти хорошего учителя.

— Папа, в консерваторию принимают гораздо более старших учеников, — вставил Марсель.

— Да, но это не просто ученик. Наш юный друг обладает выдающимся талантом. Известно, что никакой возраст не препятствует развитию таланта. Я посмотрю, что можно сделать, — сказал мсье Ландовски и подмигнул мне. Я увидел, как надулся Марсель.

Незадолго до того, как все поднялись из-за стола после десерта, я принял решение. Мне очень хотелось преподнести мсье Ландовски особый подарок за все, что он сделал для меня. Я взял листок бумаги и написал несколько слов. Когда все начали выходить из комнаты, я жестом остановил мсье Ландовски и слегка дрожавшей рукой передал ему листок.

— Вот оно как. — Он добродушно хмыкнул, когда прочитал три слова. — После твоего сегодняшнего выступления этого можно было ожидать. Полагаю, это прозвище связано с твоим талантом? Потому что ты *bon violoniste*⁵?

Я кивнул.

⁵ Хороший скрипач (*фр.*).

– Отлично, тогда я извещу членов семьи. Спасибо за доверие; я понимаю, как это трудно для тебя.

Я вышел в коридор и бегом поднялся в свою комнату, где встал перед зеркалом и посмотрел на себя. Потом я открыл рот и произнес:

– Меня зовут Бо.

* * *

Для меня нашли учителя-скрипача, и после Рождества мне предстояло съездить в Париж, чтобы сыграть перед ним. Я не знал, какая перспектива была более волнующей: возможность выступить перед настоящим скрипачом или приехать в Париж вместе с Эвелин.

– Париж, – прошептал я, лежа под одеялом. Эвелин велела горничным обеспечить меня толстым шерстяным одеялом, и теперь часы, проведенные в уютной и теплой постели, были для меня одними из лучших. Я испытывал забавное ощущение в животе, которое помнил с тех пор, когда был маленьким и в моем сердце еще не поселился страх. Как будто маленькие пузырьки поднимались из моего живота к груди, заставляя мои губы изгибаться в улыбке. Думаю, для этого чувства существовало слово *предвкушение*. Я почти не осмеливался испытывать его, поскольку оно вело к подлинной радости, а мне не хотелось слишком радоваться, потому что тогда могло случиться нечто ужасное, например, Лан-

довски больше не захотят видеть меня под своей крышей, и тогда будет еще труднее снова справляться с голодом, одиночеством и безденежьем. Скрипка спасла меня, она сделала меня еще более «курьезным», как Ландовски сказал Лорену на следующий день в своей студии (мне пришлось поискать значение слова «курьезный», так как оно отсутствовало в моем словаре).

Итак, если я хотел остаться, мне нужно было сохранять как можно большую «курьезность», а также быть полезным по дому, что в целом было очень утомительным делом. Рождество неумолимо приближалось, а вокруг все тайно перешептывались насчет подарков. Это сильно беспокоило меня, поскольку у меня, конечно же, не было денег на рождественские покупки, а я боялся, что добрые члены семьи завалят меня ими. Во время одного из моих вечерних визитов я поделился своими опасениями с Эвелин.

Она прочитала записку «Откуда мне взять деньги на подарки?», потом посмотрела на меня, и я понял, что она тоже размышляла об этом.

– Я могла бы одолжить тебе денег на маленькие подарки для всех, но знаю, что ты откажешься брать их и что Ландовски будут интересоваться, откуда взялись деньги... если ты понимаешь, что я имею в виду. – Она закатила глаза. Думаю, она имела в виду, что меня могли заподозрить в краже, что было бы крайне неприятно.

Эвелин попросила меня приготовить какао, пока она бу-

дет думать об этом, и я ушел на кухню. К тому времени, когда я поставил кружку перед Эвелин, у нее появился план.

– Ты проводишь много времени в мастерской Ландовски и стараешься обрабатывать камни?

Я кивнул, потом взял листок бумаги и написал: «Да, но у меня очень плохо получается».

– Ну, кто может быть хорош в таком деле, кроме гения вроде мсье Ландовски? Но у тебя есть практика в работе с резцом, так что я посоветовала бы тебе попробовать более легкий материал, вроде дерева, и вырезать маленькие безделушки для каждого члена семьи в качестве рождественских подарков. Это порадует мсье Ландовски, так как он поймет, что месяцы твоих наблюдений и учебы не пропали впустую и ты получил полезный навык.

Я энергично закивал. Хотя Эвелин часто называла себя необразованной женщиной, она иногда предлагала самые блестящие идеи.

Поэтому я нашел деревянные плашки среди кучи дров в сарае. Каждое утро, еще до того, как просыпались остальные, я садился за верстак и начинал тренироваться. Эвелин оказалась права в выборе дерева вместо камня. Это было все равно что учиться играть на жестяном свистке вместо флейты. Кроме того, я видел, как другие занимались этим делом в моем старом доме.

Мой старый дом... вот как я начинал думать о нем сейчас.

Поэтому за три недели до Рождества мне удалось вырезать

для членов семьи такие подарки, которые, я надеялся, они смогут оценить. Работа над подарком для мсье Ландовски заняла больше всего времени, поскольку я хотел вырезать маленькую деревянную копию его любимой статуи Христа. В сущности, я потратил на это столько времени, сколько на все остальные фигурки, вместе взятые.

В последние недели мсье Ландовски приходилось туго, особенно после заявления бразильского архитектора, что единственным способом транспортировки того, что я называл «Христовой шубой» (бетонного покрытия, которое должно было поддерживать и защищать статую), было разделить ее на отдельные части. Судя по тому, что я слышал, так будет меньше шансов на растрескивание статуи во время долгого пути из Франции до Рио. Мсье Ландовски ужасно нервничал, поскольку он считал, что ему нужно отправиться вместе со своим драгоценным Христом, чтобы присматривать за безопасностью, но путешествие туда и обратно было очень долгим, а у него не было столько времени, потому что голова Сунь Ятсена и его глаза еще требовали завершающей обработки.

Мне пришло в голову идеальное решение для всех: лучшей сиделкой для статуи Христа будет Лорен. Это не только означало, что мсье Ландовски сможет остаться здесь... Возможно, Лорен встретится в Рио со своей возлюбленной, что сделает его гораздо счастливее, и он перестанет проводить ночи на улицах Монпарнаса (мне отчаянно хотелось увидеть

это место, хотя мсье Ландовски неоднократно жаловался, что там полно нищих, безалаберных художников и воров). Я был уже готов предложить это решение, но, к счастью, Лорен обрел здравомыслие и сам предложил свою кандидатуру. Сначала мсье Ландовски колебался, поскольку, откровенно говоря, в последнее время Лорен не производил впечатления надежного человека. Но после многократных заверений в том, что если понадобится, то он будет спать в трюме вместе с фрагментами статуи Христа и не прикоснется к спиртному, пока *Cristo* будет находиться под его опекой, все решили, что это будет к лучшему. Радостное предвкушение в глазах Лорена было приятным зрелищем, и я надеялся, что в один прекрасный день мне повезет испытать эту самую «любовь», которая зажигала его изнутри, когда он думал о встрече со своим прекрасным ангелом, Изабеллой.

Боль и удовольствие, думал я, пока заворачивал свою резную статуэтку Христа в коричневую бумагу для подарков, полученную от Эвелин.

– Ты несовершенен, но ты хотя бы цельный, – с улыбкой прошептал я, когда завернул бумагу над его не вполне симметричным лицом.

Закончив обертывание своих творений, я сложил их в своем комод. Потом, когда сгустились сумерки, я спустился вниз и на цыпочках прошел в гостиную, чтобы полюбоваться на елку, которую принесли раньше, потому что сегодня был канун Рождества. Я видел, как члены семьи украшали

ее ветви сосновыми шишками, подвешенными на лентах, и каждый из нас оставил под деревом пару носков, чтобы Пэр Ноэль, французский Дед Мороз, положил туда свои подарки. Мсье Ландовски сказал мне, что это старинная французская традиция, которая радует взрослых наравне с детьми. Потом они прикрепили свечи к концам веток и зажгли их, когда на улице начало темнеть. Это было самое прелестное зрелище, особенно теперь, в темной комнате.

– Все смотришь на нее, мальчик?

Голос человека, о котором я только что думал, заставил меня вздрогнуть. Я повернулся и посмотрел на мсье Ландовски, который пока не торопился обращаться ко мне по новому прозвищу.

– Когда я смотрю на елку в канун Рождества, мне неизменно приходит на ум музыка Чайковского. Ты знаешь партитуру «Щелкунчика»?

Я жестами показал, что знаю, но не очень хорошо. Папа не был большим поклонником Чайковского и говорил, что тот писал музыку на потребу слушателей, вместо того чтобы повышать уровень технического исполнения.

– Готов поспорить, ты не знаешь, что, когда Чайковский был в Париже, у него был инструмент под названием *челеста*. Его еще называют «колокольное пианино» из-за звуков, которые он издает. Это вдохновило его на создание «Танца феи Драже», и он вернулся в Россию с новым вдохновением для творчества.

Я этого не знал и нетерпеливо кивнул, ожидая продолжения разговора.

– Ты можешь исполнить «Увертюру»?

Я пожал плечами, что означало «может быть»; естественно, когда-то я исполнял ее, но мне нужно было попрактиковаться.

– Надеюсь, это поможет тебе вспомнить. Я собирался подняться к тебе и вручить лично. Подумал, что ты можешь застесняться, если я сделаю это перед членами семьи.

В тусклом свете елочных свечей я увидел, как он достал из-за спины скрипичный футляр и протянул мне.

– Родители подарили мне скрипку, когда я был ребенком, но, боюсь, я никогда не выказывал особой склонности к игре на ней. Тем не менее я сохранил ее как родительский подарок. Сентиментальная ценность... ну, ты понимаешь.

Я понимал. На какое-то мгновение я оказался в ловушке между печалью обо всем, что был вынужден оставить позади во время своего бегства, и радостью от неожиданного подарка мсье Ландовски.

– Пусть лучше она будет звучать в руках талантливого скрипача, чем лежать на моем гардеробе и собирать пыль.

Я машинально открыл рот, настолько ошеломленный его щедростью и возможностями владения собственной скрипкой, что едва не заговорил. Я посмотрел на футляр у меня в руках и поцеловал его, а потом подошел к мсье Ландовски и неловко обнял его. Через несколько секунд он отстранился,

взяв меня за плечи.

— Возможно, однажды ты сможешь довериться мне и произнести вслух свою невысказанную благодарность. А пока счастливого Рождества.

Я энергично кивнул и посмотрел, как он выходит из комнаты.

Наверху, — зная о том, что горничные по-прежнему находятся на кухне, пьют ликер, пахнувший, как бензин, и поют песни, вовсе не похожие на рождественские гимны, — я с сильно бьющимся сердцем положил скрипичный футляр на кровать и открыл его. Внутри лежала скрипка, сделанная для мальчика вроде меня, ее первоначального владельца. С ней было гораздо легче обращаться, чем со взрослым инструментом, который одалживала мне Эвелин в своей неизреченной доброте. Когда я вынул скрипку, то увидел признаки возраста: царапины на ореховом лаке и пыль на струнах.

Я благоговейно поднял скрипку ко рту и подул на нее, наблюдая за тем, как пылинки освобождаются из своей тюрьмы и порхают по спальне. Завтра я собирался открыть окно и выпустить их на волю. Потом я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер струны. Я вынул смычок и пристроил инструмент у подбородка. Даже если бы я постарался, он не смог бы лечь удобнее. Потом я поднял смычок, закрыл глаза и заиграл.

Мое сердце захотело выскочить из груди и присоединиться к пылинкам, когда я услышал сочные звуки доброты из-

готовленной скрипки. Да, струны требовали определенной настройки после долгих лет простоя, но это было просто. Вдохновленный историей мсье Ландовски о «Щелкунчике», я исполнил несколько первых аккордов из «Увертюры». Потом я громко рассмеялся и затанцевал по комнате, наигрывая веселую народную песенку, которую часто исполнял дома, когда дела шли хуже обычного. Задыхаясь от чувств, я внезапно ощутил головокружение и прилег на кровать, а когда в голове прояснилось, выпил воды из фляжки, лежавшей в буфете рядом со мной.

Только подумать, в то же время в прошлом году мне казалось, что я никогда не увижу следующего Рождества! Но здесь концовка оказалась счастливой, как у Клары, когда она поняла, что все происходило во сне⁶. А возможно, это было новое начало.

Я последний раз провел смычком по струнам... *моего* инструмента, потом убрал его и спрятал под одеялом в ногах кровати, так что мог прикасаться к футляру пальцами ног. Устроившись на подушках, я улыбнулся и произнес:

– Меня зовут Бо, и у меня *будет* счастливая жизнь.

* * *

После очень радостных событий в семье Ландовски, осо-

⁶ Судя по всему, имеется в виду «Клара Милич» И. С. Тургенева. (Прим. пер.)

бенно вечеринки в канун Нового года, когда мсье пригласил множество своих друзей из творческих кругов, я отсчитывал дни до прослушивания у моего предполагаемого учителя музыки. Никто не упоминал его имени, а я не спрашивал, так как если он работал в консерватории, где учился Рахманинов, то его компетенция была вне всяких сомнений.

Я играл так часто, как только мог, за что получил разнос от горничных, заявивших, что мое «пиликанье на этой штуке» после полуночи заставляло их накрывать головы подушками.

Я всячески извинялся, а когда посмотрел на часы, то понял, что они были правы. Я утратил представление о времени.

Великий день наступил, когда Эвелин ворвалась в мою комнату и предложила мне надеть серый блейзер Марсея на рубашку и шерстяной джемпер.

– Нам пора идти. Автобус ходит по своему расписанию, а не по тому, что висит на остановке.

Она продолжала говорить, пока мы шли по дороге к поселку, но я почти не слушал, даже когда она начала досадливо расхаживать взад-вперед, сетуя перед остальными пассажирами на ненадежность автобусных маршрутов и на то, что в Булонь-Бийанкуре теперь делают автомобили и самолеты, но не могут вовремя подать автобус. Между тем я находился в ином мире, где видел ноты у себя в голове и старался вспомнить папины наставления о «жизни в музыке» и

ощущении ее души. Даже когда мы ехали в Париж – город, о котором папа так много рассказывал, – я сидел с закрытыми глазами, зная о том, что смогу оценить его красоту в другое время, но сейчас важнее всего была скрипка, лежавшая у меня на коленях, и ноты, которые я буду извлекать из нее.

– Давай же, не отставай, – укорила меня Эвелин, поскольку я прижимал скрипку к груди обеими руками так, что экономка не могла держать меня за руку. Широкие мостовые были обсажены деревьями, заполнены людьми и... вот оно! Эта конструкция была мгновенно узнаваема – Эйфелева башня! Я все еще смотрел на нее, когда Эвелин остановилась.

– Вот мы и на месте: рю де Мадрид, дом номер четырнадцать. Теперь зайдем внутрь.

Я посмотрел на большое желтое здание, занимавшее почти всю сторону улицы, с тремя рядами высоких окон и дополнительными мансардными окошками наверху. Латунная табличка гласила, что здесь находится знаменитая Парижская консерватория.

Хотя Эвелин объявила о намерении войти внутрь, мне пришлось подождать, пока она подкрашивала губы и поправляла волосы вокруг своей лучшей шляпки. За входом находилась величественная приемная зала с портретами композиторов. Деревянный пол был натерт до блеска, в центре за круглым секретарским столом сидела женщина, к которой сразу же направилась Эвелин. Свет лился из окон, выходяв-

ших на улицу и большой парк.

Я был очень рад, когда суровая дама за столом наконец кивнула и велела нам отправиться в четвертую комнату на втором этаже. Она указала на конструкцию, похожую на клетку для медведя, и, когда я направился к лестничному пролету, Эвелин потянула меня к клетке и нажала кнопку сбоку от нее.

– Ты сошел с ума, если думаешь, что я буду подниматься пешком на два лестничных пролета, когда здесь есть лифт.

Я хотел спросить, что такое «лифт», но потом увидел большую коробку, опускавшуюся в клетку, и происходящее обрело некий смысл. Хотя перспектива выглядела волнующей, я не хотел рисковать. Я указал на лестницу и побежал наверх, прыгая через две ступеньки. Когда я оказался возле другой клетки, точь-в-точь похожей на первую, Эвелин на месте еще не было, и я заподозрил худшее, но потом услышал жужжащий звук, и коробка выскочила снизу. Дверь открылась, и Эвелин вышла наружу, целая и невредимая.

– Стало быть, ты никогда не видел лифт? – спросила она.

Я покачал головой, все еще дивясь этому чуду.

– Если захочешь, можешь присоединиться ко мне на обратном пути. Это будет интересно. А теперь давай поищем четвертую комнату.

Эвелин направилась к коридору, где из-за закрытых дверей доносились звуки игры на разных музыкальных инструментах. Мы остановились перед четвертой комнатой, и Эве-

лин коротко постучалась в дверь. Ответа не последовало. Через несколько секунд она постучалась снова.

– Никого нет. – Она пожала плечами, потом очень медленно и тихо повернула дверную ручку и подтолкнула дверь, чтобы можно было заглянуть внутрь.

– Да, тут никого нет. Придется подождать, верно?

Поэтому мы стали ждать. Люди склонны к преувеличениям, когда говорят о «счастливейших», «худших» или «скучнейших» моментах своей жизни, но хотя я не помню, сколько времени мы провели в ожидании человека, который должен был определить, гожусь ли я ему в ученики, мне оно показалось очень долгим. К моей досаде, каждый раз, когда кто-то выходил из жужжащего лифта, и я представлял, что это будет *тот самый* человек, он либо уходил в другую сторону, либо равнодушно проходил мимо.

– Охо-хо, – пробормотала Эвелин, переминаясь с ноги на ногу, и я понял, что ей больно стоять. – Кем бы ни был этот учитель, у него весьма грубые манеры.

Наконец, когда она начала ворчать о том, что произошла какая-то ошибка, и поговаривать об уходе, открылась дверь в дальнем конце коридора, откуда вышел высокий молодой человек с очень бледной кожей и темными волосами. Он направился к нам нетвердой походкой, и мне показалось, что он немного пьян.

– Нижайше прошу прощения, – произнес он. – Перед вашим приходом я провел урок с другим учеником и решил

немного отдохнуть. Боюсь, я заснул.

Он протянул руку Эвелин, и она неохотно пожала ее.

– Извините, мадам и юный мсье, – повторил он. – Я целыми днями работаю здесь, а по ночам часто лежу без сна. Итак, мадам, поскольку вы доставили драгоценный груз, почему бы вам не спуститься на лифте и не подождать в вестибюле, где есть удобные кресла? Скажите Виолетте, что Иван просит принести вам чаю или кофе, чего изволите отведать.

Эвелин облегченно выдохнула, но она явно сомневалась, стоит ли оставлять меня с незнакомым человеком, изъяснявшимся в старомодном и высокопарном стиле. Наконец усталость победила, и Эвелин кивнула.

– Когда закончишь, сразу спускайся вниз, – обратилась она ко мне. – Ты понимаешь, Бо?

Я кивнул.

– Вы знаете, что он немой? – спросила она мсье Ивана.

– Да, но музыка будет говорить за него, не так ли?

Он открыл дверь и пригласил меня в комнату.

Даже вечером, когда я сделал запись в своем дневнике, – а потом другую запись в тайном дневнике, который вы читаете, – у меня оставались лишь смутные впечатления от времени, проведенного в обществе мсье Ивана. Я помню, что первым делом он предложил мне исполнить то, что назвал моими «композициями для вечеринки». Потом он достал партитуру для проверки моего умения читать с листа, а затем взял собственную скрипку и сыграл ряд гамм и арпеджио,

которые мне нужно было воспроизвести. Все это происходило очень быстро. Наконец он подвел меня к маленькому деревянному столу со стульями и велел сесть.

Мсье Иван отодвинул стул, выругался и посмотрел на свой палец. Потом сказал что-то еще, и я понял, что он говорит по-русски.

– Вот еще и заноза, которую мне придется вытаскивать сегодня вечером. Некоторые мелочи жалят больше всего, согласен?

Я кивнул, хотя от моего согласия или несогласия ничего не зависело. Мне хотелось угодить этому человеку больше, чем кому-либо другому после разлуки с папой.

– Как мы будем общаться, если ты не говоришь?

Готовый к этому вопросу, я достал из кармана бумагу и карандаш.

– Тебя зовут Бо?

«Да», – написал я.

– Сколько тебе лет?

«Десять».

– Где твои родители?

«Моя мать умерла, и я не знаю, где мой отец».

– Откуда ты родом?

«Не знаю».

– Я тебе не верю, юный мсье, и у меня уже есть кое-какие подозрения, но мы едва знакомы. Кроме того, все мы, эмигранты, не любим просто так делиться личной информации.

ей, верно?

«Да», – написал я, тронутый его пониманием и тем, что он не считает меня ребенком со странностями, как все остальные.

– Кто научил тебя играть на скрипке?

«Папа».

– Сколько времени прошло после твоего последнего урока?

«Три или четыре года».

– Мне еще не попадались столь одаренные музыканты в таком юном возрасте. Это весьма экстраординарно. Твое понимание музыки происходит естественным образом, что скрывает изъяны в твоей технике. Меня впечатляет, что ты не позволил нервозности одержать верх, хотя я полагаю, что шанс обучения в консерватории очень много значит для тебя.

«Да», – написал я.

– Хм-ммм...

Он уперся двумя пальцами в подбородок и поводил ими вверх-вниз и вправо-влево, словно размышляя, насколько я достоин обучения.

– Как ты можешь представить, много родителей приходят ко мне со своими маленькими гениями. С детьми, которые получили лучшие скрипки и частных учителей, и те заставляют их упражняться до изнеможения. Хотя с технической точки зрения они гораздо лучше тебя, я часто вижу,

что они не вкладывают душу в свою музыку. Иными словами, это дрессированные обезьяны, проекция родительского самомнения. К тебе это определенно не относится, поскольку ты безродный сирота, а твой опекун едва ли нуждается в чужом ребенке, чтобы производить впечатление на своих друзей, поскольку *он сам* очень талантлив. Так что... хотя в твоей технике есть изъяны, в этом нет никакого неуважения к твоему отцу. Полагаю, он не был профессионалом?

Я покачал головой, как будто любое возражение было бы неуважительным *с моей* стороны.

– Не надо печалиться, юный мсье. Я вижу, что он учил тебя с любовью. И он открыл в тебе талант, гораздо более великий, чем его собственное дарование. В какой школе ты сейчас учишься?

«Ни в какой. Немых детей не берут в школу».

– Хотя это не мое дело, тут нет ничего хорошего. Я знаю, что ты можешь говорить, не только потому, что мне сообщили об этом, но и по твоим рефлексорным попыткам удержаться от ответов во время нашего разговора. Думаю, что ты находишься среди добрых и хороших людей, но, какие бы ужасные вещи ни случились в твоём прошлом, ты не осмеливаешься заговорить. Ради твоего же блага я надеюсь, что настанет время, когда это произойдет. Как бы то ни было, я говорю это как человек, тоже немало пострадавший после отъезда из России. Столько войн, столько страданий всего лишь за пятнадцать лет человеческой истории! Мы с тобой раз-

деляем тяжесть этой судьбы. Только один совет, мой юный друг: не позволяй дурным людям одержать победу над тобой, хорошо? Они так много отобрали у тебя, твое прошлое и твою семью. Не позволяй им захватить твое будущее.

К моему замешательству, мои глаза наполнились слезами. Я медленно кивнул и потянулся за носовым платком.

– Прости, что довел тебя до слез. Я позволил себе слишком вольные выражения. Но хорошая новость состоит в том, что если у тебя нет школы, то мне будет гораздо проще включить тебя в расписание моих занятий. Давай-ка посмотрим...

Он достал блокнот из кармана пиджака и начал перелистывать страницы. Исписанных было немного, потому что январь наступил совсем недавно.

– Мы начнем с двух занятий в неделю. У меня есть свободное время в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Посмотрим, как пойдет дело, но у меня есть хорошее предчувствие насчет тебя. А теперь я отведу тебя к опекушке; она производит впечатление доброй женщины.

Я кивнул. Он встал и направился к выходу из комнаты, чтобы проводить меня к лифту. Но тут я кое-что вспомнил и поспешно написал:

«Сколько я должен за каждый урок?»

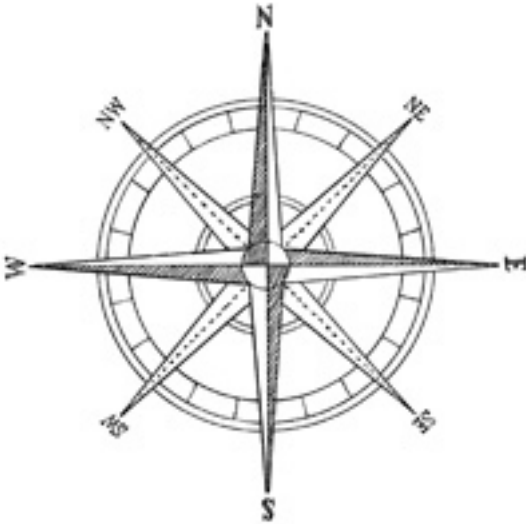
– Я поговорю с мсье Ландовски, но мы, эмигранты, должны держаться вместе, не так ли?

Он так сильно хлопнул меня по спине, что я едва не упал в лифтовую кабину. Потом закрыл дверь, нажал кнопку, и мы поехали вниз. Я подумал, не то же ли самое ощущают птицы в полете, но усомнился в этом. Тем не менее все хорошо устроилось, и я с надеждой смотрел в будущее. *Если* Иван и мсье Ландовски договорятся насчет цены.

— Мадам, ваш мальчик произвел настоящий фурор! Я, несомненно, буду заниматься с ним, в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Передайте мсье Ландовски, что я позвоню ему, чтобы обсудить подробности. Доброго пути домой!

Мсье Иван подмигнул мне, улыбнулся и зашагал к лифту.

Мерри

*Дублин – Ницца
Июль 2008 года*

Я закрыла старый дневник в кожаной обложке и посмотрела в иллюминатор реактивного самолета. Мое намерение поспать испарилось после чтения письма, направившего ме-

ня к дневнику, который теперь лежал у меня на коленях. Атлас, человек, называвший себя моим отцом, писал с глубоким сожалением:

«Я не могу выразить или объяснить любовь, которую испытывал к тебе, поскольку знал о твоём скором рождении. Я не могу рассказать тебе в этом письме, какие меры я предпринимал для поисков тебя и твоей матери, ведь вы были так жестоко отняты у меня перед твоим рождением...»

Эмоциональный груз последних нескольких недель тяжело давил на меня, и я чувствовала, как мои глаза наполняются слезами. В тот момент мне больше всего хотелось оказаться в объятиях моего мужа Джока, безвременно ушедшего от меня.

– Если бы только ты был здесь. – Я промокнула глаза одной из шелковых салфеток, находившихся в боковом кармане роскошного кожаного кресла. – Тебе бы наверняка понравилось это пятизвездочное обслуживание.

В письме от Атласа было обещано, что его дневник раскроет секрет моего истинного происхождения, но текст был огромным. После чтения первого раздела я не приблизилась к пониманию истории его жизни и тем более моего места в ней. Кем бы ни был мой «отец», он, несомненно, прожил богатую жизнь. Хотя вступительный раздел дневника был написан десятилетним ребенком, его слова были зрелыми и

мудрыми, как будто в теле мальчика обитала древняя душа.

Я покачала головой при мысли о том, что схема последних нескольких недель повторяется снова и снова. Каждый раз, когда мне казалось, что я приближаюсь к правде о своем прошлом, появляются новые тайны. Почему мальчик притворялся немым? Почему он считал, что не может раскрыть свое подлинное имя? И какие события привели к тому, что его обнаружили под забором в пригороде Парижа? У меня складывалось впечатление, что Атлас слишком поздно начал вести дневник, чтобы я смогла понять полную картину.

«С другой стороны, – подумала я, – оказаться у двери знаменитого скульптора, стоявшего за созданием одного из новых семи чудес света – статуи Христа Спасителя, – было неплохим завершением первого жизненного этапа».

Я вздохнула, ощущая некую двусмысленность своего положения. Атлас доверил историю своей жизни мне, его биологической дочери, с которой он никогда не встречался, хотя мог позволить любимым приемным дочерям ознакомиться с этими записями. Это они, а не я, знали и любили своего дорогого Па Солта. Разве они не заслужили право первыми узнать его секреты?

Размышляя о своей нынешней ситуации, я старалась утихомирить тревожный трепет где-то в глубине моего существа. Я летела на частном реактивном самолете, чтобы присоединиться к группе совершенно незнакомых людей на роскошной яхте, совершавших плавание с целью возложить ве-

нок в память о человеке, связи с которым я пока не ощущала. Да, я мимолетно встретилась с двумя сестрами, но этого было недостаточно, чтобы успокоить мои нервы. Я даже не представляла, знают ли другие сестры о моей предполагаемой генетической связи с их приемным отцом. Это, в сочетании с желанием Атласа, чтобы я первой прочитала его дневник, могло настроить сестер против меня.

Я пыталась найти утешение в мысли, что это они всячески пытались выследить меня, а не наоборот.

«Они хотят видеть тебя, Мерри», – внушала я себе.

Конечно, главным утешением было осознание того, что я лечу к собственным детям, Джеку и Мэри-Кэт, которые уже находились на борту «Титана». Я знала, как они были рады моему решению присоединиться к ним в этом круизе. Даже если шесть сестер окажутся больными на всю голову, мои дети хотя бы будут рядом. Они защитят меня и помогут мне сохранить здравый смысл до конца поездки. Насколько я знала, круиз должен был продолжаться шесть дней: трехдневное плавание от Ниццы до острова Делос, возложение венка и три дня на обратный путь. Кроме того, если мне станет невозможно, я смогу «покинуть корабль» на близлежащем острове Миконос, где имелся международный аэропорт.

Кто-то постучался в филенчатую дверь, отделявшую переднюю часть салона от задней.

– Да-да, входите, – сказала я, оторвавшись от раздумий.

Двернь отодвинулась и появилась высокая, сухопарая фи-

гура Георга Гофмана. По-прежнему облаченный в безупречный черный костюм, он даже не ослабил узел галстука за время трехчасового полета.

– Добрый вечер, Мерри. Или, скорее, доброе утро... – Он покосился на выданные мне стюардом одеяло и подушку, которые остались неиспользованными и лежали на соседнем сиденье. – Насколько я понимаю, вы так и не отдохнули. Вы... вы открыли пакет?

– Да, Георг. Я прочитала письмо и, разумеется, принялась за дневник. Он такой огромный... Впрочем, вы знаете.

Усатое лицо Георга дрогнуло в слабом намеке на улыбку.

– Я долго хранил его, но клянусь, что не перевернул ни одной страницы. Он не мой, и я не имел права читать его.

– Значит, вы действительно не имеете представления об истории Атласа?

– О, нет, я этого не говорил. Хотя и не читал дневник. – Георг немного помедлил. – Я знаю... Я очень хорошо *знал* Атласа, вашего отца. Он был одновременно самым храбрым и самым добрейшим человеком, какого мне приходилось видеть.

– Сколько времени осталось до посадки?

– Пилот только что сообщил мне, что мы начнем заходить на посадку через несколько минут. В Ницце мы пересядем в автомобиль, который отвезет нас прямо в порт, где пришвартован «Титан».

Я выглянула в иллюминатор.

– Все еще темно, Георг. Который час?

Он взглянул на свои часы и приподнял брови.

– Около половины четвертого утра здесь, во Франции.

Прошу прощения, я понимаю, каким стремительным для вас было такое развитие событий.

– И не говорите. Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступила. То есть... Мне хотелось бы знать, известно ли другим дочерям... ну, согласно тому, что я прочитала... что я являюсь его настоящим ребенком?

Георг опустил глаза.

– Нет. Я... они считают вас «потерянной сестрой» из-за намерения Атласа удочерить вас, хотя он так и не достиг успеха. Должен признать, что, как ни странно это звучит, они даже не знают его подлинного имени. Как вам известно, они всегда называли его Па Солтом.

– Иисус, Мария и Иосиф, Георг! – Я схватилась за голову. – Я помню, что во время нашей встречи с Тигги, она работала над анаграммой и была близка к ответу. По крайней мере, одна из них знает! – добавила я с ноткой сарказма.

Георг кивнул.

– Мерри, вы должны понять, что я всего лишь наемный работник. Хотя я практически всю жизнь был знаком с вашим отцом и считал его близким другом, я обязан следовать его указаниям даже после его смерти.

– Тем не менее, Георг, похоже, что вы все знаете обо мне. Вы знали, где можно найти меня. Вы знали, что я, по всей

видимости, дочь Атласа. И вы говорите, что все это стало известно за последние несколько недель?

– Я... да. – Георг неловко переминался с ноги на ногу.

– Поскольку Атлас умер год назад, где вы могли достать всю эту информацию? Кто рассказал вам о кольце, по которому меня нашли? – Усталость и раздражение начали прорываться наружу. – И как насчет Аргидин-Хауса? Каким образом вы узнали, что я родилась там?

Георг вынул носовой платок из нагрудного кармана и вытер лоб.

– Это отличные вопросы, Мерри, и я обещаю, что вы получите ответы. Но не от меня.

Его ответ не удовлетворил меня.

– Не хочу сказать ничего плохого о сестрах, но разве они не задавались вопросом, почему незнакомый человек решил удочерить их и назвать в честь звезд из скопления Плеяд? И о том, что их фамилия Деплеси является анаграммой от слова «Плеяды»?

– Они много раз задумывались об этом. Как вы узнаете, когда познакомитесь с ними, каждая из этих девушек не менее умна, чем человек, который вырастил их. Они поверили его объяснению, что их называли в честь Плеяд и что их фамилия была отражением его любви к небосводу. Но они упустили из виду связующее звено – тот факт, что их имена означали происхождение от Атласа.

Я закрыла глаза. Перспектива войти в рукотворную сказку

на борту «Титана» казалась все менее привлекательной.

– Вы много успели прочесть из его дневника?

– Совсем немного. Атлас еще ребенок. Его приняли в семью знаменитого скульптора.

Георг кивнул.

– Понятно. Вам еще многое предстоит узнать. Я обещаю, Мерри: чем больше вы прочтаете, тем яснее будет общая картина. Вы поймете, кем он был, кто вы на самом деле... и почему он удочерил шесть девочек.

– В том-то и дело, Георг. Не знаю, правильно ли, что я первой читаю его дневник. Вы сами сказали, что шесть других девочек выросли под опекой Атласа. Они любили его. А я его даже не знала. Думаю, другие должны были познакомиться с историей его жизни раньше меня.

– Я... понимаю, Мерри. Должно быть, это очень трудно. Но, пожалуйста, поймите: Атлас хотел, чтобы вы узнали его историю, как только мы сможем найти вас. Потому что это и ваша история. Всю свою жизнь он чувствовал себя виноватым за то, что вы думали, будто он отказался от вас, а это далеко от истины. Просто так получилось... стечение обстоятельств, над которыми мы не властны. Я не мог представить, что мы найдем вас вовремя, когда другие сестры соберутся возложить венок в честь годовщины его смерти. – Он слабо улыбнулся. – Можно сказать, что это было предначертано звездами.

– Что ж, вы можете так думать. Мне кажется, что звез-

ды скорее разбегаются, чем складываются в предсказание. В письме сказано, что моя мать исчезла и что Атлас даже не знал, жива она или мертва. Полагаю, он также не знал, что меня подбросили на крыльцо к отцу О'Брайену?

Георг покачал головой.

– Нет. Опять-таки советую вам обратиться к дневнику. Чтобы понять, почему их удочерили, другие сестры сначала должны узнать, кто вы такая на самом деле.

– Вы слышали историю о блудном сыне, Георг?

– Мне знакомо это название, но...

– В Евангелии от Луки Иисус рассказывает о сыне, который обращается к отцу с просьбой о наследстве, а потом бездумно проматывает деньги, живя среди роскоши и плотских удовольствий. Когда деньги заканчиваются, он возвращается к отцу и извиняется перед ним, но вместо гнева отец радуется возвращению сына и устраивает пир в его честь. А знаете, какова самая важная часть этой истории, Георг? Брат блудного сына вовсе не рад его возвращению. Этот брат долгие годы оставался рядом с отцом и не получил никакой награды. Если вы уловили суть, я не хочу оказаться блудной дочерью.

Георг нахмурился, растерянный моей твердой позицией.

– Мерри, я прошу вас понять, сестры будут только рады принять вас в семью, если вы того пожелаете. Они знают, как сильно их отец желал найти потерянную сестру, и, уверяю вас, вы не увидите от дочерей Атласа ничего, кроме любви.

Вы ведь уже встречались с Тигги и Стар. Разве вы почувствовали какую-то недоброжелательность с их стороны?

Я потянулась и открыла футляр из кремовой кожи, где лежали бутылочки с минеральной водой. Отвинтила крышку и сделала глоток.

– Со стороны Тигги – нет. В основном благодаря ей я нахожусь на этом самолете. Но Стар изображала аристократическую «леди Сабрину», чтобы вытянуть из меня информацию. Дело в том, Георг, что я хорошо знаю, какими жестокими могут быть семейные распри. Что, если некоторые сестры будут рады узнать, что у Па Солта есть родная дочь, а другие вовсе не рады?

Я мысленно вернулась к недавнему откровению, что у меня и Бобби Нойро – того человека, который заставил меня уехать из Ирландии, – есть общая бабушка, Нуала.

– Из моих разговоров с Мэри-Кэт я узнала о другой сестре, знаменитой фотомодели Электре, которая, так сказать... не отличается мягким характером. – Я снова отпила из бутылочки.

– Мерри, в прошлом году каждая из сестер совершила путешествие в свое прошлое по завету приемного отца. Мне выпала честь наблюдать за тем, как они повзрослели и стали великолепными людьми, каждая на свой лад. – Георг тяжело сглотнул, явно стараясь совладать с эмоциями. – Все они пришли к осознанию, которое слишком поздно приходит к большинству из нас: жизнь слишком коротка, чтобы тратить

ее на бессмысленные распри.

Я вздохнула и потерла глаза пальцами.

– Вы говорили, каким великим и мудрым человеком был Атлас. Если частица этой мудрости передалась от него ко мне, то, наверное, я должна воспользоваться ею. По вашим словам, Георг, Атлас хотел, чтобы я ознакомилась с его историей, как только меня найдут. Этим я сейчас и занимаюсь. Но мне хотелось бы, чтобы вы изготовили шесть копий этого дневника для других девушек, чтобы мы могли одновременно получать знания о нашем отце.

Георг смотрел на меня, и я представляла, как в его мозгу вращаются маленькие шестеренки. По той или иной причине он был исполнен решимости дословно исполнять указания Атласа. О чем он мне не рассказал?

– Да... да, это неплохая идея. Выбор за вами, Мерри.

– Хотя я полагаю, что поиски фотокопировальной лаборатории в Ницце в четыре часа утра могут оказаться непростой задачей.

– О, не волнуйтесь. «Титан» полностью укомплектован современным оборудованием. На борту есть специальный отсек с компьютерами и несколькими принтерами. И это прекрасно, так как в дневнике содержится... – Георг помедлил, подбирая следующие слова, – ...личная информация. Я не могу рисковать тем, что она попадет в дурные руки.

– Целый офис на борту яхты? Боже мой, а я-то думала, что шикарная яхта предназначена для всяких увеселений и

отдыха от повседневных забот. Впрочем, я говорю «повседневных», но кто знает, что может означать это слово для владельца многопалубной яхты? Скажите, Георг, каким образом Атлас смог заработать такое огромное состояние?

Георг пожал плечами и указал на потрепанный дневник, лежавший у меня на коленях.

– Все ответы находятся внутри.

В дверь снова постучали, и в проеме появилось лицо стюарда.

– Прошу прощения за вмешательство, но капитан просит подготовиться к посадке. Будьте добры, пристегните ремни. Через несколько минут мы приземлимся в Ницце.

– Спасибо, разумеется, – кивнул Георг. – Что же, Мерри, тогда вам стоит на время передать дневник мне, и я распожусь изготовить шесть копий, как только мы окажемся на борту «Титана».

Я отдала ему дневник, но письмо оставила при себе. Георг широко улыбнулся.

– Обещаю, Мерри, вам нечего бояться.

– Спасибо, Георг. Увидимся после посадки.

Он исчез, а я снова посмотрела в иллюминатор. По мере спуска я видела, как первые лучи рассвета играют на ряби лазурно-голубого Средиземного моря. Я надеялась, что оно будет теплее, чем воды Атлантики на пляже Инчидони в Западном Корке. Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза и задумалась о том, как маленький осиротевший маль-

чик, найденный под забором в Париже, однажды стал моим отцом.

6

«Титан»

Алли смотрела на полированный потолок красного дерева, украшавший все каюты на борту «Титана». Само слово «каюта» для описания этого места казалось Алли забавным, так как она привыкла пользоваться им, когда делила жилое помещение с дюжими и потными мужчинами на борту двадцатishестифутовой «контессы»⁷. Спальни на борту «Титана» скорее напоминали президентский люкс в Гранд-отеле Осло. Судно тоже находилось в безупречном состоянии. Хотя яхта не использовалась членами семьи большую часть года, здесь оставалась верная команда Па Солта, моряки, которые поддерживали высочайшие стандарты качества. Алли предполагала, что их работа оплачивалась из фонда, учрежденного Па Солтом незадолго до смерти. Как и многое в мире их приемного отца, такие вещи просто... случались, и Алли не ставила их под сомнение.

Солнечный луч проник через шелку в занавесках и упал

⁷ «Контесса» – тип стеклопластиковой спортивной яхты длиной 26 или 32 фута, разработанный конструктором Дэвидом Садлером в середине 1960-х годов. (Прим. пер.)

на лицо Алли. Она гадала, сколько времени у нее остается, прежде чем плач Бэра в люльке у дальнего конца кровати возвестит о начале рабочего дня.

Было бы удивительно, если бы этой ночью ей удалось поспать больше получаса. Хотя тихая средиземноморская рябь в июне практически не вызывала качки, Алли настолько привыкла к ощущению воды под днищем судна, что чувствовала легкое касание каждой волны. Это, в сочетании с какофонией мыслей в голове, не способствовало здоровому отдыху. Ситуация, в которой Алли оказалась, сама по себе была довольно напряженной: ее сестры со своими любимыми собрались для того, чтобы официально почтить память отца. Но Алли предстояло согласовать еще множество других вещей.

В конце концов, именно она видела «Титан» у побережья Делоса вскоре после смерти Па Солта. У нее сохранилось яркое воспоминание о том, как она лежала на палубе «Нептуна», принадлежавшего Тео, и тот взволнованно сообщил, что его друг заметил со своего катамарана супер-яхту компании «Бенетти»⁸, название которой она знала с детства. У Алли в животе запорхали бабочки при мысли о возможности познакомить Тео с Па Солтом. Уже влюбленная по уши, она не видела смысла откладывать неизбежное. Алли радировала на «Титан», ожидая услышать знакомый размеренный голос капитана Ханса, но не получила ответа. Кто бы ни управ-

⁸ Benetti – итальянская судостроительная компания, изготовитель многопалубных океанских яхт длиной от 37 до 110 метров. (Прим. пер.)

лял яхтой, он явно принял решение уходить от Алли на полной скорости.

– Похоже, твой отец убегает от тебя, – заметил Тео.

Когда Георг и Ма уведомили сестер, что Па Солт завещал тайно похоронить его в открытом море (чтобы не причинять боли своим дочерям), Алли пришла к выводу, что она нечаянно столкнулась с похоронной церемонией. В сущности, она даже чувствовала себя виноватой из-за того, что нарушила последнюю волю отца. Однако с учетом недавних событий она начала сомневаться во всей этой истории.

Она вспомнила, что «Титан» был не единственным судном, стоявшим в тот день на якоре у побережья Делоса. Когда друг Тео радовал ему о «Титане», он упомянул о втором «плавучем дворце», стоявшем поблизости. Это была яхта «Олимпия», принадлежавшая печально известному Кригу Эсзу, владельцу «Лайтинг Коммуникейшенс». Еще более странным фактом были сообщения о смерти магната, которые появились в тот самый день и мелькали в заголовках газет по всему миру. Волны вынесли на берег его тело; очевидно, он совершил самоубийство. Алли вдруг испытала приступ тошноты. Почему она не изучила это событие более пристально?

И это была не единственная странность, как будто связывавшая Па Солта и Крига Эсзу. Координаты Мерри (которые были выгравированы на армиллярной сфере и лишь недавно обнаружены ее сестрами) указывали на Аргидин-Хаус в

ирландском графстве Западный Корк. Несколько дней назад Алли узнала от Джека тревожную новость, что поместье принадлежало некоему Эсзу. Хотя здание давно стояло заброшенным, Эсзу числился его последним зарегистрированным владельцем.

То, что раньше казалось Алли нелепым совпадением, теперь вдруг обрело очертания зловещей тайны. Не было секретом, что Зед, сын Крига Эсзу, питал нездоровое пристрастие к сестрам Деппеси, граничившее с одержимостью. То, как он заманил юную Майю в свои объятия, благодаря привлекательной внешности и вкрадчивому обаянию, лишь для того, чтобы бросить ее, когда она больше всего нуждалась в нем, по-прежнему бесило Алли. Она часто думала, что Зед умышленно вознамерился причинить вред ее сестре. Алли не сомневалась в том, что «этот урод», как она язвительно отзывалась о нем, переключил свое внимание на Электру по заранее составленному плану. Несомненно, Зед рассчитал, что если кто-то из сестер Майи и примет его в качестве любовника после того, как он обошелся с ней, то это будет Электра. Для хищника его породы пристрастие к алкоголю и наркотикам было слишком соблазнительной уязвимостью. Было логично, что Тигги тоже оказалась у него под прицелом. Ее склонность видеть хорошее в каждом человеке в сочетании с тягой к духовным исканиям и раньше позволяла использовать ее в корыстных целях. Алли была чрезвычайно рада, что Тигги не поддавалась на обольщения Зеда и вместо

этого нашла замечательного Чарли Киннарда.

Алли была уверена, что Па Солт никогда не упоминал имени Эсзу. В сущности, это был один из первых вопросов, с которыми она обратилась к Майе после возвращения в Атлантис примерно год назад.

– Я уверена, что тут нет никакой связи, – настаивала Майя. – Они не были знакомы друг с другом, верно? А Делос – просто очень красивый остров, куда направляется множество яхт.

Алли начинала беспокоиться, что поспешный ответ Майи сводился к психологическому отрицанию той ужасной ситуации, в которой она оказалась. Алли укоряла себя за невнимательность к присутствию «Олимпии». В конце концов, что они все знали о жизни Па Солта, кроме его поместья и его яхты? Пока они росли, то практически не встречались с его друзьями или коллегами. Вероятность знакомства Па Солта и Крига Эсзу была не такой ничтожной, как могло показаться.

Алли закрыла глаза в надежде поспать еще час-другой. Как всегда, когда ей было не по себе, она вообразила глубокий, успокаивающий голос отца. Ее мысли обратились к Атлантису, где маленькой девочкой она видела, как Па Солт по выходным рассекал воды Женевского озера на быстроходном катере «Лазер». Изящное судно, скользившее по водам в спокойные дни и почти не оставлявшее ряби за собой, казалось метафорой его жизни. Па Солт всегда был столпом

силы и власти, но тем не менее он проходил по жизни с изяществом и сноровкой, восхищавшими всех окружающих.

Однажды осенью Па заметил Алли, завистливо наблюдавшую с берега за его катером, и подвел «Лазер» к деревянному причалу у края сада.

– Привет, моя маленькая принцесса. Здесь очень холодно. Думаю, Майя сейчас читает в гостиной. Не стоит ли тебе присоединиться к ней и посидеть в тепле?

– Нет, Па. Я хочу посмотреть, как ты едешь на катере.

– Ага. – Па одарил Алли теплой улыбкой, которая неизменно поднимала ей настроение, какие бы проблемы ни возникали в течение дня. – Тогда, наверное, ты будешь моим старпомом?

– Ма говорит, что это слишком опасно.

– Значит, очень хорошо, что сейчас она помогает Клавдии готовить ужин, – сказал он и подмигнул ей. Его мускулистые руки подняли Алли с причала, так что она почувствовала себя легче перышка, и усадили к нему на колени. – Ты видела, что, когда катер поворачивает, он кренится на борт. Когда мне нужно повернуть в другую сторону, я должен перейти на другой борт, пригнувшись под парусом.

– Да, папа! – Алли энергично кивнула.

– Отлично. – Он снял свой оранжевый спасательный жилет и стал надевать его на Алли. Естественно, она почти утонула в нем, и Па усмехался, стараясь как можно туже затянуть шнуровку.

– А как же ты, папа?

– Не волнуйся за меня, малышка. Ветер слабый, и мы пойдем очень медленно. Видишь вон ту ямку? – Он указал на неглубокую выемку в белом корпусе. – Думаю, она как раз подойдет для тебя.

Алли кивнула и заняла место в центре катера.

– Тебе нужно только глядеть вперед и раскинуть руки для равновесия. Мы собираемся описать большой круг, который приведет нас обратно к причалу, а это значит, что я буду отклоняться только в левую сторону. Вот эта сторона, видишь?

Алли кивнула, ощущая легкую дрожь предвкушения.

– Ну, хорошо. – Он снял ногу с причала, и «Лазер» начал дрейфовать в сторону. Па взялся за большую черную ручку, которую Алли определила для себя как рулевое устройство.

– Но мы стоим на месте, Па! – разочарованно воскликнула Алли.

– Когда ходишь под парусом без мотора, не все зависит от моряка. Нам нужно подождать ветра.

Словно по сигналу Алли ощутила, как порыв ветра увлек «Лазер» прочь от причала. Ветер зашелестел в ее густых каштановых волосах, и сердце встрепенулось.

– Поехали! – крикнул Па.

Алли помнила свой восторг от близости воды; «Лазер» скользил по спокойному озеру, не движимый ничем, кроме ветра вокруг них. Она оглянулась на величественный скалочный замок Атлантис. Заснеженные горные вершины кру-

то вздымались за бледно-розовым домом, и Алли чувствовала себя счастливой в таком волшебном месте.

– Я собираюсь ускорить разворот, – предупредил Па. – Это значит, что лодка чуть больше накренится в мою сторону. Не забудь развести руки для равновесия.

Алли повиновалась.

– Отлично, девочка, превосходно!

Па широко улыбнулся, когда Алли без усилий приспособилась к изменению угла наклона и возвышения.

Солнечные блики плясали на стеклянистой водной глади, и Алли позволила себе закрыть глаза. В тот день она впервые ощутила свободу, которая возвращалась каждый раз, когда Алли оказывалась на воде. Когда Па умело направил «Лазер» к причалу и помог Алли высадиться на берег, сияющая улыбка дочери все объяснила ему.

– Ну вот, моя маленькая принцесса, теперь ты тоже это чувствуешь... Ничто не сравнится с плаванием по озеру. Это лучшее в мире место для размышлений.

– Поэтому ты так часто выходишь на озеро?

Он довольно хмыкнул.

– Пожалуй, это не совпадение. Совпадения случаются редко. – Он отвернулся от Алли и посмотрел куда-то вдаль, через озеро. Иногда папин взгляд затуманивался, и Алли казалось, что он мысленно переносится в другое место. – Совпадение лишь означает, что есть какая-то связь, которую предстоит обнаружить. – Он снова посмотрел на Алли. – Из-

вини, малышка... Просто я очень рад узнать, что ты разделяешь с отцом его любовь к плаванию под парусом.

– Как думаешь, я смогу брать уроки? – прощепетала Алли.

– Хм-мм. Думаю, это можно будет устроить, если ты сможешь совмещать их с уроками игры на флейте.

Он снова подмигнул ей.

– Конечно, папа! Думаешь, однажды я стану такой же умелой, как ты?

– О нет, Алли. Думаю, ты превзойдешь меня. А теперь иди в дом и погрейся. Да, и не рассказывай Ма о нашей маленькой прогулке!

– Хорошо, папа, – ответила Алли, освобождаясь от спасательного жилета. Потом она стремглав побежала по причалу к стенам и башням Атлантиды.

Агуканье Бэра пробудило Алли от ее полусонных видений. Она потерла глаза ладонями, радуясь тому, что смогла хотя бы немного отдохнуть, соскочила с кровати и подошла к колыбели. При виде матери Бэр протянул ручки и запищал от удовольствия.

– И тебя тоже с добрым утром, – сказала Алли, поднимая сына на руки. – Проголодался, маленький джентльмен? Боюсь, меню нашего завтрака будет довольно скудным.

Она привычным движением расстегнула пижамную рубашку, и Бэр принялся радостно сосать, пока Алли глядела в иллюминатор.

Она ничего не могла поделать с противоречивым ощуще-

нием вины и удовольствия, бушевавшим внутри. Разумеется, ей было приятно снова увидеть Джека. Наблюдать за тем, как он расхаживал по прогулочной палубе вчера вечером. И этого было достаточно для подтверждения не только ее чувств, но и их глубины. Вместе с тем она собиралась приплыть в то самое место, где всего лишь год назад она была ошеломительно счастлива с Тео. Если бы только сейчас он мог находиться рядом с ней, это путешествие было бы гораздо легче. Алли не была склонна потакать своим желаниям, но она остро сознавала, что оказалась единственной из сестер, не имевшей человека, которому она могла бы полностью довериться или черпать у него силы. Хотя она была искренне рада видеть своих сестер и их избранников на борту «Титана», их присутствие сыпало соль на свежую рану, оставшуюся после безвременной и жестокой гибели Тео.

– Даже Электра завела себе юриста по правам человека! – Алли усмехнулась, понимая, что ее насмешка происходит от сестринской любви, а не от ожесточения.

Она посмотрела на Бэра, у которого были ласковые глаза Тео и зачатки его непослушных темно-русых волос.

– Ох, что за путаница, – вздохнула Алли. – Хотя, наверное, не стоит особенно беспокоиться.

Алли думала, что, скорее всего, она упустила шанс на будущие отношения с Джеком, поскольку умолчала о сыне. Озадаченное выражение лица Джека, когда вчера вечером она познакомила его с Бэром, дало ей понять, что это было

не лучшее решение.

– Вероятно, он считает меня сумасшедшей, Бэр. Сначала я анонимно приезжаю в Прованс и стараюсь незаметно вытянуть информацию о его семье. А как только он прощает меня за это, я начинаю осыпать его ежедневными сообщениями, но почему-то все время забываю рассказать о тебе. И если *он* считает, что у меня не в порядке с головой, то бог знает, что обо мне подумает его мать!

Алли посмотрела на часы: было около пяти утра. Скоро Мерри взойдет на борт, если только Георг убедил ее сесть в самолет. В последний раз она слышала от Джека, что «потерянная сестра» даже отдаленно не заинтересована в присутствии на этом круизе. Хотя, судя по выражению лица Георга перед отъездом, он был готов силком затащить ее в самолет, как бы она ни отбрыкивалась. Его спешный вылет в Дублин вчера днем только усилил беспокойство Алли. Она всю жизнь знала этого человека и очень редко видела его взвинченным... как и Па Солта.

Алли застонала от расстройства. Иногда ей хотелось сделать с Георгом то, что она делала с членами своей команды перед очередной регатой: отвести в город и напоить до упаду. В ходе своей карьеры яхтсмена она обнаружила, что едва ли не лучшим способом укрепить взаимное доверие было употребление изрядного количества алкоголя, когда люди рассказывали истории и свободно делились секретами.

Едва ли это случится теперь, подумала она.

Бэр довольно заурчал, и Алли отнесла его обратно в колыбельку. Потом она пошла в смежную ванную, включила душ и начала мысленно готовиться к встрече со своей потерянной сестрой. Она думала о том, как странно будет увидеть ее воочию. Таинственный ребенок, которого Па Солт отчаялся найти. Шесть сестер прочесали весь земной шар в ее поисках, и Алли надеялась, что Па, где бы он ни был, очень гордился достижениями своих воспитанниц. Разумеется, загадку изначальной «пропажи» Мерри еще предстояло раскрыть. Может быть, что-то пошло не так в процессе удочерения? Почему Па Солт был так решительно настроен отыскать именно эту женщину?

Пока Алли нежилась под струями горячей воды (ее всегда изумляло давление в трубах, поскольку яхта находилась в открытом море), она пыталась сообразить, когда Мерри впервые появилась в жизни Па Солта. Сейчас ей было пятьдесят девять лет. Па Солт умер в прошлом году в возрасте восьмидесяти девяти лет, и это означало, что ему было около тридцати, когда он попытался удочерить ее. С учетом того, что он нашел Майю, когда его возраст приближался к шестидесяти годам, Алли оставалось только гадать, какие события в жизни Мерри удерживали Па Солта от повторной попытки удочерить ее в течение двадцати пяти лет.

Однако возраст Мерри, безусловно, облегчал для Алли восприятие крепнувших чувств между нею и Джеком, сыном этой загадочной женщины. Она улыбнулась, размышляя о

курьезности этой ситуации.

— А я-то считала нашу семью самой необычной на свете, — вздохнула Алли.

7

Мерри

Автомобиль, доставивший нас из аэропорта в порт Ниццы, был таким же экстравагантным, как и частный реактивный самолет. Приходилось признать, что, хотя поначалу я сомневалась насчет поездки, мне определенно нравилось ощущение роскоши. Я опустила все окна и наслаждалась свежим запахом южных сосен. Солнце едва взошло, но я уже чувствовала, что день будет жарким.

Поскольку было раннее утро, лимузин смог подъехать прямо к пристани. Каждый участок водного пространства был покрыт яхтами, которые как будто соперничали друг с другом в кричащей демонстрации богатства. Лишь считанные дюймы разделяли борта огромных судов, которые с великим мастерством направлялись на заднем ходу в невообразимо узкие проемы. Я поежилась при мысли о стоимости ремонта поцарапанного корпуса. И на каждом судне была своя команда, начищавшая, подметавшая, расставлявшая столики для завтрака... На меня накатила клаустрофобия, возможно, потому, что я привыкла к широким просторам виноградни-

ков Гиббстон-Вэлли и к ровным зеленым полям Западного Корка.

– Знаете, Георг, если бы у меня было столько денег, то я бы купила что-нибудь огромное в дикой глуши, а не торчала бы здесь, словно в банке с сардинами. Здесь не получишь никакого мира и покоя.

– Я склонен согласиться с вами. У меня такое впечатление, что большинство судов в этом порту все лето стоят на причале и редко выходят в море. Для большинства владельцев эти яхты не более чем символ их статуса.

– Разве «Титан» не такой же?

– Нет. Тут я вынужден не согласиться с вами. Для Атласа «Титан» был безопасным местом и символом безопасности.

– Безопасности? – Я вопросительно посмотрела на него.

– Именно так. Если ему нужно было... ускользнуть от стресс и жизненных проблем, он знал, что может подняться на борт этой яхты вместе со своими дочерьми и уплыть куда угодно.

Я заметила, что Георг сделал выразительную паузу перед словом «ускользнуть». Лимузин остановился в конце пристани.

– Итак, какая же из них? По мне, так сойдет любая; в этом смысле я не придирчива.

Водитель, открывший дверь с моей стороны, пошел доставать мои вещи из багажника. Слава богу, я и без этого приключения находилась в кругосветном турне, и это означало,

что в моем чемодане имелось все необходимое. Прежде чем я успела оглянуться, другой мужчина в синей рубашке поло принял чемодан у водителя.

– Вот эта, в самом конце? – Я указала на яхту у последнего причала.

– Нет, Мерри, – ответил Георг. Молодой человек, подхвативший мой багаж, пронес его мимо того судна, что я приняла за «Титан», до конца деревянного причала, который выдавался далеко в воду. – «Титан» стоит на якоре в бухте. После короткой поездки на моторном катере мы окажемся на борту.

Георг указал в сторону гавани и единственного судна, по сравнению с которым все остальные казались детскими игрушками для ванной.

– О боже! – Яхта выглядела абсолютно великолепной. Я насчитала не менее четырех палуб, а огромная радиомачта, увешанная спутниковыми тарелками, явно отличала ее от любого другого судна поблизости. – То есть Джек и Мэри-Кэт говорили мне, какая она огромная, но я... ох! Пожалуй, мне стоит взять обратно слова о сардинах в банке.

Георг улыбнулся.

– Доброе утро, сэр, – сказал молодой человек, который отнес мой чемодан. – Это был единственный багаж?

– Да, спасибо, – ответил Георг.

– Хорошо. Капитан лично привел сюда командирский катер. – Парень посмотрел на меня. – Пожалуйста, мадам,

пройдемте до конца причала.

На борту катера находился симпатичный загорелый мужчина с седеющими темными волосами, в очках в черепаховой оправе.

– Должна сказать, вы безупречно оделись для такого раннего утреннего часа, – заметила я.

– Признаюсь, обычно я посылаю Виктора забирать гостей, но вы невероятно ценная пассажирка. Я с удовольствием препровожу вас на борт. – Он пожал мне руку и помог спуститься на борт. – Меня зовут Ханс Гайя, и я шкипер «Титана».

– Огромное спасибо, Ханс. Извините, если у меня бледный вид: я не спала двое суток.

– Все в порядке, миссис Макдугал, уверяю вас. Для меня большая честь пригласить вас на борт. Я много лет был знаком с вашим отцом, и он был очень добр ко мне. Я знаю, как он был бы рад видеть вас в своем морском доме.

– Э-э, я... еще раз спасибо за такой ранний прием.

– Доброе утро, мистер Гофман. – Ганс кивнул Георгу. – И добро пожаловать обратно.

– Спасибо, Ганс.

– Что же, если все готово, давайте вернемся на яхту. Виктор, отдать швартовы. – Матрос распустил узел на бетонной свае и присоединился к нам. – Это займет несколько минут, миссис Макдугал.

– Все уже проснулись?

– Насколько я знаю, нет. Виктор, ты заметил кого-нибудь?

– Нет, капитан.

Я испытала прилив облегчения. Честно говоря, приветствие капитана Ганса было необыкновенно впечатляющим. Несомненно, что, кем бы ни был Атлас, его подчиненные оставались безмерно преданы ему. Я не думала, что готова к немедленному «воссоединению с семьей», как только окажусь на борту. Мне хотелось лишь найти кровать, где можно преклонить голову хотя бы на несколько часов.

– Я распоряджусь изготовить шесть копий дневника, как только мы окажемся на борту, – заверил Георг, пока катер рассекал воду.

– Спасибо, Георг. Не стоит торопиться. Честно говоря, я хочу поспать.

Когда Виктор выгрузил багаж и капитан Ганс помог мне подняться на борт, меня отвели вверх по лестнице на палубу, а оттуда – в главный салон, где Георг показал план яхты, пришпиленный к огромной пробковой доске.

– Давайте посмотрим... вторая палуба, первая каюта. Вас разместят прямо рядом с вашими детьми. Они будут в двух каютах справа от вас.

– Георг, здесь так много имен... Неужели все сестры приехали со своими семьями?

– Да, вы правы. Как вы понимаете, этот вояж подразумевает сильные переживания, поэтому девушки пришли к общему выводу, что будет лучше иметь рядом спутников жиз-

ни, на которых можно опереться.

– А... у всех сестер есть *спутники жизни*? – Охранительное материнское чувство сразу же заставило меня подумать о Джеке. Я хорошо понимала, что главной причиной его желания присоединиться к этому круизу была некая молодая женщина с золотисто-каштановыми волосами.

– У всех, кроме Алли, второй сестры. Но она здесь со своим маленьким сыном Бэрмом.

Видимо, из-за усталости я не смогла удержаться от удивления, и Георг вопросительно посмотрел на меня.

– С вами все в порядке, Мерри?

– Да, спасибо. На борту много детей?

– Есть еще двое. Валентина, дочь Флориано, избранника Майи, и Рори, сын Мауса, избранника Стар. Должен сказать, что юный Рори глухой, хотя он прекрасно умеет читать по губам.

– Прямо настоящий ковчег. Надеюсь, они снисходительно отнесутся к тому, что я не сразу запомню все имена.

– Можете не сомневаться. Проводить вас в каюту?

– Да, спасибо... – Салон неожиданно поплыл у меня перед глазами, и вернулось знакомое ощущение звенящей пустоты. До меня дошло, что, кроме бессонницы, моей последней едой была чашка ирландского кофе в Белфасте вчера ранним вечером. – Можно мне немного отдышаться, Георг? У меня кружится голова.

– Разумеется, возьмите меня под руку.

Георг вывел меня на прогулочную палубу и усадил на огромные диванные подушки в зоне отдыха ближе к корме.

– Разрешите, я найду для вас минеральную воду. Сейчас еще рано, и вокруг мало сотрудников. Сможете подождать минуту-другую?

– Да, не беспокойтесь.

Георг ушел быстрым шагом. Я старалась дышать размеренно и уменьшить агрессивную частоту сердцебиения. Как я и опасалась, я в самом деле чувствовала себя совершенно ошеломленной. Мысль о том, чтобы оказаться посреди океана в окружении незнакомых людей, их детей и избранников, уже не говоря обо всех откровениях, обрушившихся на меня в последнее время, была почти невыносимой. Я закрыла глаза и услышала другой звук: топот быстрых шагов по палубе. Я открыла глаза, ожидая увидеть Георга, спешащего ко мне с бутылкой воды «Эвиан», но передо мной стоял мужчина, которого я никогда не видела раньше. Он был высоким и жилистым, с бугристыми узлами мышц, рельефно выделявшимися под его облегающим спортивным костюмом. Судя по легкой проседи в кудрявых волосах, ему было около сорока лет.

– Доброго дня, – сказал он с американским акцентом.

– Вам тоже, – робко ответила я.

– С вами все в порядке? У вас... немного изможденный вид.

– О да, все в порядке. Георг пошел за водой для меня.

– Георг... это нотариус, верно?

– Да. Разве вы его не знаете?

– Прошу прощения, разрешите представиться. Меня зовут Майлз, и я сопровождаю Электру.

– Она знаменитая фотомоделль, не так ли?

– Верно. А вы, должно быть, та самая Мэри.

– Да. Но люди обычно зовут меня Мерри.

– Вот, глотните отсюда. – Майлз протянул мне бутылочку такой ярко-синей жидкости, что я заподозрила химикаты. – Это «Гаторад»⁹. Насколько я понял, здешний запас маловат, поэтому я захватил с собой побольше из США.

Я отхлебнула прохладную сладковатую жидкость. Вкус оказался не таким ужасным, как я думала.

– Спасибо.

– Без проблем. Я обычно встаю перед рассветом и тренируюсь. Собирался посетить беговую дорожку в местном спортзале, но здесь такой простор, и пока вокруг никого нет, было бы жаль пропустить восход солнца. После нескольких кругов по палубе я буду готов к началу дня.

– Успехов вам в этом деле. – Я отхлебнула еще глоток. – Простите, я расходую ваш драгоценный запас.

– Вовсе нет. Похоже, вы не спали целые сутки.

– Вы очень наблюдательны, Майлз. Так оно и есть.

⁹ Gatorade – серия изотонических напитков компании «Пепси», разработанная для восстановления потери жидкости после спортивных тренировок. (Прим. пер.)

– Я знаю, как Электре не терпится встретиться с вами. Честно говоря, как и всем, кто находится на борту. Здесь вы более желанны, чем знаменитая фотомоделль. – Майлз широко улыбнулся.

– Если откровенно, Майлз, это-то меня и беспокоит.

– Могу вас понять. Конечно, мы в разном положении, но здесь и для меня все новое. Я лишь несколько недель знаком с Электрой и немного удивился, когда она попросила меня приехать. Сказать по правде, я уже несколько дней сижу как на иголках.

– Чем вы занимаетесь? Актер, фотограф или спортсмен?

– Нет, мэм, ничего столь увлекательного. Я – юрист.

Я мысленно выбрала себя за предубеждение, основанное на его отношениях с супермоделлю. По сути дела, в этом человеке было некое качество, невероятно успокаивавшее меня. Я пыталась понять, прояснилась ли моя голова от «Гаторада» или от присутствия этого вежливого мужчины, проявившего симпатию ко мне.

– Как вы познакомились с Электрой?

Майлз посмотрел в морскую даль.

– О, у нас были... взаимные интересы. Наши пути пересеклись на ферме в Аризоне. Кстати, Мерри, вчера вечером я был очень рад познакомиться с вашими детьми. Джек и Мэри-Кэт были бесподобны за ужином. Они отлично поработали, чтобы разговоры за столом были оживленными и не прекращались ни на секунду. Это было нелегко, понимаете?

Масса незнакомых людей, непростое эмоциональное время для сестер...

– Узнаю своих детей. Если мы что-то и умеем, так это вести приятную беседу.

– Но это правда! Подруга Сиси, – кажется, ее зовут Крисси, – родом из Австралии. Она утверждает то же самое.

– Ну, да. Вы из Америки, Крисси из Австралии... Кто еще приехал из экзотических мест, о которых мне нужно знать?

– Это зависит от того, что вы понимаете под экзотикой. Флориано, избранник Майи, и его дочь Валентина родом из Бразилии. У всех сестер есть свои поразительные истории. Их отец – *ваш* отец – оставил им путеводные нити после своего ухода. Он выгравировал координаты их мест рождения на скульптуре в семейном саду; они называют ее армиллярной сферой. Похоже, он удочерял детей со всех концов света...

– У него была богатая жизнь, это точно.

– Как и у вас, судя по рассказам. Джек и Мэри-Кэт поведали нам о ваших странствиях за последние несколько недель. Мерри, я сожалею о том, что вам пришлось пережить. Не знаю, как вы справились. Сестры преследовали вас по всему миру и напугали до полусмерти. Должно быть, вы невероятно волевая женщина, если решились приехать сюда. И ваши дети тоже. Вчера вечером они неустанно восхваляли вас.

В спокойной искренности Майлза было нечто подкупающее. У меня навернулись слезы на глаза.

– Спасибо, Майлз. Это очень великодушно с вашей стороны.

– И еще, Мерри... Я недолго знаком с ними, но это хорошие люди. Я немного разбираюсь в человеческой натуре. Видите ли, я специализируюсь в области прав человека, поэтому научился хорошо судить об этой стороне вещей. Обещаю, здесь вы находитесь в безопасности, и все ждут не дождутся, когда смогут познакомиться с вами.

– Я просто надеюсь... не обмануть их ожидания. – Я вдруг снова почувствовала себя ошеломленной.

– По-моему, они всю жизнь знали о вас, во всяком случае, о вашем существовании. Ваш отец часто упоминал о «потерянной сестре». Он сокрушался, что так и не смог найти вас. Поэтому теперь они в восторге от того, что смогли доставить вас сюда и исполнить давнее отцовское желание.

– Майлз, вы юрист, поэтому должны разбираться в болезненных чувствах внутри семей, особенно после смерти любимого человека.

– Да, это так.

– Разумеется, вы обратили внимание, что я гораздо старше остальных девушек.

– Я... я бы никогда не заметил, но слышал об этом от других.

– Вы действительно юрист, Майлз; это было очень тактично с вашей стороны. Так или иначе, полагаю, что в силу вашей профессии вы умеете хранить секреты?

Майлз улыбнулся и кивнул.

– О, да. Есть немало секретов, которые я унесу с собой в могилу.

– Слава богу, это не понадобится, но мне было бы интересно узнать ваше мнение по одному вопросу.

Он сделал паузу и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Можете рассчитывать на мое благоразумие.

Я порылась в сумочке и достала письмо от Атласа.

– Прочтите, пожалуйста.

– Вы уверены, что хотите этого?

– Мне нужно мнение человека со стороны, а не только Георга. Отец оставил мне это письмо. Оно вроде бы подтверждает, что я... впрочем, сами увидите.

Майлз стал читать письмо, а я следила за выражением его лица. Вскоре я заметила, что в его глазах стоят слезы.

– Прошу прощения. – Он протянул мне листок. – Это очень сильное послание.

– Да.

– Если вы не против, скажите, что вас так беспокоит? Тот факт, что вы являетесь его родной дочерью?

– Да! И еще тот факт, что он доверил мне историю своей жизни раньше, чем всем остальным.

Майлз ненадолго задумался, подбирая слова.

– Я могу это понять. Конечно, я не вправе говорить за всех, но думаю, что, с их точки зрения, вы являетесь ответом на основополагающий вопрос. Всю свою жизнь они пытались

понять, почему их загадочный приемный отец поставил перед собой задачу удочерять девочек со всего света. Если в юности он потерял жену и родную дочь, то, возможно, это дает какое-то объяснение?

Я откинулась на подушки и обдумала услышанное.

– Кажется, я не смотрела на это с такой стороны.

– Так или иначе, Джек и Мэри-Кэт уже проделали основную работу. Все любят их так сильно, что они практически стали частью семьи.

– Могу себе представить. Спасибо, Майлз.

– Только не волнуйтесь. А если в следующие несколько дней атмосфера будет слишком насыщенной и вам понадобится взгляд со стороны, просто дайте мне знать.

Я снова услышала топот бегущих ног, повернулась и увидела Георга, который появился из салона, потрясая бутылкой воды.

– Прошу прощения, Мерри, мне пришлось спуститься на кухню. Оказалось, что получить ученую степень по юриспруденции в Базельском университете проще, чем найти нужную вещь в кухонной кладовке.

– Все в порядке, Георг. Майлзу удалось спасти меня этой голубой смесью. – Я показала бутылочку «Гаторада».

– Я внесу небольшую надбавку к вашему счету за пребывание на борту, мадам, – сказал Майлз и подмигнул мне. – Желаю вам хорошо устроиться на новом месте, Мерри. А я пробегу трусцой еще несколько кругов, пока не встала Элек-

тра, а потом выпью кофе. — Он выпрямился и кивнул Георгу. — И помните о моем предложении. Я всегда к вашим услугам: третья палуба, каюта номер четыре.

Майлз рассмеялся, и я помахала ему, когда он продолжил свой путь по палубе «Титана».

— Извините, Мерри. Я не подумал, что кто-то мог встать так рано.

— Все в порядке, Георг. Мне было приятно познакомиться с ним. Он умеет успокаивать людей.

— Да. Ему пришлось многое преодолеть в жизни, и я считаю его идеальным спутником для Электры. Ну как, вам стало немного полегче?

— Да, спасибо, Георг. Я, безусловно, достаточно окрепла, чтобы добраться до спальни.

— Возьмите меня под руку, и я отведу вас вниз. Виктор уже доставил ваш багаж на место.

Я опиралась на Георга, пока мы блуждали по огромному судну. Не знаю, но то ли из-за моего состояния, то ли оттого, что все коридоры были обшиты темно-коричневым деревом, отполированным до зеркального блеска, мне казалось, будто я нахожусь внутри одной из картин Эшера. Мы проходили мимо многочисленных членов команды, которые уже встали и готовились к плаванию. Некоторые были одеты в рубашки поло, другие — в белые рубашки с коротким рукавом и эполетами. Георг бормотал что-то вроде «палубной команды» и «внутренней команды», но я почти не слушала. Форму мо-

ряков объединяла одна черта: на каждой рубашке было вышито название «Титан», а ниже находилось золоченое изображение армиллярной сферы. После нескольких лестниц и коридоров Георг указал на дверь на второй палубе.

– Вот ваша каюта, – прошептал он. – Мэри-Кэт и Джек находятся рядом, справа от вас.

Он открыл дверь каюты.

– Какая красота, Георг! Скажите, я должна еще что-то сделать, прежде чем рухну на кровать и на несколько часов отрешусь от этого брэнного мира?

– Ничего, Мерри. Пожалуйста, отдохайте сколько понадобится. Разумеется, вскоре мы снимемся с якоря, и должен предупредить, что шум двигателей может быть немного... назойливым, – смущенно добавил он.

– Ничего страшного, Георг. Думаю, что я достаточно устала, чтобы проспать что угодно. Полагаю, вам тоже захочется отдохнуть, но, пожалуйста, попросите кого-нибудь уведомить моих детей, что их мать уже находится на борту.

– Без проблем. Я прослежу за этим и за подготовкой дневников. Спокойной ночи, Мерри.

– Скорее похоже на доброе утро. – Я устало вздохнула, вошла в комнату и осторожно закрыла за собой дверь. Меня вовсе не удивило, что каюта была скорее похожа на номер в пятизвездочном отеле. Фактически она была даже лучше моего недавнего номера в шикарнейшей гостинице «Кларидж». Мой чемодан стоял у кровати, но у меня не было сил откры-

вать его и рыться в поисках подходящей ночной рубашки. Вместо этого я скинула туфли, сбросила на пол полотенца (красиво расшитые маленькими слониками) и упала на кровать. Поплотнее закутавшись в одеяло, я закрыла глаза и заснула.

8

Майя потянулась и зевнула, глядя на пустой столик для завтрака. Она посмотрела на часы: было без десяти одиннадцать. Общая встреча на прогулочной палубе была запланирована на одиннадцать часов. Примерно час назад заработали двигатели «Титана» и началось плавание к Делосу. Впрочем, Майя подозревала, что количества вина, выпитого вчера вечером, было достаточно, чтобы шум не разбудил некоторых особо рьяных гостей. Сама она, разумеется, не выпила ни капли, но остальные слишком буквально восприняли пожелание «сохранять ясную голову в ближайшие несколько дней».

Сначала Майя беспокоилась, что она будет тосковать по утешению в виде одного-двух бокалов провансальского розового вина перед сном, но после вчерашнего вечера решила, что опасения были напрасными. В сущности, она была чрезвычайно довольна тем, как все расслаблялись за ужином. Где-то глубоко внутри она уже несколько месяцев страшилась этого круиза, вероятно, как и большинство остальных

пассажиров. Она со своими сестрами в прошлом году шагнула далеко вперед, приспособившись к жизни без путеводного света Па Солта. Старшая сестра Деплеси боялась, что это путешествие лишь послужит напоминанием об огромной утрате, понесенной ею и ее родными. Даже вчерашнее прибытие в порт оказалось болезненным, поскольку «Титан» всегда был символом летнего воссоединения семьи, безопасным местом для отдыха и разговоров. Но теперь, отпивая глоток воды, Майя призналась себе, что вчерашний вечер был почти... радостным?

Честно говоря, это присутствие «избранников» превратило вечер в жизнерадостное событие. На борту собралась довольно пестрая компания, которую Па Солт, несомненно, одобрил бы. Здесь был трудолюбивый доктор Чарли Киннард, приложивший немало усилий для «приземления» высокодуховной сестры Тигги. Электра была вместе с Майлзом, спокойным и рассудительным человеком, который не рассматривал ее как знаменитую модель, она осталась такой же уязвимой и страстной, как раньше. Крисси отдавала то, что она получала от Сиси (хотя Майя была рада, что ей не придется жить под этой особенно шумной крышей). Даже застенчивый Маус прошлым вечером явил себя столпом красноречия и смирения. Вместе со своим очаровательным сыном Рори он дал безмятежной Стар уверенность, в которой та нуждалась.

И, разумеется, Алли. Майя с трудом представляла душев-

ную боль, которую ее сестра была вынуждена перенести в прошлом году после утраты ее любимого Тео. Она восхищалась силой и стойкостью сестры, встретившей вызов материнства в самых сложных обстоятельствах... Сделавшей то, что ей самой когда-то не удалось сделать.

– Доброе утро, Майя, – сказала Тигги, которая пересекла палубу и опустилась на стул напротив.

– Доброе утро, Тигс.

Тигги провела пальцами по своим каштановым волосам, которые искрились на солнце.

– Какой чудесный день, – сказала она.

Майя думала о том, как хорошо выглядит ее сестра. Тигги всегда обладала естественным изяществом и непринужденностью, но смерть Па Солта, пожалуй, ранила ее глубже, чем остальных. Теперь, вместе с неутомимым Чарли и своей осуществившейся мечтой о возрождении популяции диких кошек в горной части Шотландии, Тигги почти постоянно улыбалась.

– Боюсь, завтрак будет гораздо тише, чем ужин, – вздохнула Майя.

– Я бы не была так уверена. На нижних палубах уже кипит бурная деятельность. Чарли сидит в бортовом офисе и пишет обзор о лабораторном исследовании крови, или что-то вроде того. Я рада, что не стала врачом: у них нет ни минуты покоя! А где твои?

– Флориано только что пошел за Валентиной. Вчера вече-

ром команде пришлось выделить свободную каюту для нее и маленького Рори. Они настаивали на этом. Рори начал учить Валентину языку жестов, а она, в свою очередь, дает ему уроки португальского... – Майя и Тигги дружно захихикали. – Теперь они как брат и сестра.

Тигги вскинула брови, потом оглянулась и убедилась в том, что прогулочная палуба по-прежнему пустынна.

– Кстати, о братьях и сестрах... – Она покосилась на живот Майи и выразительно усмехнулась.

Майя выдохнула, покачала головой и улыбнулась в ответ.

– Будь вместо тебя кто-то другой, я бы подумала, что ты намекаешь на мой вес. Но, поскольку это ты, то полагаю, вопрос был задан по другой причине.

Тигги пискнула от восторга.

– Я знала, знала! Ты уже сказала им?

– Ш-шш... Да, я сказала Флориано, но не Валентине. Откуда ты всегда все знаешь, Тигги?

Тигги пожала плечами с чрезвычайно довольным видом.

– Ну, давай же. Я всегда отпускала тебя с крючка, даже когда мы были детьми. Я никогда не забуду, как ты сказала Мадлен, что ее кошка родит ровно шестерых котят. И в тот же вечер все исполнилось. Потом, мы слышали от Алли историю о рождении Бэра. Она клянется, что никто из них не был бы сейчас здесь, если бы не ты и Ангелина. Скажи, как ты видишь невидимое?

Тигги посмотрела на океан за кормой «Титана», где

огромные яхтенные моторы оставляли на воде белые буруны.

– Это дар предков, – сказала она. – Я *bruja*¹⁰.

– Постой, ты ведьма? – спросила Майя.

Тигги рассмеялась.

– Ах да, ты же переводчица. Нет, Майя, я не ведьма. Быть *bruja* – значит быть частью духовного наследия.

– Извини, Тигги, – смущенно сказала Майя. – Я не хотела преувеличивать, просто у меня голова так устроена.

– Не стоит извиняться. А теперь слушай внимательно, не то я огрею тебя своей метлой. – Тигги указала на воду. – Когда ты смотришь на океан, то видишь голубизну, воду и волны. Но это лишь часть истории. Ты не можешь видеть, что происходит под ватерлинией, где «Титан» создает течение. Для подводной жизни, для рыб и водорослей, это течение создается непреодолимой внешней силой, источник которой остается неведомым.

Она закрыла глаза, как будто представляла то, что хотела описать.

– Здесь примерно то же самое. Нас окружают силы или энергии, неуловимые или непостижимые для большинства людей. Но я могу кое-что разглядеть. – Тигги открыла глаза и посмотрела на Майю. – Это не волшебство и не магия; все находится перед нами. Просто я знаю, как и куда нужно смотреть.

¹⁰ Bruja (исп.) – знахарка, целительница, колдунья.

– Ты невероятная, Тигги. Поэтому я спрошу, кого ты видишь в скором будущем, племянника или племянницу. Кому ты станешь тетушкой?

Тигги изогнула бровь и выразительно посмотрела на сестру.

– Я предлагаю выкрасить детскую комнату в нейтральный цвет, – ответила она и подмигнула.

Из бара наверху вышла улыбающаяся светловолосая стюардесса. Майя бросила взгляд на Тигги, и та покачала головой. Ни одна из сестер раньше не видели эту девушку. Внутренний персонал «Титана» менялся почти ежегодно, и появлялась новая команда молодых стюардов.

– Доброе утро, мисс Деппеси и... мисс Деппеси. Могу я предложить вам кофе? Или, может быть, сока? – робко спросила она.

Майя посочувствовала ей. Она понимала, что обычные заведующие шикарными яхт редко снисходят до вежливого отношения к обслуживающему персоналу.

– Пожалуйста, называйте нас Майей и Тигги, – сказала она. – И я бы предпочла латте.

– Мне то же самое, – добавила Тигги. – С овсяным молоком, пожалуйста!

– Чудесно, сейчас принесу. И еще, шеф-повар спрашивает, подавать ли общий завтрак в одиннадцать часов, как было заказано?

– Да, можно приступать, – ответила Майя. – Я уверена,

что аромат бекона и кофе быстро выманит остальных. А если нет, мы спустимся и соберем их.

– Отлично, – сказала стюардесса и направилась в бар.

Майя глубоко вздохнула.

– Знаешь, сейчас все это богатство и роскошь кажутся немного чуждыми. Если честно, я даже чувствую себя неловко.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – согласилась Тигги. – Лично я больше чувствую себя дома в брезентовой палатке посреди лесной поляны.

– Ну, для меня это слишком. Не знаю, смогу ли я долго прожить без бразильской жары. Во всяком случае, я считаю, что мы при любой возможности должны делиться тем, что имеем. В Рио я начала каждую неделю посещать *фавелы* и учить местных детей английскому и испанскому.

– Это здорово, Майя, – тихо сказала Тигги. – В конце концов, твоя жизнь тоже началась в бразильских трущобах.

– Да, это правда. Поэтому я готова предложить любую помощь, чтобы улучшить их будущее. Вряд ли загадочный миллиардер придет спасти их, как это случилось с нами.

– Папа определенно дал каждой из нас новую биографию. Насколько иной была бы наша жизнь, если бы он не собрал нас со всего света! – Тигги покачала головой и посмотрела на сестру. – Мне так его не хватает, Майя. Я как будто осталась без надежного якоря. С какими бы проблемами я ни сталкивалась, он находил нужные слова, чтобы ободрить меня. По-

лагаю, у тебя было то же самое?

– Да. Думаю, у всех нас было то же самое.

– Горькая ирония состоит в том, что теперь, когда он больше всего нужен, его с нами нет.

– В физическом смысле – нет. Но, думаю, он остается с нами, – ответила Майя.

Тигги покосилась на сестру.

– Майя, ты собираешься поделиться с *bruja* частицей духовной мудрости?

– Я бы не стала заходить так далеко, но смотри, что мы сделали: мы нашли потерянную сестру. Нам не удалось бы это сделать без его направляющего влияния.

– Он был бы счастлив, если бы узнал, что она едет сюда, – улыбнулась Тигги.

– Это точно.

– Просто... – Тигги положила голову на руки. – Помнишь, что я раньше говорила о способности чувствовать разную энергию, влияющую на нашу жизнь?

– Да.

– Пожалуйста, не считай меня чокнутой, – умоляюще произнесла Тигги.

– Обещаю, Тигги. Я никогда так не думала.

– Хорошо. Ну вот... обычно, когда кто-то из моих знакомых близок к смерти, я чувствую это. Точно так же я могу ощущать новую жизнь, вроде той, которая сейчас растет в тебе. – Майя искренне кивнула. – А после того, как мои зна-

комые уходили в мир иной, я всегда могла... проститься с ними. То есть с их духом, жизненной силой или как угодно, — прежде, чем они уйдут навсегда. Это очень утешительно для меня и, думаю, для них тоже.

— Понимаю.

— Но, Майя, я так и не почувствовала этого с Па Солтом. Я не ощущала, что он готов покинуть нас, и с тех пор определенно не ощущала его присутствие. Именно поэтому прошедший год был таким трудным для меня. Я так и не смогла попрощаться с ним.

— Боже мой. Мне очень жаль, Тигги; должно быть, это было невероятно трудно.

— Да. Он был всем для меня, и я не могу поверить, что он не пришел проститься со мной. — Тигги опустила голову и стала изучать свои руки, как обычно, когда размышляла о метафизических вещах.

Майя напряженно думала, что сказать своей сестре.

— Может быть, это потому, что он знает, как сильно это расстроит тебя, Тигги?

— Может быть. Я начинаю думать, что он послал ко мне Чарли и что именно *это* было его прощальным подарком.

— Это очень похоже на него, — заметила Майя.

— Да. Но в последние несколько недель мне снова стало не по себе.

— С Чарли все в порядке?

— О да, в полном порядке. Просто в последнее время мне

вдруг стало очень тревожно за папу. Это очень странно, принимая во внимание, что он умер год назад.

– И правда. Но, Тигги, мне это кажется естественным, если вспомнить, ради чего мы здесь собрались. Уверена, все остальные испытывают сходные чувства.

Тигги немного подумала.

– Наверное, ты права. Извини, Майя, я не хотела нагружать тебя этими духовными делами. Особенно после вчерашнего вечера – кто мог ожидать такого шумного застолья?

– Да уж. Но Джек и Мэри-Кэт были очаровательны.

– Абсолютно. Кстати, Георг вернулся вместе с Мерри?

– Да, он сообщил мне. За столом появилось два новых места. Вчера вечером нас было шестнадцать человек, а сегодня уже восемнадцать.

– Не могу поверить, что все наконец познакомятся с потерянной сестрой. После стольких лет, когда она была лишь частью истории... А сегодня утром она будет пить апельсиновый сок вместе с нами.

– Бедная Мерри. Ей пришлось так много пережить за последнее время. Просто чудо, что Георгу удалось доставить ее на борт. Нам нужно приложить все силы, чтобы в следующие несколько дней она ни в чем не нуждалась.

– Согласна. У нее действительно прекрасная душа, Майя. Хотя я лишь мимоходом встретила с ней в Дублине, но уверена, что она прекрасно впишется в нашу компанию.

Последовала короткая пауза, пока обе сестры размышля-

ли о значении новой пассажирки. Наконец Майя заговорила:

– Было довольно забавно, когда вчера Георг практически убежал с яхты, правда? Мы уже год знакомы с этим человеком, и, кажется, я даже ни разу не видела его вспотевшим. Он был вне себя от желания убедить Мерри, чтобы она присоединилась к нам.

Тигги снова устремила взгляд куда-то вдаль.

– Думаю, у него не было выбора в этом вопросе, Майя. – Она улыбнулась. – Знаешь, у меня такое странное чувство...

Ее перебили голоса, которые донеслись из салона.

– Мой папа говорит, что яхта «Ор Бразил» еще больше этой, – с гордостью сказала Валентина, обращаясь к Рори.

– Ого... А ты знаешь, что такое «Титаник»? – поинтересовался Рори на языке жестов.

Дети вышли на палубу в сопровождении Флориано.

– Ладно, ладно. – Флориано приподнял брови и улыбнулся Майе. – Не думаю, что сейчас нам стоит говорить о «Титанике», мой юный сэр.

– Bom dia, Майя!

– Bom dia, Валентина. Apenas ingles, por favor. На борту мы говорим по-английски.

– Хорошо...

– Спасибо, Валентина, – сказала Тигги. – Некоторые из нас не такие умные, как ты. И, кстати, не такие хорошенькие.

– Прошу вас, тетя Тигги, не балуйте ее, – сказал Флориано. Он приподнял Валентину под мышки и пощекотал ее.

– Другие уже встали, Флориано? – осведомилась Майя.

– Мы постучались во все двери, правда, Валентина? – вмешался Рори. – Потом наперегонки пробежались по яхте и нашли Ма вместе с Алли и Бэром на носу. Скоро они придут сюда. А у нас будут сосиски на завтрак?

– Я уверена, что шеф-повар приготовит тебе отдельную порцию, Рори. Это твоя любимая еда? – спросила Тигги.

– Смею сказать, что да, не так ли, старина? – донесся голос из салона, и на палубу вышел Маус, державший за руку Стар.

– Доброе утро, Стар! Доброе утро, папа!

– Привет, Рори. Всем доброго утра. – Стар помахала им. – По пути вверх я столкнулась с Мэри-Кэт. Она сказала, что они с Джеком собираются зайти к маме, и попросила нас завтракать без них.

– Разумеется, – сказала Майя. – Ты нервничаешь, Стар?

– Да. По правде говоря, сегодня у меня с утра душа не на месте. Во время нашего последнего разговора я разыгрывала глупый замысел Орландо. Теперь мне стыдно за это.

– Не волнуйся, Стар. Когда я встретилась с Мерри в Дублине, она дала понять, что все прощено и забыто, – заверила Тигги.

– Уверена, так оно и есть, – добавила Майя и взяла Тигги за руку. – Наступает великий момент, когда шесть сестер примут седьмую.

Мерри

Хотя я проспала только шесть часов, мой сон был глубоким и восстановил силы. В Гиббстон-Вэлли, где наш дом стоял посреди огромного виноградника, ночи были совершенно безмолвными. Единственный недостаток этого покоя состоял в том, что я ужасно спала, когда не находилась в собственной постели. В отелях даже легкие шаги в коридоре могли разбудить меня. Но на борту «Титана» я легко погрузилась в глубокий сон. Лишь когда я встала с кровати и подошла к бортовому иллюминатору, до меня дошло, что мы находимся в открытом море. Даже шум двигателей не разбудил меня. Я открыла крепление иллюминатора, выдвинула стеклянный кружок, насколько это было возможно – примерно на десять сантиметров, – и вдохнула теплый, соленый воздух Средиземного моря, ощущая прилив новых сил. После смерти Джока я пообещала себе приключение, и вот, оно произошло. Да, это было не мировое турне, которое я представляла, зато я находилась на борту огромной яхты и собиралась обнаружить свою истинную фамильную историю.

Я взяла телефон с прикроватного столика и увидела два сообщения, от Джека и Мэри-Кэт. Оба просили меня сообщить, когда я проснусь. Я ответила, что буду готова встре-

титься с ними через полчаса, когда приму душ.

После душа с мылом и шампунем я достала из чемодана чистое хлопчатобумажное платье и фен. Стоя перед зеркалом, я вспомнила рисунок угольным карандашом, который показал мне Георг вчера вечером. Не оставалось сомнений в том, что женщина на портрете была мною. Оставалось лишь гадать, какова была история моей родной матери и что заставило ее бросить меня на крыльце отца О'Брайена много лет назад. Я не могла представить ситуацию, которая бы вынудила меня так же поступить с Джеком или с Мэри-Кэт. При мысли об этом у меня по спине пробежал холодок.

Через несколько минут после того, как я выключила фен, послышался знакомый стук в дверь – точно такой же, какой раздавался у двери моей спальни четверть века назад, когда моему сыну снились кошмары и он хотел забраться в кровать ко мне и Джоку.

– Заходи, Джек, – позвала я.

Дверь открылась, и я увидела его добродушное лицо, волнистые светлые волосы и пронзительные голубые глаза.

– Привет, мама! Добро пожаловать на борт славного «Титана»! – Он лучезарно улыбнулся.

– Мама, ты все-таки решилась! Как же радостно видеть тебя! – Мэри-Кэт, одетая в бикини и пляжный халат, последовала за братом.

Я обняла их одновременно и долго прижимала к себе. Хотя мы находились в другом полушарии, посреди огромного

моря, в тот момент я снова была дома.

– Ты не представляешь, как я рада тебя видеть, Мэри-Кэт. Садитесь, дети. – Я указала на два кресла, стоявшие по обе стороны от кофейного столика, а сама опустилась на край кровати.

– Скажи, мама, почему ты передумала? Алли сказала нам, что Георг вчера просто умчался с яхты, как будто собирался похитить тебя. Если он не запихнул тебя в джутовый мешок, то что он сказал, чтобы убедить тебя присоединиться к нам?

– На самом деле это заслуга моего старинного друга Амброза. Ты знаешь, как я доверяю ему. Он знает меня дольше, чем любой другой человек. Он сказал, что я должна ехать, и я послушалась.

– Ну, теперь ты что-то вроде местной знаменитости. Даже больше, чем *настоящая* знаменитость. Ты вообще знаешь об Электре, мама? Она произнесла речь на концерте для Африки сразу после Обамы, и...

– Да, да. Кажется, я читала об этом еще в Новой Зеландии. – Я повернулась к сыну. – Как тебе Алли, Джек?

– Ну, она очень хорошая.

Я удержала его взгляд.

– Кроме того, э-э... у нее есть ребенок.

– Я слышала что-то от Георга, – сказала я. – И как ты относишься к этому? Немного странно, что она не упомянула об этом раньше.

– Ребенок – не проблема. Он – славный малыш, и его зовут

Бэр.

Мэри-Кэт толкнула Джека под локоть.

– Но она определенно не замужем, мама. Ты бы только видела эту парочку: прелестное зрелище!

– Ладно тебе, Эм-Кей. Она потеряла отца Бэра около года назад. Как я догадываюсь, она не сказала мне о ребенке, потому что не хотела ранить мои чувства. Ничего, я переживу. Да и в любом случае я здесь не главная достопримечательность, мама! Ты готова выйти и *познакомиться с семьей*?

Я набрала в грудь побольше воздуха.

– Есть еще кое-что, о чем я узнала совсем недавно и хотела бы поговорить с вами. Особенно перед этим великим знакомством.

Ощувив мое волнение, Мэри-Кэт встала, опустилась на кровать рядом со мной и накрыла мою руку своей.

– Разумеется, мама.

Я взяла сумочку и достала письмо Атласа вместе с портретом.

* * *

– Черт побери, мама. Это уже перебор, особенно после того, что тебе довелось пережить за последние несколько недель. Как ты себя чувствуешь? – ласково спросил Джек и положил руку мне на плечо.

– Сначала мне было нехорошо, но теперь, после крепко-

го сна, вроде бы стало лучше. Еще я познакомилась с Майлзом...

– Со спутником Электры?

– Да. Он очень рассудительный и сумел успокоить меня. Георг делает копии дневника и, по моему предложению, собирается раздать их остальным сестрам, чтобы они все могли читать одновременно.

– Значит, ты действительно родная дочь Па Солта? – спросила Мэри-Кэт.

– Судя по всему, Атлас – мой отец. И твой дед, Джек.

В комнате повисла тишина, пока мои дети старались переварить услышанное и понять, что это означает.

– Ну да, конечно! – воскликнула Мэри-Кэт, вспомнившая, что она сама была моей приемной дочерью. – Вы оба являетесь его кровными родственниками! – Она провела пальцами по длинным светлым волосам. – Какое-то безумие!

– Боже, неудивительно, что Георгу так не терпелось доставить тебя на борт, мама, – пробормотал Джек. – Ты... мы с тобой потомки Па Солта.

– Да, но разве это подтверждено? – поинтересовалась Мэри-Кэт.

– Ты имеешь в виду анализы ДНК? Это довольно трудно организовать в открытом море.

– В любом случае, не думаю, что сейчас это необходимо. Эта женщина на портрете – твоя точная копия, мама! Ты так и не узнала, что с ней случилось? – спросил Джек.

– Нет. Надеюсь, в дневнике найдутся ответы.

– Ясно. Может, мы побольше узнаем оттуда и об Аргин-Хаусе в Корке.

Мэри-Кэт указала на потолок:

– Как насчет остальных? Как они отнесутся к этому?

– Не знаю. Важно помнить, что я не стремилась оказаться здесь. Эти девушки в буквальном смысле разыскивали меня по всему миру. – Я обвела взглядом просторную каюту с декоративной люстрой и ореховым изголовьем ручной работы. – И у меня нет желания отобрать у них *все это*.

Джек выглядел удрученным.

– Буду честным с тобой, мама. Я думаю, когда Алли узнает, что я ее племянник, то ее умолчание насчет ребенка покажется детской игрой.

– Не глупи, Джек, – твердо сказала Мэри-Кэт. – Па Солт удочерил Алли, но на самом деле она – дочь музыканта из Норвегии. Между вами нет абсолютно никакой кровной связи. Так или иначе, от себя не убежишь... С тобой все в порядке, мама? Мы можем как-то помочь тебе?

– Да. Вы можете украсть спасательную шлюпку, если остальные шесть сестер решат выбросить меня за борт.

– Это вряд ли, – сказала Мэри-Кэт и положила руку мне на плечо. – Они все чрезвычайно милые люди. Кстати, какой у тебя план? Ты собираешься подняться и просто все рассказать?

– Думаю, мне придется это сделать. – Я вздохнула. – Лю-

бое умолчание по этому поводу будет нечестным. Я уже сказала, что никогда не знала Атласа, но для них он был самым близким человеком.

– Знаешь, мама, ты потрясающая женщина. Ты столько пережила, но до сих пор ставишь чужие интересы выше своих.

– Спасибо, Мэри-Кэт. Кстати, твой отец взял с меня обещание, что я устрою себе бурные приключения, если с ним что-то случится. И вот мы здесь. – Мы втроем взялись за руки и немного посидели в тишине. – И мой отец тоже хотел бы этого. Бог знает, но они были едва ли не самыми бескорыстными людьми на свете. Поэтому если я... Если *мы* в силах помочь этим шести женщинам в самый трудный момент их жизни, то мы это сделаем. – Я крепко сжала их руки. – Все уже наверху?

– На самом деле нет. Все сидят за поздним завтраком. Мы сообщили, что присоединимся к ним после разговора с тобой.

– Вот и хорошо. – Я сделала глубокий вдох, хлопнула себя по коленям и встала. – Давайте пойдем и поздороваемся с ними.

Джек и Мэри-Кэт повели меня по коридорам «Титана». С двумя детьми, образовавшими миниатюрную фалангу вокруг меня, я была спокойна. Что бы ни случилось, они были рядом и защищали меня.

Мы поднялись по центральному трапу мимо огромных го-

стиных, столовых и офисного отсека, о котором упоминал Георг. Теперь, после отдыха, я могла оценить подлинные размеры этой плавучей крепости.

– Ты готова, мама? – спросил Джек, одарив меня очередной широкой улыбкой. – Осталось только выйти на палубу.

Мое сердце забилось чаще, когда я услышала какофонию голосов. *«Должно быть, так чувствовали себя первые христиане, когда их выпускали на съедение львам»*, – подумала я. Среди остальных я слышала размеренный голос Георга, и это придало мне уверенности, чтобы переступить порог. Мэри-Кэт взяла меня за руку, и мы втроем вышли на палубу.

За столом сидело множество людей, и все лица повернулись ко мне. Джек заговорил первым:

– Доброго утра вам всем! Я хочу познакомить вас с моей мамой, Мэри. Наверное, все уже слышали о ней...

Наступила странная тишина. Я уверена, что она длилась лишь несколько секунд, но мне они показались вечностью. Люди как будто впитывали и переваривали меня, словно мое присутствие было труднодостижимым. Две или три девушки переглянулись и заулыбались. Остальные просто смотрели на меня широко распахнутыми глазами, приоткрыв губы, словно увидели какое-то чудо. Так или иначе, никто не заговорил, так что я решила снять напряжение:

– Всем привет. Меня обычно зовут Мерри, вроде поздравления на Рождество. Если хотите, можете называть меня так.

Из-за нервозности я неосознанно перешла на диалект За-

падного Корка.

Женщина с густыми каштаново-золотистыми волосами, качавшая ребенка на коленях, встала первой. У меня не было сомнений в том, кто она такая. Ее белая кожа и большие глаза приковывали внимание, тонкие брови и высокие скулы подчеркивали красоту. Я определенно могла понять увлечение Джека.

– Здравствуйте, Мерри. Я... все мы очень рады видеть вас на борту.

– Спасибо. Вы приложили немало усилий, чтобы я оказалась здесь.

В этот момент другая девушка, с карими глазами и волнистыми темными волосами, захлопала в ладоши. Почти мгновенно все остальные присоединились к аплодисментам. Один за другим все поднялись на ноги, и я невольно рассмеялась при виде такого энтузиазма. Георг, стоявший во главе стола, едва заметно кивнул мне. Увидела ли я слезы, стоявшие в его глазах? Наверное, мне почудилось... Но все лица сияли искренними улыбками, и это человеческое тепло было очень воодушевляющим.

Ко мне приблизилась высокая женщина. На вид ей было около семидесяти. Она была элегантной, с точеными чертами лица и орлиным носом.

– Здравствуйте, Мерри. Меня зовут Марина. Эти девочки, – извините, что я их так называю, – зовут меня Ма. Я ухаживала за ними, пока они росли. Могу сказать, что все

здесь рады вашему приезду. Вы осчастливили многих людей и наполнили радостью много сердец, *chérie*.

– Я слышу французский акцент?

– О, у вас тонкий слух! Я француженка, но, наверное, вы знаете, что я живу в Швейцарии.

– Разумеется. Я слышала о вашем замечательном доме на берегу Женевского озера.

– *Oui, chérie!* Вы обязательно должны посетить нас!

Я невольно улыбнулась, зараженная ее энтузиазмом.

– Ладно, Ма! Ради бога, не пугай ее. Если ты будешь продолжать в том же духе, она прыгнет за борт и поплывет к берегу.

Эти слова исходили от статной девушки с кожей цвета черного дерева и гривой курчавых черных волос. Она была так поразительно красива, что я едва не лишилась дара речи.

– Привет, я – Электра. Для меня большая честь познакомиться с вами.

Ее золотисто-желтые глаза уперлись в меня, и я невольно поддалась очарованию профессиональной фотомодели.

– О, я видела вас по телевизору. Кажется, вы недавно рекламировали духи?

Электра усмехнулась и покачала головой.

– Возможно. Мне жаль, если мое лицо убедило вас потратить деньги, прежде чем мы успели познакомиться лично.

– Ну, я могу подтвердить, что в жизни вы так же очаровательны, как на телеэкране.

– Вы очень любезны. А это моя сестра Сиси. – Электра указала на коренастую девушку с миндалевидными карими глазами и короткой мальчишеской стрижкой.

– Здравствуйте, Мерри. Позвольте сказать, у вас славное имя.

– О, спасибо, и у вас тоже! Сиси, не так ли?

– Да, сокращенное от Келено, для большей простоты. Впрочем, это имя придумал мой отец.

За спиной Сиси стояла стройная блондинка, немного похожая на Мэри-Кэт. Мы с ней уже встречались в отеле «Кларидж». Наши взгляды встретились.

– Добрый день, Мерри, – робко сказала она. – Я...

– Боже мой! – воскликнула я. – Единственная и неповторимая Сабрина Воган! Забавно видеть вас здесь. А как поживает виконт?

Бледное лицо несчастной девушки залилось краской.

– Я ужасно сожалею, Мерри. Это была глупая идея моего чудаковатого друга Орландо. Он немного эксцентричен.

– Это слишком мягко сказано. Он, безусловно, с большими странностями, а я имею несчастье быть его братом, – чопорно произнес мужчина типично английской аристократической внешности, сидевший за столом.

– Мне не следовало идти у него на поводу. – Блондинка протянула руку. – Если мы можем начать все сначала, меня зовут Стар. Это сокращение от...

– От Астеропы. – Я приняла ее рукопожатие. – Вас назва-

ли в честь Семи Сестер из скопления Плеяд. Это очень красиво.

– Да, вы совершенно правы! Обычно это требует долгих объяснений, – добавила Стар.

– Ну, со мной вам повезло: я писала диссертацию об Орионе, который преследовал Меропу. И не беспокойтесь, ле-ди Сабрина, все прощено. Приятно познакомиться с *настоящей* Стар.

Рядом со Стар появилось еще одно знакомое лицо.

– Еще раз здравствуйте, Мерри, – мягко сказала Тигги. – Рада снова видеть вас.

Она подошла ближе, и мы обнялись. Когда мы встретились в Дублине, ее сдержанная, мягкосердечная манера убедила меня в том, что их семья не хочет причинить вред моей семье.

– Здравствуйте, Тигги, я тоже очень рада, – ответила я.

Тигги удержала мой взгляд и глубоко заглянула мне в глаза.

– Трудно поверить, что вы здесь. Это многое значило для нашего отца. Спасибо вам.

Если бы это был кто-то другой, момент выглядел бы неловким, но спокойная аура Тигги возобладала, и, как и раньше, я ощутила некую связь между нами. Она смотрела на меня так, как будто у нас был общий секрет, недоступный для остальных.

– Полагаю, остаемся только мы, – сказала Алли. – Я – Ал-

ли, а это моя старшая сестра Майя. Мы несколько раз беседовали по телефону.

– Здравствуйте, Алли. Джек много рассказывал мне о вас. – Я поискала румянец на ее лице, и он немедленно появился. – Приятно познакомиться с вами, Майя.

– Мы все взволнованы, Мерри. – Голос Майи едва не сорвался. – Извините, это важный момент для нас.

– Могу лишь догадываться. Должно быть, вы все переживаете нелегкие времена, но прекрасно, что вы вместе. – Я обратилась ко всем, включая тех, кто остался сидеть за столом. – В детстве у меня было много родственников, но я много лет не виделась с ними.

– Готова поспорить, что вы проголодались, Мерри. Садитесь за стол, давайте заморим червячка! – воскликнула смуглая девушка такой же комплекции, как Сиси. – Кстати, меня зовут Крисси. Рада познакомиться!

– Я тоже рада. Приятно видеть на борту обительницу моего полушария.

– Знаю, знаю. Хотя с таким акцентом, очевидно, из вас так и не смогли сделать настоящую австралийку...

Я заняла место между Джеком и Мэри-Кэт. Стол был загроможден тарелками со свежей выпечкой, и металлические крышки были сняты с бекона, сосисок, яиц и всевозможных деликатесов. За завтраком меня познакомили с врачом, который был наследником огромного сельского поместья в Шотландии, с бразильским писателем, с благовоспи-

таннным английским джентльменом, который реставрировал дом, плюс к тому я узнала, что в прошлом Крисси была профессиональной пловчихой, потерявшей ногу после несчастного случая.

– Это Майлз, Мерри, – сказала Электра, указав на мужчину, сидевшего рядом с ней.

– Вообще-то мы уже имели удовольствие познакомиться друг с другом сегодня утром.

– Ох. – Электра с деланой свирепостью уставилась на Майлза. – Ты не упомянул об этом.

– А ты не спрашивала. – Он ответил на ее взгляд широкой улыбкой и подмигнул. Я отметила, что это имело обезоруживающий эффект. – Надеюсь, Мерри, вам удалось выспаться?

– Спасибо, просто замечательно. – К тому времени, когда я очистила тарелку, у меня голова шла кругом. – Знаете, это все равно, что оказаться в романе Агаты Кристи, где на борту собрались все интересные персонажи.

– «Убийство на “Титане”», – усмехнулся велеречивый Маус.

Стар цокнула языком и закатила глаза.

– Такая опасность вам точно не угрожает, Мерри.

– Я просто поражаюсь, как Георгу удалось убедить вас, – сказала Сиси.

Я посмотрела на Георга, сидевшего во главе стола. Он устремил взгляд на меня в ожидании ответа.

– Ну... Он рассказал, сколько сил вы потратили на мои

поиски и какое ужасное время вы переживаете, – осторожно сказала я. – Он был очень убедителен.

– Да, он определенно умеет убеждать, если хочет, – поддразнила Электра. – В конце концов, он юрист, правда, Георг?

– Вы знаете, что я здесь ради исполнения воли вашего отца. Когда мы подтвердили личность Мерри, я понял, что ваш отец не остановился бы ни перед чем, лишь бы доставить ее сюда, – невозмутимо отозвался Георг.

Сиси снова обратилась ко мне:

– Он должен был сказать вам что-то такое, что изменило ваше мнение, верно? Поскольку мы все понимаем, что вы не хотели приезжать...

– Сиси, – перебила Алли.

– То есть понятно, почему вы не хотели приезжать. Черт возьми, я бы точно не захотела, если бы меня по всему свету преследовала группа незнакомых людей, называющих меня своей *потерянной сестрой*!

Я не знала, добивалась ли этого Сиси, но за столом воцарилась тишина.

– Что изменилось? – продолжала Сиси. – Это все, что я хочу знать.

Я снова посмотрела на Георга. Он обводил взглядом стол, всматриваясь в лица присутствующих.

– Прошу вас извинить мою сестру. Она никогда особо не думает, прежде чем говорить, правда, Сиси? – Стар вырази-

тельно посмотрела на Сиси, заставив ее помедлить с дальнейшими вопросами.

– Извините. Возможно, я была грубой. Простите меня, Мерри, но я...

– Что? Не волнуйтесь, я не расстроилась. Можете задавать любые вопросы, – заверила я.

– Думаю, Георг что-то скрывает от нас, – предположила Сиси.

Все дружно повернулись к человеку во главе стола. Это было почти комичное зрелище.

– Рори! Иди сюда, старина. Кажется, ты обещал отвести меня на капитанский мостик, чтобы посмотреть на море, а? – тактично вмешался Маус. – Хочешь с нами, Валентина? Я уверен, что, если мы хорошо попросим, капитан Ганс даст нам порулить.

Дети пребывали в блаженном неведении о напряженной атмосфере, которая быстро сгушалась за столом, и послушно ушли вместе с Маусом, который, как я полагала, сам был рад покинуть застолье.

– Пожалуйста, продолжай, Сиси, – сказал Георг. – Что значит «Георг что-то скрывает»?

– Как вы думаете, что я имею в виду, Георг? Вы без нашего ведома выгравировали координаты на папиной армиллярной сфере. Судя по всему, уже давно. Далее, последние несколько недель вы где-то пропадали, пока мы бегали по всему свету в поисках потерянной сестры. Мы слышали от

Майи и Алли о ваших загадочных телефонных звонках. А вчера вы практически убежали с «Титана» и улетели в Дублин, чтобы притащить бедную Мерри на борт яхты, хотя она уже дала понять, что не хочет этого.

Наступила тишина. Мэри-Кэт успокаивающим жестом положила руку мне на колено, пока мы ожидали, что скажет Георг.

– Бог ты мой. Спасибо за искренность, Сиси. Вы все так думаете? Что я скрываю от вас важную информацию?

– Ради всего святого, Георг, – вмешалась Электра. – Вы всегда что-то утаивали от нас. К примеру, смерть Па Солта. Вы молчали до тех пор, пока не состоялись его тайные похороны. Потом появились координаты на армиллярной сфере, письма от Па. Вы всегда знали больше, чем мы, хотя мы вроде бы считаемся его дочерьми. Но мы мирились с этим.

Тогда заговорила Марина, которую здесь называли Ма:

– Пожалуйста, *chérie*, не сердись на Георга. Я не знаю человека, который был бы больше предан своему делу и одному-единственному другу. Поверьте, он любит каждую из вас не меньше меня.

– Спасибо, Марина, все в порядке, – вздохнул Георг. – Я вполне понимаю их досаду.

– Пожалуйста, Георг, не надо думать, что вы должны оправдываться перед нами, – спокойно сказала Алли. – Мы все переживаем, но мы должны почтить память Па Солта именно так, как ему хотелось бы. Особенно после воссоеди-

нения с нашей потерянной сестрой.

Она указала на меня, и я послала ей самую одобрительную улыбку, на какую была способна. Но, по правде говоря, у меня в животе запорхали бабочки.

– Извини, Алли, я не хотела выглядеть раздосадованной, – сказала Сиси. – Просто иногда мне кажется, что мы на три шага отстаем от реальности. А ведь *он* был нашим отцом.

– Понимаю, Си. Может, обсудим это попозже?

– Да, конечно. Я извиняюсь перед всеми. И я хотела сказать, как замечательно видеть вас здесь, Мерри. В определенном смысле, мы все выросли вместе с вами. Вы были историей, волшебной сказкой. И вот вы здесь.

– Да. Но все это время я и не знала, что я куда-то пропала! – Я отчаянно старалась разрядить сгустившуюся атмосферу.

– Знаете, я хочу узнать, почему вы вообще *пропали*, – сказала Сиси. Она напоминала собаку, не желавшую отпускать любимую косточку. – Вот что я имела в виду, когда сказала, что Георг что-то утаивает от нас. Может быть, Мерри, он рассказал вам об этом вчера ночью? Поэтому вы и решили приехать? Я просто расстроена, что он ничего не рассказал нам.

– Сиси, что ты делаешь? – с укоризной воскликнула Стар. – Прошу прощения, Мерри.

– Ничего страшного, – спокойно отозвалась я. – Я вполне понимаю причину вашего расстройства, Сиси. Но клянусь,

что Георг совершенно точно не говорил мне, почему я считаюсь «потерянной сестрой». И я сама пока что не могу ответить на этот вопрос.

Я вопросительно посмотрела на Георга.

– Девочки, – начал он, – ваш отец был моим клиентом. Пожалуйста, поймите, что я никогда *сам по себе* не утаивал от вас никакую информацию. – Он тяжело вздохнул. – Однако иногда я был вынужден следовать строгим указаниям, оставленным вашим отцом незадолго до смерти. К примеру, для него было очень важно, чтобы все вы могли выбрать, хочется вам или не хочется узнать правду о ваших биологических семьях. Поэтому, хотя я знал о вашем происхождении, я не имел права раскрывать эти сведения. Ма права, я всех вас очень люблю.

Я посмотрела на Чарли Киннарда. Он выглядел так, как будто был готов провалиться сквозь землю. Мне было жаль его. Сейчас он находился не среди британцев, которые скорее попрыгали бы за борт, чем столкнулись с конфронтацией в результате выражения своих подлинных чувств. Но неловкая ситуация никак не повлияла на Флориано и Майлза, которые наблюдали за событиями, как за театральной пьесой.

– Вы должны верить мне: любые тайны, которые при жизни хранил ваш отец, были предназначены для вашей защиты, – продолжал Георг.

– Для защиты? – спросила Стар. – От кого нас нужно защищать?

– Все в порядке, Стар, – примирительно сказала Майя. – Думаю, Георг имеет в виду, что Па хотел гарантировать наше положение после своего ухода.

– Да, – сказал Георг. – Но и при его жизни тоже. Есть причины, почему вы хорошо знали его как отца, но очень мало знали о его жизни за пределами Атлантиды.

Я заметила тревожный взгляд Ма, обращенный к Георгу.

– О чем вы, Георг? – спросила Майя.

Тот покачал головой, словно примирившись с мыслью, что грузовой поезд сошел с рельсов и уже поздно жать на тормоза.

– Я говорю, что никто не был ближе к Па Солту, чем вы, шесть его приемных дочерей. Вы видели его тепло, его доброту и любовь к жизни. Вы все выросли на этом.

– Продолжайте, – сказала Сиси.

– Тем не менее ваше происхождение было необычным. Я знаю, что большинство из вас считает странным решение Па Солта удочерить шестерых девочек со всех концов света. Возможно, вы задавались вопросом, почему он так и не женился, хотя был завидным женихом – добрым, красивым и богатым. Никто не объяснял вам, почему это так, ради вашей безопасности.

– Георг, мы не понимаем, – твердо сказала Алли. – Пожалуйста, перестаньте говорить загадками.

– Во всем в жизни есть причина, девочки. Я лишь пытаюсь объяснить, что, если ваше воспитание или мое поведе-

ние были необычными, в этом есть своя логика.

Напряжение за столом приобрело гнетущий оттенок. Я не знала, куда клонит Георг, но подозревала, что скоро мне придется сыграть свою роль.

– Ваш отец создал надежную гавань для семьи, безопасное убежище, где он мог гарантировать ваше благополучие. Поэтому он построил Атлантис – идиллический уголок вселенной, где вы были изолированы от грубой реальности жизни. Здесь он мог заботиться о вас, растить вас и обеспечивать любовью, в которой нуждается каждый ребенок. Поэтому он нанял меня, Марину и Клавдию. Его мир был создан для вас, его детей.

– Георг, – процедила Майя. – Если вы хотите что-то сказать, то давайте, скажите.

– Я извиняюсь. Вам нужны ответы. Что же, начнем с прозвища вашего отца, Па Солта. Все вы так называли его, как и я в вашем присутствии, а также все гости Атлантиса. То же самое относилось к вашим учителям и друзьям... ко всем вокруг него.

– Да, он был просто... Па Солтом, – пробормотала Тигги.

– Да. Такова была его воля.

– Помню, мы много раз спрашивали его об этом, – нахмурилась Сиси. – Он только смеялся и говорил: «Вы знаете, как меня зовут!»

– Каждый раз, когда нам приходилось заполнять официальные бумаги, мы писали «мистер Деплеси», – припомнила

Стар.

– Да, так и было. Поэтому я не хочу, чтобы вы испытывали... противоречивые чувства насчет вашего невнимания к этим странностям.

– Боже, – простонала Электра. – Мы даже не знаем, как его звали. Он был самым важным человеком в нашей жизни, а мы не знаем его имени.

– Опять-таки, Электра, вы не должны винить себя в этом. Это был его замысел. Ваш отец с самого начала стремился к этому, – заверил Георг. – Его заслуга в том, что он построил целый мир, в котором вы не сомневались до самого конца.

– Георг, вы пугаете нас. Как его звали?

Георг посмотрел на меня и сочувственно кивнул. Похоже, наступил мой черед. Я набрала в грудь побольше воздуха и собралась с силами.

– Атлас, – сказала я. – Думаю, его звали Атласом.

Все за столом повернулись ко мне. Я смотрела в глаза сестер, жаждавших новых сведений.

– Флориано, Чарли, Майлз, Крисси... Вы не могли бы ненадолго оставить нас наедине? – спросила Майя.

– Ох, конечно же. Мы оставляем вас наедине. Тигги, только позови, если тебе что-то понадобится. – Чарли встал из-за стола и быстро увел всех остальных.

– Все в порядке, мама? – прошептал Джек, наклонившись ко мне.

– Да, спасибо, мой дорогой. Вы с сестрой можете прогу-

латься, а я справлюсь.

– Уверена? Мы будем на палубе, если понадобится.

Джек и Мэри-Кэт встали и ушли. Остались только сестры, Георг и Марина.

– Извини, Мерри, что ты сказала? – начала Майя.

– Ваш отец. Его звали Атласом.

Сестры смотрели на меня со смесью подозрения и смущения во взглядах. Только Тигги сидела с широкой улыбкой на лице. Я посмотрела ей в глаза, и она одобрительно кивнула.

– Так звали отца Семи Сестер, – сказала Алли, комкая салфетку. – Мы знаем, что папа ничего не оставлял на волю случая, – кивнула Стар.

– Что ж, это решает загадку наших имен, – сказала Майя. – Мы – дочери Атласа.

– Я помню историю о том, что его называли Па Солтом, поскольку от него всегда пахло морем. Он это выдумал? – спросила Электра.

– Честно говоря, не знаю, – ответила Майя. – Я принимала это на веру.

– Мы все так делали, – кивнула Алли. – Но, Мерри, как вы узнали имя нашего отца?

– Он написал мне письмо.

– Письмо?

– Да. Вчера вечером, когда Георг приехал в Дублин и убедил меня присоединиться к вам, он вручил мне пакет. Я открыла его в самолете; там находились письмо и дневник.

Я говорила медленно и осторожно, не желая упускать подробности или оказаться неправильно понятой.

– Письмо было от Па? – спросила Стар.

– Да. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что каждая из вас получила письмо от него? – Сестры дружно кивнули. – Вот и я получила. Как вы понимаете, все это сильно действует на нервы... особенно после вашей страстной речи, Сиси.

Я заметила, что некоторые девушки покосились на свою сестру, которая смотрела в пол. Раскрыв сумочку, я достала письмо вместе с копией угольного портрета моей матери. Когда я положила их на стол, мои руки дрожали.

– Пожалуйста, Мерри, не надо нервничать, – успокаивающе произнесла Алли. – Мы просто хотим узнать, что происходит.

– Сначала я хочу показать рисунок. – Я взяла лист и показала его присутствующим.

– О боже, Мерри... – пробормотала Стар. – Я знала, что ваше лицо почему-то кажется мне знакомым. Все остальные помнят, что это за портрет?

– Твою ж мать, простите мой французский! – воскликнула Электра. – Эта штука висела в папином кабинете, сколько я себя помню.

– И это вы! – добавила Сиси. – Вы всегда были на этом портрете!

– Вообще-то это не мой портрет. Но я согласна с вами, сходство поразительное. Вчера Георг подтвердил, что это

портрет моей матери. Когда я впервые увидела его, он пробудил во мне какую-то первобытную эмоциональную реакцию, – призналась я.

– Все эти годы в папином кабинете висел портрет вашей матери... – тихо сказала Майя, обводя взглядом своих сестер. Я ощущала, что они начинают складывать одно с другим.

– В прошлом году я как-то обратила внимание, что портрет исчез из папиного кабинета. Теперь все понятно. – Алли повернулась к Георгу: – Полагаю, вы взяли его и сделали копию для поисков Мерри?

Георг кивнул.

– Интересно, оригинал по-прежнему хранится у вас? – поинтересовалась Сиси.

Георг немного помешкал.

– Да, я знаю, где находится оригинал, – ответил он.

Я снова приняла эстафетную палочку:

– Сказать по правде, я приехала не только ради знакомства с вами, но и ради себя. Я хочу узнать свое истинное происхождение, и эта загадка начинается с вашего отца. – Я покачала головой. – Георг дал мне понять, что о личной жизни Па Солта вам известно так же мало, как и мне.

– Это правда, – пробормотала Электра.

– Он был *вашим* отцом. Он вырастил вас, и вы любили его. Поэтому я надеюсь, что мы будем вместе узнавать о его жизни. – Я извлекла письмо из конверта. – Хотите, чтобы я

прочитала его?

Они нетерпеливо закивали.

– «Моя дорогая дочь...»

* * *

Я отложила письмо и обвела глазами сидевших за столом. Тигги подошла и крепко обняла меня.

– Мне казалось, что он где-то рядом, – сказала она. – Но это были вы.

– Никаких трудностей в процессе удочерения, – прошептала Майя. – Вы были *его*...

– Его плотью и кровью, – закончила Алли. – Это поразительно.

– Все это время у него была *настоящая* дочь, – сказала Сиси.

– Это неподходящее слово, Сиси, – произнес Георг назидательным тоном юридического советника. – Вы все его *настоящие* дочери, и он любил вас, как родных. Я искренне надеюсь, что вы согласны с этим.

– Разумеется, – подтвердила Стар.

Наступила пауза, сестры пытались осмыслить услышанное.

– Значит, род Па Солта продолжается, – заговорила Электра. – Потрясающе!

– Думаю, это прекрасно, – рассудительно сказала Тигги. –

И ваши глаза, Мерри. Теперь я вижу, что они... папины.

– Боже, а ведь ты права, *chérie*, – сказала Ма, приоткрыв рот от изумления.

– Полагаю, вы стали потерянной сестрой, поскольку что-то случилось с вашей матерью, – сказала Стар. – Должно быть, он потерял вас обеих одновременно. Это так грустно! – добавила она и прикрыла рот ладонью.

– Но он никогда не сдавался, – заявил Георг. – Он всю свою жизнь посвятил поискам. Откровенно говоря, именно поэтому его часто не было дома.

– А я думала, что Па часто отлучался по делам, – сказала Сиси.

– Ваш отец отошел от дел много лет назад. Он заработал свой основной капитал в очень юном возрасте. Со временем его доли росли в цене, проценты накапливались, и он сколотил состояние.

– Чем же он все-таки занимался, Георг? Каждый раз, когда мы спрашивали его, он отделивался расплывчатыми ответами вроде инвестиций и финансов, пока нам не становилось скучно и мы не отставали от него.

Георг посмотрел на меня, и я поняла его намек.

– Атлас доверил мне свой дневник, а в письме попросил меня поделиться с вами его содержанием после прочтения. Однако, несмотря на его указания, я не считаю себя вправе изучать историю жизни Па Солта раньше дочерей, которые с детства знали его. – Я указала на Георга. – Поэтому я попро-

сила изготовить шесть копий. Если вы захотите, мы будем изучать его историю одновременно.

– Спасибо, Мерри, – сказала Алли после небольшой паузы. – Это очень великодушно с вашей стороны.

– Жаль, что мы не можем услышать все это из его уст, – грустно добавила Электра.

– Как я уже говорил, ничего не делалось без причины, – сказал Георг. – Атлас был самым умным человеком из всех, кого я знал. Он хранил тайну происхождения Мерри ради вашей защиты и безопасности.

– Георг, вы то и дело говорите про защиту и безопасность, но я понятия не имею, о чем идет речь, – сказала Майя. – Пока я росла, я ни разу не ощущала никакой угрозы.

– Тогда его план сработал.

– Что за план? Серьезно, я хочу знать ответы! – Я не ожидала, что Майя окажется первой, кто повысит голос.

– Георг, – поспешно вмешалась я, – вы уже изготовили копии дневника?

– Да, Мерри. Они лежат внизу, в надежном месте.

– Не пора ли принести и раздать их? – решительно спросила я. – Думаю, все будут гораздо спокойнее, когда возьмут в руки нечто вещественное.

Нотариус кивнул. Когда он проходил мимо Ма, я заметила, что она взяла его за руку и слегка сжала ее. Оба явно предчувствовали этот момент.

– Эта поездка планировалась для того, чтобы почтить па-

мать Па Солта, – пробормотала Электра, опустив глаза. – Вместо этого у меня возникает такое ощущение, как будто мы вообще не знали его.

– Он создал для нас *целый мир*, – сказала Сиси. – Почему мы все воспринимали это как должное? Нас ведь нельзя называть глупыми, правда? – Ее голос прервался, и она резко задышала, когда потекли слезы. Стар встала и обняла сестру за плечи. – Извините, девочки, просто я устала. Нам всем пришлось быстро повзрослеть в прошлом году. Учиться жить без папы, путешествовать по миру, находить наших кровных родственников – это был настоящий водоворот. Я полагала, что этот вояж станет для нас возможностью попрощаться с прошлым и открыть новую главу. Но знаете, что? Оказалось, что это далеко не все! Я просто устала.

Речь Сиси произвела кумулятивный эффект на остальных. Они явно сочувствовали своей сестре и разделяли ее мнение. Я неловко заерзала на стуле.

– Девочки мои... – начала Ма. – Мои дорогие, талантливые, милые девочки! Мне жаль, что ваша жизнь в последнее время сложилась так драматично. В прошлом году вы все испытали много горя. Но помните, что были и радостные моменты.

Я заметила, как сестры смотрели на нее. Взрослые люди вдруг снова стали детьми, испуганными и ищущими родительского утешения.

– Знаете, что я думаю? – продолжала она. – Я думаю, что

наша жизнь похожа на линию кардиограммы на мониторе. Линия идет то вверх, то вниз. Но о чем это говорит? О том, что вы *живы*, мои дорогие. – Некоторые сестры обменялись улыбками. – Если бы ваша жизнь была скучной и однообразной, то линия была бы ровной. А что это означало бы? Отсутствие жизни, вот что! – Улыбки превратились в смешки. – Поэтому, как видите... лучше испытывать сильные чувства, потому что дни проходят один за другим, как автобусы, снова и снова...

– Па говорил, что для переживания лучших моментов жизни сначала нужно узнать худшие, – заметила Тигги.

– Правильно, *chérie*. Вы скоро узнаете, что ваш отец пережил такие худшие моменты, какие только бывают в жизни. Но потом он испытал лучшие моменты, и все они были связаны с вами, его детьми.

– Значит, вы с Георгом знали о папином прошлом, Ма? – спросила Майя. – Тогда почему вы ничего не рассказывали?

– *Non!* Хватит об этом. Дело не во мне и не в мсье Гофмане, а в вашем любимом Па Солте и том пути, который он подготовил для вас.

– Извини, Ма, – смиренно сказала Майя.

– Я хочу, чтобы вы знали, как я горжусь каждой из вас. Вы встретили события прошлого года с храбростью, мудростью и решимостью, которые бы очень порадовали вашего отца. И я знаю, что вы останетесь терпимыми, умными и великодушными, какими вас воспитывал отец, да и я тоже приняла

в этом посильное участие.

Это произвело сильное впечатление на сестер. Судя по тому, что я до сих пор видела, Ма была женщиной, аккуратно выбиравшей моменты для утверждения своего авторитета.

Алли первой нарушила молчание:

– Мерри, я скажу за нас всех. Мы рады и горды, что вы находитесь здесь. Извините, если мы позволяли нашим эмоциям одерживать верх над нами.

– Все в порядке, – заверила я. – Если кто и знает ощущение, когда мир переворачивается вверх тормашками, так это я.

Георг вернулся из салона с высокой стопкой бумаги в руках, на которой лежал оригинал дневника в потертой кожаной обложке.

– Вот шесть копий и оригинал.

Он принялся раскладывать копии перед сестрами и вручил мне дневник.

– Боже, какой огромный, – сказала Стар. – Должно быть, здесь сотни страниц.

Она подняла свою стопку со стола и взвесила на руках.

– Да, это правда, – подтвердила я. – Должна сказать, я уже кое-что прочитала, но совсем немного. Он все еще маленький мальчик, и это необыкновенная история.

– Очень похоже на Па, – улыбнулась Тигги.

– Это еще и просветительский проект. Пожалуй, мне нужно внести Рио в список ближайших визитов.

– Прошу прощения? – Майя наклонилась ко мне.

– Извините, просто мысли вслух. Дневник начинается со встречи вашего Па со скульптором, изготовившим статую Христа Спасителя. Вот так. – У Майи вдруг приоткрылся рот. – Простите, это важно?

– Можно сказать и так, – сказала Алли. – Его ассистент был прапрадедом Майи.

Настала моя очередь для непритворного изумления:

– Вы шутите? Его звали... Лорен?

– Бройли, – пробормотала Майя.

– Бог ты мой, это невероятно. Простите, Майя, я не хотела заранее раскрывать подобные секреты.

– Ничего. Это просто... удивительно. – Майя медленно покачала головой. Девушки за столом обменивались взволнованными взглядами.

– Вот о чем этот дневник? – спросила Электра. – Мы узнаем, почему Па удочерил нас? Правда, Георг?

– Вы должны сами прочитать и все выяснить, – стоически ответил он.

Тигги хлопнула в ладоши.

– Итак, как мы это сделаем? Будем читать вместе?

Майя ответила первой:

– О, нет. Мне понадобится время для раздумий, когда я буду узнавать новое. А вам?

– Думаю, это правильно, Майя, – ответила Алли. – Судя по всему, этот круиз не станет для нас беззаботной прогул-

кой. Мы будем с головой погружены в историю Па Солта.

За столом раздались согласные возгласы.

– Я читаю не так быстро, как вы, – робко сказала Сиси. – Особенно если меня заставляют читать побыстрее. Из-за моей дислексии слова превращаются в кучу букв.

Она опустила голову и уставилась в пол.

– Ничего страшного, Сиси, – сказала Стар. – Хочешь, будем читать вместе? Я не против чтения вслух: у меня есть большая практика с Рори.

Сиси благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Стар, это было бы отлично. Если ты не возражаешь.

– Не глупи. Конечно, я не возражаю.

Алли встала из-за стола.

– Тогда решено. У нас есть три дня; этого будет достаточно, чтобы все узнать.

– В некотором смысле это очень правильно, – сказала Электра. – Мы узнаем, кем на самом деле был Па Солт, когда окажемся на месте прощания с ним.

10

Майя начала подниматься на вторую палубу. Ее мысли разбегались в разные стороны с тех пор, как Мерри упомянула о Бройли. При чем тут Па Солт? Год назад она совершила путешествие в поисках себя и своего семейного наследия.

Фрагменты семейной головоломки наконец встали на место, и Майя была вполне уверена в своих генах, подаривших ей блестящие темно-русые волосы и гладкую кожу медового оттенка. Но теперь Майя начала понимать, что картина была неполной. Почему Па захотел спасти именно ее? И как ему удалось так много узнать об истории ее семьи?

Майя обнаружила Флориано, с книгой в руке нежившегося в глубоком кожаном кресле в углу библиотеки. Это зрелище вызвало ощущение пустоты в ее животе. Оно напомнило ей о Па Солте, который любил проводить много времени на борту «Титана» именно в этом месте. Эта комната была его любимым местом на яхте – огромная плавучая библиотека с книжными шкафами ручной работы со всех сторон, наполненными его любимыми книгами. Майя вспоминала бесконечные, беспечальные летние дни, когда она выбирала книги и удалялась на прогулочную палубу, чтобы провести время за чтением под ласковыми солнечными лучами. Она закрыла глаза и вдохнула сладкий, мускусный книжный аромат. Он ничуть не изменился с тех пор, как ей исполнилось десять и она впервые проявила интерес к книгам. Она мысленно перенеслась в прошлое...

– Па, – тихо сказала Майя, не желая прерывать отцовские размышления над «Отверженными» Виктора Гюго. Он посмотрел на дочь.

– Моя дражайшая Майя, тебе нравится наш круиз?

– Да, спасибо, Па. Но я закончила книгу. Можно взять еще

одну?

Он сверкнул глазами.

– Разумеется, моя *petite princesse*¹¹! Я буду только рад.

Он встал, взял Майю за руку и подвел к самой большой полке.

– Здесь у меня художественная литература.

– Выдуманные истории?

– Ах, дорогая, выдуманных историй не бывает. Все это когда-то случилось на самом деле.

– Правда?

– Полагаю, да. – Он посмотрел на потрепанный томик «Отверженных». Книжка показалась Майе зачитанной до дыр. – Итак, что бы ты хотела почитать?

Майя подумала над ответом.

– Думаю, историю про любовь. Но не скучную.

– Хм-мм, разумный выбор, да еще и тест на мои библиотечарские способности. Давай посмотрим...

Па Солт провел пальцем по рядам книг, собранных за долгие годы, пока не остановился на одном корешке.

– Ну да, разумеется! – Па снял книгу с полки и улыбнулся, разглядывая обложку. – Это «Призрак Оперы» мсье Гастона Леру.

– Призрак? Звучит страшновато, папа.

– Это романтическое произведение. Уверен, оно тебе понравится. В противном случае я разрешаю тебе столкнуть

¹¹ Маленькая принцесса (*фр.*).

меня в плавательный бассейн.

Майя рассмеялась, и Атлас протянул ей книгу, но тут его рука застыла в воздухе.

– О, нет! Извини, дорогая, но это английский перевод. Давай я поищу французское издание.

– Ничего, папа, я попробую прочитать по-английски.

– Тогда ты действительно храбрая девочка. Уверена, что мне не стоит искать французский вариант? В конце концов, у тебя каникулы, и нет надобности что-то учить дополнительно.

– Это не похоже на учебу. Мне нравится читать на иностранном языке.

– Хорошо, моя *petite princesse*.

Голос Флориано вторгся в воспоминания Майи.

– С тобой все в порядке? – спросил Флориано, привстав со стула.

– Извини, я задумалась. Где Валентина?

– Ма отвела ее и юного Рори поплавать в бассейне. Иди сюда, посиди со мной. Расскажи, что произошло наверху. Что это за куча бумаги? – добавил он, забрав у нее из рук стопку отпечатанных листов и положив рукопись на дубовый кофейный столик.

Она пересказала ему утренние события.

– *Meu Deus*, Майя. Это неожиданный попорот. Как ты себя чувствуешь?

– Думаю, нормально. Мерри замечательная, и она отлично

справляется посреди такого хаоса, который мне даже трудно представить. Она *настоящая* дочь Па Солта.

– А дневник... ты говоришь, что она упомянула имя Лорена Бройли? Возможно ли, что твой Па Солт был знаком с ним?

– Судя по всему, да.

– Тогда зачем тратить время на разговоры со мной? Почему ты еще не читаешь? – Флориано указал на один из диванов с ярко-синей бархатной обивкой посреди комнаты.

– Это может показаться странным, но я немного нервничаю. Как быть, если я обнаружу нечто ужасное и огорчительное? Не знаю, Флориано... Что, например, если наш папа был международным наркобароном?

Флориано положил руку ей на колено.

– Понимаю. Хотя я не думаю, что международные наркобароны восхищаются произведениями Шекспира и Пруста. – Он обвел взглядом комнату.

– Да, но ты знаешь, что я имею в виду, – вздохнула Майя.

– Разумеется. Но если раньше ты шла во тьме без свечи, то в конце пути обрела свет. Поистине, в семье Деплеси не соскучишься по впечатлениям.

– Тут ты прав. Жалеешь, что не нашел себе кого-нибудь с тихой *фазенды* с курятником, дворовой собакой и больной бабушкой?

Флориано рассмеялся.

– Моя дорогая Майя, мне не нужно ничего иного, кроме

того, что уже есть. Если помнишь, это я посоветовал тебе вернуться в дом Кабрал и продолжить расспросы. А сейчас я говорю: что бы ты ни обнаружила в этом дневнике, будет важно узнать все обстоятельства связи твоего отца с Бразилией. Что бы подумали мои читатели, если бы я познакомил их с историей, рассказанной лишь наполовину? – Флориано передвинул ладонь на живот Майи, наклонился ближе и прошептал: – Помни, чтобы иметь надежду на будущее, нужно заглянуть в прошлое.

Майя сразу же испытала облегчение. Добродушный нрав Флориано придавал ей уверенность, необходимую для новой встречи с прошлым.

– Кстати, что мы скажем остальным? – спросил Флориано. – Знаю, ты обсуждала это с Алли, но, конечно же, твои сестры начнут спрашивать, почему ты заменила вино на воду?

– Боже! Я хотела объявить об этом после отплытия, но случилось столько всего... Не возражаешь, если мы еще немного подождем.

– Конечно, нет, моя милая. Я готов следовать за тобой. – Он наклонился и поцеловал ее. – И я рад, что наш малыш будет точно знать, кем был его дед.

– *Ego*? Почему ты так уверен, что это будет мальчик?

Флориано усмехнулся и пожал плечами.

– Извини, я оговорился. Хотя могу сказать, что было бы здорово заполучить маленького болельщика, который разде-

лил бы со мной страсть к футбольному клубу «Ботафого».

– Согласна. Тогда ты будешь меньше донимать меня своими футбольными страстями.

– О, да. Полагаю, теперь тебя нужно оставить в покое, чтобы ты смогла приступить к чтению дневника?

– Спасибо, Флориано.

– Не за что. Помни, что я рядом, если понадобится.

Он направился к открытой двустворчатой двери и закрыл ее за собой. Майя обвела взглядом пустую комнату, прежде чем подойти к дивану с рукописью в руке. Тишина, нарушаемая лишь ровным тихим гулом двигателей «Титана», располагала к тому, чем она собиралась заняться.

Дневник Атласа

1929 г.

*Булонь-Бийанкур,
Париж, Франция*

Мсье Ландовски посчитал нужным выйти из своей мастерской и встретить меня и Эвелин после нашего возвращения из Парижской консерватории.

– Ну, как все прошло? – осведомился он, как мне показалось, с неподдельным интересом.

– Мсье Иван объявил Бо исключительно одаренным и согласился обучать его два раза в неделю, – ответила Эвелин.

Выражение лица мсье Ландовски застало меня врасплох. Его глаза засияли, и он расплылся в широкой улыбке.

– Превосходно! Мои поздравления, мальчик, вполне заслуженные. – Он взял мою руку и энергично встряхнул ее. На моих губах тоже появилась невольная улыбка. Прошло так много времени с тех пор, как другой человек выказывал интерес к моему благополучию, что я не знал, как реагировать.

– Это добрая весть, – продолжал Ландовски. – С твоего разрешения, сегодня за ужином я подниму тост в твою честь и расскажу семье о твоих успехах.

Я достал из кармана листок бумаги, написал одно слово и протянул мсье Ландовски.

«Деньги?»

– Юный мсье, один творческий человек почитает за честь для себя помогать другому творческому человеку. Мне выпала удача, мои заказы чрезвычайно щедро оплачиваются, и я без колебаний помогу тебе.

«Спасибо, мсье», – написал я, борясь со слезами.

– Тебе известно о *Prix Blumenthal*, мальчик? – Я покачал головой. – Это крупная денежная премия, учрежденная американской благотворительницей Флоренс Блюменталь и ее мужем Джорджем для юных художников, скульпторов, писателей или музыкантов. Я – один из членов жюри здесь, во Франции. Мне всегда было немного... неловко заведовать раздачей чужих денег, но в данном случае я буду рад оказать личное содействие. Кроме того, я уверен, что однажды ты сам сможешь помогать другим. Не забывай об этом, мой мальчик.

Я выразительно кивнул.

В тот вечер все члены семьи Ландовски были искренними в своих поздравлениях, кроме Марсея, который выглядел так, словно наелся кислого крыжовника.

Лежа в постели, я размышлял о том, как мне повезло рухнуть без сил в саду именно этого дома. Я был настолько обессилен лихорадкой и изможден от голода, что просто упал, где стоял, и заполз под ближайшую живую изгородь для укрытия. Если бы эта изгородь принадлежала кому-то другому, то мою участь могла бы решить местная жандармерия. Меня бы отправили в сиротский приют, в рабочий дом или даже

в психиатрическую клинику, ведь я отказывался говорить. Но, разумеется, скорее всего, в ту ночь я бы просто умер под звездным небом Франции. Вместо этого Бел стала моей спасительницей и ангелом-хранителем. Она нашла меня, но было ли это случайностью? Я подумал о Семи Сестрах, моих звездных блюстительницах. Возможно, это они прислали Бел ко мне и оберегали меня во время моего невероятного путешествия...

Я не сомневался, что члены семьи Ландовски видят некую романтику в образе немого мальчика, найденного под забором, у которого обнаружился талант к игре на скрипке. Вероятно, они сочиняют истории о том, кто я такой на самом деле. Но какой бы вымысел они ни изобрели, правда была более умопомрачительной, чем они могли представить.

Я продолжал напоминать себе, что мастерская Ландовски не является конечным пунктом моего странствия. Я отправился в мир с определенной целью, и она еще не была достигнута.

Я закрыл глаза и подумал о том, что отец сказал мне в тот день, когда я последний раз видел его:

«Сынок... Боюсь, настал момент, когда у меня больше нет выбора, уйти или остаться. Наше положение крайне неустойчиво. Я должен попытаться найти помощь».

Я пал духом, поглощенный неотступной тревогой.

«Пожалуйста, папа! Ты не можешь уйти. Что мы будем делать без тебя?»

«Ты силен, мой мальчик. Может быть, не телом, но духом и разумом. Это будет поддерживать тебя в мое отсутствие».

Я бросился к нему в объятия, и его тепло окутало меня.

«Сколько времени это займет?» – спросил я в промежутках между всхлипываниями.

«Не знаю. Много месяцев».

«Мы не выживем без тебя».

«Тут ты ошибаешься. Если я не уйду, то не думаю, что у кого-то из нас останется будущее. Я поклялся жизнью твоей любимой мамы, что вернусь за тобой... Молись за меня и жди».

Я покорно кивнул.

«Помни слова Лао-цзы: “Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел”».

Я перевернулся на живот в надежде, что перемена позы избавит мой мозг от этого воспоминания. Я почувствовал режущую боль в груди и осознал, что так и не снял кошелек, висевший у меня на шее. Возможно ли, что впервые за много месяцев я забыл о его существовании?

Я снял через голову кожаный ремешок и позволил себе заглянуть внутрь. В комнате было темно, но за окном ярко светила луна. Свет заиграл на острых гранях предмета, лежавшего внутри, и я любовался на желтовато-белые блики, плясавшие на стенах. Мне было больно думать, что нечто столь прекрасное может причинять столько бед и страданий. Зависть заставляет людей совершать страшные поступки.

Я размышлял о том, каким будет мой следующий ход. Я пересек заполярные пустыни и горные хребты в надежде снова увидеться с отцом. Верил ли я, что он все еще жив? Хотя я признавал, что шансы весьма малы, как я мог прекратить поиски, если зашел так далеко?

Правда заключалась в том, что в доме Ландовски я обрел кров, безопасность, а теперь, после обещания учебы от мсье Ивана, и нечто гораздо большее. Я откинул одеяло, опустил ноги на деревянный пол и подошел к окну. Молочный лунный свет озарял двор внизу, но я смотрел на сияющую небесную сферу, висевшую над нашей планетой.

– *Ты там, папа?*

Я осторожно отворил окно и впустил в комнату прохладный ночной воздух. Я пришел с холода, и мне до сих пор нравилось ощущение бодрящей свежести на коже. Снаружи все было тихо, и я упивался ночью. Я смотрел в ясное небо и искал взглядом своих защитниц. Они были на месте, Семь Сестер из скопления Плеяд. Их присутствие было постоянством; возможно, поэтому я находил в них такое утешение. Как бы ни изменилась моя жизнь, какие бы утраты мне еще ни предстояло вынести, звезды всегда будут там, вечно взирая на землю. Я отметил, что сегодня ночью Майя сияла ярче других, как это всегда бывало зимой.

– Майя, – прошептал я, – что мне делать?

Я каждый раз был преисполнен ребяческой надежды на то, что, раз я продолжаю говорить со звездами, они однажды

ответят мне. Когда я закрыл окно и повернулся, собираясь улечься в постель, то зацепился ногой за какой-то предмет и едва не упал. Это был футляр моей скрипки, который я не полностью задвинул под кровать. Мысль об игре на скрипке в консерватории была настолько волнующей, что у меня закружилась голова, и я поспешил забраться под одеяло.

Спрятав кожаный кошелек между ног, я плотно закутался в одеяло. За свою короткую жизнь я успел испытать больше страданий, чем некоторым выпадает за всю жизнь. Впервые за годы я нашел безопасное место и был окружен благожелательными людьми. Так ли плохо будет провести некоторое время в мастерской Ландовски? Если папа действительно был жив, стал бы он укорять меня за то, что я отложил свои поиски? Скорее, он бы немного гордился достижениями своего сына. Ради избавления от ужасов моей бывшей жизни я пересек опасные границы, подружился со знаменитым скульптором и, самое невероятное, стал учеником прославленной Парижской консерватории. Отцовский голос закрался в мою голову:

«Если ты не изменишь направление пути, то можешь оказаться там, откуда ты вышел».

Да... да. Если сейчас я продолжу свое странствие лишь со смутным представлением о цели поисков, та участь, которой я опасался больше всего, вполне может воплотиться в действительности. Я вернусь к краже еды и питью дождевой воды, уже не говоря о попытках найти крышу над головой.

Я сомневался, что мой отец хотел такой жизни для своего сына.

* * *

— Когда у тебя день рождения, мальчик? — осведомился мсье Ландовски, когда Эвелин принесла ему кучу формуляров из консерватории. — В этих документах запрашивается много сведений, которые мне неизвестны. Дата твоего рождения, описание твоего опыта игры на скрипке... и особенно твое имя. — Он издал смешок и покачал головой. — Юный Бо. Знаешь, тебе понадобится фамилия. Ты уже придумал ее?

Я замешкался.

— Такая фамилия, которой ты был бы готов поделиться со мной ради твоего поступления в консерваторию.

Я немного подумал и достал бумагу для письма. Потом стал записывать свои любимые слова: звезды, заря, благосклонность, Плеяды... Это дало мне достаточное количество гласных и согласных букв, чтобы придумать нечто интересное. Я продолжил свой труд, пока мсье Ландовски заполнял формуляры, а потом протянул ему листок:

«Меня зовут Бо Деплеси».

Он вскинул бровь.

— Bravo, юноша. Ты придумал имя, которое хорошо послужит тебе в консерватории. Что касается твоего предыду-

щего опыта... кто напишет об этом лучше тебя?

Он протянул мне бумаги, и я написал в графе под названием *l'expérience antérieure de l'élève*:

«Никакой технической подготовки и профессионального опыта».

Мсье Ландовски посмотрел на написанное и сказал:

– Боже мой, мальчик, ты действительно очень мал! Одна из самых важных вещей в жизни артиста – это умение продавать свое имя. – Он заметил удивление на моем лице. – Только не путай это с высокомерием. Нужно оставаться скромным, но знать себе цену. Вероятно, ты сможешь заговорить после того, как начнешь играть.

Он вернул мне формуляры. Я немного подумал и начал писать:

«Я играл на скрипке с тех пор, как мои руки смогли обхватить ее гриф. Я наблюдал за игрой моего отца и восхищался тем, как смычок танцует на струнах. Он был так добр, что поделился со мной своим мастерством. Сначала я учился играть на слух, копируя одну ноту за другой. Это остается моим любимым методом, хотя другие считают это волшебством. Однако мой отец уделил достаточно времени, чтобы научить меня нотной грамоте, и я стал понимать «естественные гармонии» как отдельный язык. Отец часто говорил, что игра на скрипке улучшает память и концентрацию внимания, а также умственные способности и

здоровье в целом. Не знаю, было ли это так полезно для меня, но знаю, что когда я начинаю играть, то время останавливается, и я переношусь в совершенно иное место. Я танцую на крыльях Вселенной».

Я вернул бумаги мсье Ландовски.

– Кажется, ты еще и поэт, – сказал он. – Скажи мне, кто твой отец? Где он сейчас?

Я покачал головой.

– Что ж, молодой человек, где бы он ни находился сейчас, – в этой вселенной или в следующей, – я уверен, что он гордился бы твоими достижениями. Как и я, если не возражаешь.

Я встретился с его взглядом.

– Юный Бо, я – скульптор. Моя работа – навеки запечатлевать в камне духовную сущность других людей. Заказчик должен *ощущать* мою работу, он должен чувствовать нечто особенное. В этом смысле я научился хорошо понимать, что находится под внешней оболочкой личности. И ты, юный мсье, познал много страданий.

Я вздохнул и кивнул, не поднимая взгляда.

– Разумеется, поэтому я рад принимать тебя в своей семье. Надеюсь, это немного восстановит твою веру в человечество. – Он выглянул в окно мастерской. – Иногда это понимается с трудом, особенно после тех горестей, которые я ощущаю в тебе... но в этой жизни больше хороших людей,

чем плохих.

«Вы – хороший человек», – написал я.

– О да, я стараюсь. Хотя у меня будет припадок смертоносной ярости, если Бройли не сможет доставить моего Христа в Рио в целости и сохранности.

Я невольно хихикнул.

– Это был смех, мой дорогой мальчик? Боже, сегодня мне *и впрямь* повезло. – Ландовски вернулся к заполнению формуляров, присланных мсье Иваном для моего зачисления в консерваторию.

Я вдруг ощутил желание продемонстрировать свою благодарность мсье Ландовски. Его бескорыстие было непривычным для меня, а его желание тратить на безродного подкидыша свое драгоценное время побуждало меня к действию. Несмотря на нервный комок, накопившийся в моем животе, я собрался с духом и открыл рот.

– Спасибо, мсье, – робко произнес я.

Потом я приложил палец к губам и умоляюще посмотрел на него.

– Не волнуйся, мальчик. Твоя благодарность останется между нами. А теперь я попрошу Эвелин отправить эти документы в консерваторию. Мсье Иван предложил начать занятия на следующей неделе. Так что, я думаю, нужно обновить твой гардероб.

14 января 1929 года

Сегодня Эвелин отвезла меня в Париж. Мы прибыли к громадному зданию под названием «Бон-Марше». Я еще никогда не видел такого магазина, где под одной крышей можно было купить еду, мебель и одежду. Эвелин сказала, что это называется универсальным магазином. Я признателен мсье Ландовски и его семье за то, что мне приобрели коричневые ботинки, блейзер, а также несколько шортов, рубашек, трусов и маек. Раньше мне не приходилось пользоваться услугами портного – джентльмена, который снимает мерки и подгоняет одежду так, чтобы она сидела превосходно. Эвелин велела ему сделать пиджак посвободнее, потому что я быстро расту. Пока мы ждали, когда мастер закончит свою работу, Эвелин любезно купила мне шоколадный эклер в «Grande Épicerie» на первом этаже; это огромный фудкорт, который тянется на целые мили. Потом мы гуляли по набережной реки Сены. Мне казалось, будто я попал в знаменитую картину мсье Сера. После того, как мы забрали одежду и вернулись домой, я побежал в свою комнату, чтобы разучивать музыкальные упражнения для мсье Ивана, ведь мое обучение начнется завтра.

12

– Бо Деплеси! Заходи, пожалуйста. – Мсье Иван поднял худую руку и поманил меня в маленький учебный класс.

Хотя фасад консерватории был очень величественным, учебные классы оставляли желать лучшего. Облезлые обои были покрыты красным фетром для поглощения звука, и воздух был довольно затхлым. Впрочем, меня это не смущало.

– Разреши похвалить тебя за славную фамилию, о которой я узнал после нашей предыдущей встречи. – Мсье Иван провел пальцами по костлявому подбородку. – Весьма необычно.

Я наклонил голову.

– Ах, да! Мальчик, который не разговаривает. Ладно, я не буду тратить время на болтовню, *petit monsieur*. Давай приступим.

Я пошел открывать скрипичный футляр.

– *Non!* Нужно, чтобы инструмент акклиматизировался к помещению. В январе на парижских улицах очень свежо, и он должен согреться. Кстати об этом: смотри и повторяй за мной.

Мсье Иван поднял левую руку и растопырил пальцы.

– Раз, два, сжали! – Он быстро сжал кулак, и я последовал его примеру. – Мы должны повторить это пять раз, обеими руками.

После этого мсье Иван велел положить руки на стол. Потом он предложил мне поднимать каждый палец так высоко, как только можно, и удерживать в таком положении на счет «раз-два». Он явно почувствовал мое замешательство,

поскольку это упражнение отсутствовало на уроках с папой.

– *Petit monsieur*, тебе не кажется, что бегун должен проводить разминку перед стартом? Когда мы готовимся к игре, то проявляем уважение к инструменту.

Я кивнул. Лишь через несколько минут разминки для пальцев и запястий мне позволили достать скрипку из футляра.

– Теперь повторяй за мной, пожалуйста, – сказал мсье Иван. Я копировал его трели и этюды, прежде чем мы перешли к гаммам и арпеджио. – Очень хорошо, маленький Бо. Я заметил, что твоя техника улучшилась после нашей первой встречи. Ты занимался?

Я снова кивнул.

– Весьма многообещающе. Эта черта иногда помогает музыканту среднего уровня подняться к величию. Как твой наставник, я буду учить тебя сложным струнным техникам, таким как *вибрато*, мастерство владения смычком и гармонические серии. Я постараюсь скорректировать проблемы твоей техники и буду поощрять тебя к расширению границ музыкальной интерпретации. Ты готов к этому?

Я был более чем готов. В сущности, складывалось впечатление, что сам Бог предложил показать мне врата Царствия Небесного.

Остаток урока был очень утомительным. Мне удавалось сыграть не более нескольких нот, когда мсье Иван останавливал меня и делал замечания насчет аппликатуры, моей осан-

ки или понимания музыки. Это был вихрь увещеваний и наставлений, так что я начал задаваться вопросом, зачем я вообще взял в руки скрипку. Когда мне уже хотелось плакать, мсье Иван объявил, что наш первый урок окончен.

– Для первого раза достаточно, мсье Бо.

Я убрал подбородок со скрипичного грифа и бессильно опустил руки со скрипкой и смычком.

– Устал, да? Не беспокойся, это нормально. У тебя раньше не было надлежащих тренировок. Многие наши уроки будут не менее трудными, как для твоего тела, так и для разума. Но обещаю, что с каждым следующим разом будет легче. Увидимся в пятницу, а тем временем прошу тебя научиться расслаблять плечи. Каждый раз, когда я останавливал твое исполнение, твоя поза становилась все более жесткой. Это нехорошо.

«Как мне научиться этому?» – написал я.

– Хороший вопрос. Ты должен попробовать найти «священное место» в своем сознании. Можешь представить момент из своей жизни, когда ты ощущал совершенный покой. Это твоя задача на следующие несколько дней. До пятницы и... спасибо, *petit monsieur*.

Я убрал скрипку в футляр и вышел из класса мсье Ивана. Большинство людей не могли определить, в каком состоянии – радостном или расстроенном, – находится молчаливый мальчик, но Эвелин заметила, что что-то не так.

– Сегодня был трудный урок, дорогой?

Я посмотрел на свои ботинки.

– Ты должен помнить, что мсье Иван не привык наставлять таких юных учеников. Консерватория – это место для студентов, где они занимаются много часов каждый день. Пока я ждала тебя в приемной, то видела студентов вдвое старше тебя, которые приходили и уходили. Сомневаюсь, что он обращается с тобой как-то иначе, чем с ними. – Я посмотрел на Эвелин и улыбнулся. – Должно быть, в свои десять лет ты являешься самым юным учеником консерватории, *chéri*. Это более чем выдающееся достижение.

В течение следующих недель я работал в бешеном темпе. По вечерам я приходил в коттедж Эвелин, где играл гаммы, показывал ей мою осанку и исполнял «Венеру» из «Планет» Холста¹². Бедная женщина, должно быть, сто раз слышала эту композицию, но она каждый вечер аплодировала и говорила, что ей нравится больше, чем в прошлый раз. В те дни, когда я не уезжал в консерваторию, я проводил время в мастерской мсье Ландовски. Мсье Бройли находился далеко, на пути в Рио, и я фактически стал новым ассистентом скульптора, который подавал инструменты, варил кофе и слушал восторженные восклицания или раздосадованные выкрики, когда мсье Ландовски работал над своими заказами. В качестве награды мне было дозволено брать книги из его личной библиотеки. Он удостоил меня этой чести однажды вечером

¹² Густав Холст (1874–1934) – английский композитор. Оркестровая сюита «Планеты» – его наиболее известное произведение. (Прим. пер.)

после ужина, когда заметил мой жадный взгляд, устремленный на одну из книжных полок. В результате я стал поглощать тома Флобера, Пруста и Мопассана. После того, как я вернул на место третью книгу за неделю, мсье Ландовски вытаращил глаза.

– Боже мой, мальчик, с такой скоростью чтения мне придется купить целую *Bibliothèque de la Sorbonne*! – Я ответил широкой улыбкой. – Должен признаться, я почти не встречал молодых людей с такой страстью к литературе. Ты разумен не по годам. Ты уверен, что не был сорокалетним странником, обнаружившим фонтан вечной юности?

Мои уроки в консерватории с мсье Иваном продолжались своим чередом, и с каждым разом я все больше привыкал к его манерам.

– Расслабь плечи, *petit monsieur*! Отправься в свое священное место! – Признаться, мне было еще трудно справляться с этим. – Каждый раз, когда я делаю тебе замечание, ты становишь напряженным. Но это уроки, маленький Бо, и ты здесь для того, чтобы учиться!

Ирония заключалась в том, что мсье Иван убеждал меня расслабиться, повышая голос и потрясая руками. Если бы я решился подать голос, то, наверное, закричал бы от досады. Вместо этого я стискивал зубы и продолжал играть. Хотя я раздражался, но определенно не таил обиду на своего учителя. Он не был агрессивным или злым. Он лишь страстно относился к своему ремеслу и хотел, чтобы мое мастерство

улучшалось. Мое собственное раздражение тоже происходило от стремления к совершенству. Каждый вечер я доводил себя до седьмого пота, пока разучивал все, что узнавал от мсье Ивана. Я исходил из того, что благодаря моему упорному труду его критика постепенно сойдет на нет.

Через несколько недель мсье Иван разрешил мне без перерывов исполнить сольную партию.

– Хорошо, Бо. Твое *легато* стало лучше. Это прогресс.

Я слегка поклонился.

– Итак, поскольку я не думаю, что ты сможешь сделать это самостоятельно, давай составим список вещей, которые радуют тебя. Потом, когда ты будешь обижаться на мои замечания, сразу думай об этих вещах, и напряжение исчезнет. Садись. Пожалуйста. – Он указал на табурет, стоявший у стола рядом с его стулом. – Молодой человек, у тебя такой вид, как будто ты держишь весь мир у себя на плечах.

Я замер, ошеломленный подозрением, что мсье Иван каким-то образом узнал мое настоящее имя. Он уже определил, что мы с ним происходили из одной части света. Что еще он мог узнать? У меня свело живот, когда я подумал о последствиях.

– Это нехорошо, Бо. Даже великий скрипач не в состоянии играть, когда на него давит такая тяжесть. Поэтому мы вместе попробуем снять этот груз.

Я понял, что его аналогия была обычной случайностью, и мое сердце забилося медленнее. Я опустился рядом с ним и

достал писчую бумагу.

– Хорошо, давай составим наш «список радостей».

Мое перо застыло над бумагой, и мсье Иван усмехнулся.

– Ладно, начнем с меня, – сказал он. – Что меня радует?
Ах, да... «Хорошая водка», – написал он. – Вот так, теперь твоя очередь.

Я продолжал колебаться.

– У тебя есть друзья, *petit monsieur*?

«Ландовски», – написал я.

– Да, а кроме членов семьи?

«Я не хожу в школу и не встречаюсь с другими детьми».

– Хм-мм, дельное замечание. Когда я мысленно возвращаюсь к тому, что меня радовало в десятилетнем возрасте, то думаю о своих школьных друзьях. Мы целыми часами безобразничали на московских улицах. – Мсье Иван сложил руки на груди своего жилета и откинулся на спинку стула. – Мы играли в снежки и строили снежные крепости. Но сейчас у тебя нет такой возможности.

«Скрипка, книги», – написал я.

– Да, это замечательные вещи, но они способствуют уединению. Когда я предлагаю тебе отправиться в «священное место», они не помогают. Тебе нужны *впечатления*, молодой человек. Посмотрим, смогу ли я устроить так, чтобы ты проводил какое-то время со сверстниками. Мой бывший ученик несколько раз в неделю посещает сиротский приют «*Apprentis d'Auteuil*» и играет для детей на скрипке. Я свя-

жусь с ним и спрошу, можешь ли ты присутствовать на этих мероприятиях в те дни, когда ты приезжаешь в Париж. – Он заметил мой перепуганный взгляд. – Не надо так пугаться, *petit monsieur*! Чего ты боишься? Что тебя самого отправят в сиротский приют?

Я энергично закивал, и мсье Иван рассмеялся.

– Можешь не волноваться на этот счет, молодой человек. Я часто беседую с мсье Ландовски и знаю, как он ценит твое присутствие в своем доме. Ну как, договорились? – Я упрямо покачал головой. – Ба! Можешь поверить мне на слово: жизнь происходит в общении с другими людьми, и нет худшего наказания, чем одиночество. Я действую в твоих интересах.

Я смотрел в окно, но мсье Иван продолжал:

– Кроме того, эти молодые люди остались без родителей и рано познакомились с жизненными тяготами, как и ты. Я считаю, что тебе будет полезно проводить время с ними. – Когда я не отреагировал, он вздохнул. – Ну, хорошо. Если ты согласишься, я обещаю воздерживаться от критики в течение целого урока, и ты сможешь играть все, что захочешь. Это редкая возможность. Со старшекурсниками я не позволяю себе идти на такие послабления. Ты согласен?

Я чувствовал, что отказ от его предложения невозможен, и молча пожал протянутую руку.

– Превосходно. Я позвоню мсье Ландовски и получу его разрешение, потом свяжусь со своим бывшим учеником.

Merci, petit monsieur. Увидимся во вторник.

13

– Боже мой, мальчик! Даже не говоря об остальном, эти визиты только усилят твою благодарность мсье и мадам Ландовски.

Эвелин не ошиблась в своей оценке сиротского приюта «*Apprentis d'Auteuil*». Он имел поистине готический вид с прогнившими оконными рамами и замшелой кирпичной кладкой. У железных ворот нас встретила высокая, костлявая женщина по имени мадам Ганьон, которая впустила нас внутрь и провела по бетонному переднему двору.

– Я оказываю эту услугу лишь по просьбе молодого мсье Будена. На самом деле у нас нет времени следить за дополнительным ребенком. Известно ли вам, мадам, сколько сирот у нас собралось после великой войны? У меня не осталось даже квадратного дюйма свободного места.

– Мадам Ганьон, я знаю, что мсье Ландовски и мсье Иван чрезвычайно благодарны вам за то, что вы разрешили Бо проводить немного времени вместе с этими детьми.

– Не знаю, что хорошего это может дать мальчику. Он не говорит, поэтому я не смогу понять, какую пользу ему принесет наша игровая площадка.

– Мадам Ганьон, мсье Ландовски просил передать, что он собирается внести вклад в содержание приюта.

– Пусть будет так, мадам, если это очистит его душу. Многие парижане, страдающие от угрызений совести, делают пожертвования, которые пока что позволяют нам держать двери открытыми и кормить детей. Если бы мсье Ландовски действительно хотел внести вклад, он счел бы уместным обеспечить некоторых детей любящими приемными родителями.

При этих словах Эвелин сердито нахмурилась и указала на меня. Мадам Ганьон приподняла брови.

– Ну что ж, детям пора выходить на свежий воздух. Они пробудут здесь только час, так что я прошу вас вернуться вовремя, мадам Эвелин. После отдыха и игр я выведу мальчика за ворота, и он больше не будет у меня на попечении.

– Понимаю, мадам Ганьон, – сказала Эвелин.

Костлявая женщина повернулась на каблуках и вошла в приют. Массивная деревянная дверь захлопнулась со стуком, от которого по двору раскатилось гулкое эхо.

– Бог ты мой! Не мне судить эту женщину, Бо; у нее трудная работа, но мне кажется, что у нее в жилах течет не кровь, а раскаленная лава. Все же я верю, что дети, за которыми она ухаживает, окажутся приветливее. Помни, я отлучусь только на час. Постарайся интересно провести это время, *cheri*. Хочешь, я возьму это?

Эвелин взялась за футляр со скрипкой, который был у меня в руках после недавнего урока с мсье Иваном. Я рефлексивно вцепился в него. Это была моя самая большая цен-

ность, и мне пришлось бороться с мыслью, что Эвелин хочет отобрать ее у меня.

– Хорошо, Бо. Можешь оставить скрипку при себе, если хочешь.

Двери «*Apprentis d'Auteuil*» снова распахнулись, и дети высыпали на передний двор.

– Ну и ну. – Эвелин покачала головой. – В некоторых зимних пальто больше дырок, чем в швейцарском сыре. Удачи тебе, маленький Бо. Скоро увидимся, – добавила она и вышла через железные ворота.

Я часто гадал, что чувствовали древние рабы, когда ждали выхода на арену многолюдного римского Колизея, где им предстояло встретиться со львами. Теперь я знал.

Разница в возрасте поразила меня. Некоторых обитателей приюта едва ли можно было назвать детьми, в то время как другие были не более двух-трех лет от роду, и их выводили за руку. Передний двор быстро заполнился людьми, и на меня стали бросать подозрительные взгляды. Некоторые дети доставали мелки из карманов и начинали рисовать квадраты на земле. Другие перебрасывались старыми резиновыми мячами. Я просто стоял посреди этой бурной деятельности и оглядывался по сторонам, не представляя, что делать дальше.

По правде говоря, я никогда не ходил в школу, поэтому не привык к общению с другими детьми. Разумеется, кроме одного человека: мальчика, который был моим лучшим дру-

гом, которого я любил как брата... мальчика, от которого я сбежал. Это из-за *него* я исчез за снегопадом в худший день моей жизни. По моей спине пробежал холодок, когда я подумал о возможных последствиях нашей следующей встречи. Он поклялся убить меня, и, судя по его суровому взгляду тем ужасным утром, у меня не было причин сомневаться в этом.

– Кто ты такой? – Мальчик с угловатым лицом, в поношенной вязаной шапке остановился передо мной.

Я достал бумагу из кармана и начал писать.

– Что ты делаешь? – осведомился другой мальчик с густыми темными бровями. – Он задал тебе вопрос.

«Привет. Меня зовут Бо, и я не могу говорить». – Я развернул листок перед собой.

Мальчишки прищурились. До меня вдруг дошло, что я был самонадеянным в своем предположении, что все вокруг умеют читать.

– Что там написано, Морис? – спросил мальчик в шапке.

– Там написано, что он не может говорить.

– Какой тогда толк от него? На что ты годен? – Я отчего-то почувствовал, что этот вопрос не имеет отношения к жизненной философии моего соотечественника Достоевского. – Отчего умерли твои родители?

«Я всего лишь посетитель», – написал я.

– Не понимаю. Зачем ты решил посетить эту помойку?

«Хочу с кем-нибудь подружиться», – добавил я.

Мальчишки рассмеялись.

– Подружиться? Ты что, клоун из цирка? А это что такое?

Тот, которого звали Морис, схватил мой скрипичный футляр. Меня захлестнула волна паники. Я энергично затряс головой и умоляюще сложил руки.

– Скрипка, да? Зачем ты принес ее сюда? Кем ты себя возомнил – этим щеголем Буденом?

– Похоже на то, Жандрет. Только посмотри на его одежду. Похоже, он считает себя модным мальчиком, а?

– Думаешь, это смешно? Пришел сюда посмеяться над теми, у кого ничего нет?

Я продолжал качать головой и опустил на колени в надежде, что они поймут мое отчаяние.

– Притворство тебе не поможет! Давай-ка посмотрим, что тут внутри.

Жандрет стал открывать футляр. Мне как никогда сильно захотелось закричать на них, испугать или попросить вернуть мою скрипку. Но я знал, что не могу привлекать к себе внимание.

– Дай сюда, слабак. – Морис вырвал футляр из рук Жандрета и стал дергать застёжки, пытаясь оторвать их. Вскоре ему это удалось, и он бросил металлические пряжки на пол. Потом Жандрет жадно распахнул футляр и извлек мой драгоценный инструмент своими грязными короткопалыми руками.

– Только посмотри на это! Еще красивее, чем у Будена. Как думаешь, Жандрет, попробуем продать ее?

– А ты знаешь того, кто может хорошо заплатить за такую штуку и не сообщить в жандармерию о торговле краденными вещами?

– Да, ты прав. Сдается мне, это хорошая возможность задать небольшой урок нашему *мсье моднику*.

Жандрет поднял скрипку над головой. Я закрыл глаза и приготовился услышать треск дерева, ломающегося о бетон. К моему удивлению, звука не последовало.

– Что ты тут творишь, гнусный крысеныш?

Я открыл глаза и увидел светловолосую девушку, схватившую Жандрета за руку.

– Ой! – крикнул он. – Отвяжись от меня! – Но девушка лишь усилила хватку. – Ох!

– Ты вернешь ему инструмент, Жандрет, а не то я скажу мадам Ганьон, что вы двое вскрыли кладовку и украли бисквиты.

– У тебя нет доказательств, ябеда!

– Думаю, крошек под твоей кроватью будет достаточно, Морис. – Девушка указала на дверь, где мадам Ганьон курила сигарету и наблюдала за младшими детьми. – Если я сейчас побегу к ней и расскажу, она тут же проверит, и ты знаешь об этом.

Морис и Жандрет обменялись взглядами.

– Зачем тебе этот червяк? Разве ты не видишь, как он богато наряжен? У него водятся деньги, и он пришел сюда позиздеваться над нами.

– Не все на свете хотят унижить тебя, Морис. Жандрет, отдай ему скрипку.

Жандрет помедлил, и девушка закатила глаза.

– Ладно, как хочешь. – Она повернулась к зданию и повысила голос: – Мадам...

– Ладно, ладно, – вмешался Жандрет. – Вот. – Он вырвал руку из ее хватки и вручил мне скрипку. – Тебе всегда нужны девчонки, чтобы постоять за себя? – прошипел он.

– Довольно! – сказала моя спасительница. – Бегите отсюда, глупцы.

Морис и Жандрет неохотно отступили, но последний лягнул сломанный футляр от моей скрипки, отлетевший в сторону. Девушка пошла за футляром и вернула его мне. Я сидел на земле и баюкал скрипку, словно больного щенка.

– Извиняюсь за них. Я бы не стала принимать это близко к сердцу, они гадко ведут себя со всеми. Давай я помогу тебе.

Она стала собирать бумажки, которые разлетелись в стороны, пока я препирался с мальчишками. Потом посмотрела на верхний листок.

– Ты не можешь говорить? – Я покачал головой. – Боже, а я удивилась, почему ты не кричал. Как тебя зовут?

Я быстро перебрал листки и нашел нужный.

– Бо?

Я кивнул, и девушка залилась смехом. Звук был таким приятным, что мне показалось, будто мое сердце вот-вот остановится.

– Мне нравится твое имя, Бо. Зачем ты носишь скрипку?
Я пожал плечами и невольно улыбнулся. Потом достал ручку из кармана и начал писать.

«Как тебя зовут?»

– Да, извини. Меня зовут Элле. Рада познакомиться, Бо.

* * *

20 марта 1929 года

Мсье Иван настоял на том, чтобы я присоединился к играм в сиротском приюте «Apprentis d'Auteuil» и получил ценный опыт восприятия от общения с другими детьми. Он думает, что если я заведу друзей, то мировое бремя будет снято с моих плеч и я стану лучшим скрипачом. Я уважаю его волю, и в последние несколько дней я ездил туда на ланч по вторникам и на вечерние прогулки по пятницам. Я благодарен за новые переживания и понимаю, как мне повезло попасть в щедрую семью Ландовски. Многие дети из приюта потеряли родителей во время Великой Войны. По правде говоря, мне довольно трудно знакомиться с другими людьми. Я не могу крикнуть, чтобы мне кинули мяч, или распевать стишки во время игры в классики. Тем не менее я решительно настроен стать скрипачом-виртуозом, поэтому буду продолжать. В «Apprentis d'Auteuil» я познакомился с девушкой, которая мне очень понравилась. Ее зовут Элле, и ей все рав-

но, что я не могу говорить. Она гораздо больше интересуется музыкой и несколько раз просила меня поиграть на скрипке. Признаюсь, я еще не набрался храбрости для этого, но не из страха перед другими детьми (хотя, по моему опыту, это обоснованное беспокойство). Я так боюсь разочаровать ее, что замираю от тревоги. Ее золотистые волосы и голубые глаза наводят меня на размышления об ангелах, а мысль об исчезновении ангела невыносима для меня.

Я отложил ручку. Записывать свои чувства в *официальном* дневнике едва ли было уместно, если супруги Ландовски решат ознакомиться с его содержанием. Поэтому я перешел на тайные страницы, которые вы читаете сейчас. Если еще не ясно, то ужасы «*Apprentis d'Auteuil*» меркли перед возможностью проводить два часа в неделю в обществе Элле Лепэн.

За краткое время нашего знакомства я узнал, что она немного играет на скрипке и флейте. Инструменты принадлежали родителям Элле и остались единственным напоминанием о них. Ее родители погибли во время войны. Отец Элле сгинул в траншеях, а мать умерла во время вспышки испанки в 1918 году. Сейчас ей двенадцать лет, и она не помнит своих родителей. Наверное, тяжелее всего мне было узнать, что у Элле был младший брат, которому исполнилось лишь несколько недель, когда умерла ее мать. Приют смог организовать его быстрое усыновление, поскольку тогда существовал высокий спрос от семей, потерявших во

время войны собственных детей. А Элле не повезло: она уже одиннадцать лет жила в «*Apprentis d'Auteuil*».

Когда я находился рядом с ней, то не мог думать ни о чем другом. В такие моменты я не размышлял о своем прошлом, о пережитой боли и страданиях. В этом смысле она была похожа на музыку, переносившую меня в иные миры. Боже мой, кем я себя возомнил – лордом Байроном?

По правде говоря, его поэзия тяжеловата для меня. Но теперь она вполне соответствует моим душевным устремлениям. Стыдно сказать, но после знакомства с Элле меня мало волнует все остальное. Мои вечерние визиты к мадам Эвелин отошли на второй план, как и книги, которые я беру у мсье Ландовски. Даже скрипичные уроки с мсье Иваном теперь приобрели второстепенное значение. Мои поездки в Париж дважды в неделю теперь полны не восторгами от уроков в консерватории, но предвкушением от встреч с моей новой подругой.

Мне известно об эффектах «любви» и о том, что она может сотворить с человеческим разумом. Из литературных сочинений я узнал, что даже самый устойчивый мозг может лишиться всякой логики и рассудка. Но, несмотря на это знание, мне все равно.

Элле сказала, что она дважды прочитала все книги из приютской библиотеки. Поэтому я стал приносить ей романы из собрания мсье Ландовски. Если это не свидетельствует о временной утрате здравомыслия, то не знаю, что и сказать.

Книги не принадлежали мне, чтобы одалживать их, и мне страшно подумать, что скажет мсье Ландовски, если узнает о моей проделке. Но я не могу остановиться; желание угодить Элле превосходит любые возможные последствия моих поступков. Когда она заканчивает книгу, мы совместно обсуждаем прочитанное (я пользуюсь словом «обсуждение» в вольном смысле: она говорит, а я пишу). Поразительно, но она часто знает, что я хочу сказать, прежде чем мое перо прикасается к бумаге.

Завтра вторник, и я надеюсь, что Элле закончит читать «Призрак Оперы». Я краснею, когда думаю об этом, поскольку в романе идет речь об одаренном музыканте, который пытается завоевать сердце прекрасной и недостижимой женщины своими талантами. Мне нравится думать, что у меня есть существенное преимущество, поскольку мое лицо не обезображено, как у Призрака. Хотя должен признать, что, если я хочу произвести впечатление на Элле, мне придется наглядно продемонстрировать ей свое музыкальное мастерство.

Я убрал дневник и забрался в постель. В тот вечер я исполнил для Эвелин особенно трудный набор арпеджио; я играл с закрытыми глазами и представлял нежное лицо Элле. Я перевернулся на живот и снова ощутил режущую боль в груди. Мысль о том, что я все чаще стал забывать о заветном кошельке, висевшем на шее, начинала тревожить меня. Дни сменялись неделями, и становилось все проще забывать, кто я такой и почему нахожусь здесь.

По пятницам мне разрешали заходить в «*Apprentis d'Auteuil*» и отправляться в общую залу на втором этаже вместе с другими детьми. Мы с Элле устраивались на скамье у окна и смотрели вниз, на улицу Жана де Лафонтена.

– Не могу поверить, что Кристина была по-настоящему счастлива с Раулем! – Элле имела в виду роман Гастона Леру. – Музыка – ее страсть, и только Призрак понимает это. А Рауль – просто зануда. Он всего лишь... богатый и симпатичный.

«Но Призрак – убийца!» – написал я в ответ.

Элле рассмеялась.

– Тут ты прав, Бо!

«Кого бы ты выбрала?»

Она смотрела на меня, и ее голубые глаза как будто проникали мне в душу.

– Хм-мм, – задумчиво протянула она. – Богатый зануда или интригующий убийца? Может быть, это прозвучит безумно, но я бы попытала удачу с Призраком. Полагаю, лучше короткая и страстная жизнь, чем долгая и скучная.

«Ты очень умная».

– Нет. Думаю, ты перепутал меня с собой, Бо: это ты очень умный. Ты не разговариваешь, но можешь в одном предложении передать то, что я бы объясняла целыми часами.

«Это необходимость».

– Правда? – Она улыбнулась и выглянула в окно. – Иногда кажется, будто ты хочешь заговорить.

Мой живот завязался в узлы. Слова уже готовы были сорваться с моих губ, когда она спросила:

– Почему ты до сих пор не играл для меня на скрипке, Бо? Обещаю, что Морис и Жандрет больше не посмеют приставать к тебе.

«Ты тоже не играла для меня...»

– Я всего лишь любительница и самоучка, которая упражнялась по книгам. По правде говоря, я даже не знаю, есть ли у меня какие-то способности! Мне было бы стыдно играть перед тобой, ведь ты ученик мсье Ивана!

«Я еще не достиг совершенства», – написал я.

– Никто не может достичь совершенства, но тебе дают уроки в Парижской консерватории. Я не знаю никого из наших сверстников, кому удалось бы поступить туда. Сама мечтаю однажды попасть в консерваторию, но... – Она обвела рукой комнату. – Как я смогу найти деньги на обучение?

Элле опустила голову, и в тот момент я почувствовал, что мое сердце разрывается пополам.

«Однажды ты сделаешь это».

– Спасибо, но сомневаюсь, что это возможно. Я даже не представляю, что будет, когда меня выпустят отсюда, не говоря уже о приеме в консерваторию.

В глазах Элле заблестели слезы. Мне как никогда сильно

хотелось заговорить и утешить ее, заверить в том, что я – живое доказательство безграничных возможностей. Но я воспротивился этому желанию.

У меня появилась идея.

Я быстро развязал веревочки, которые удерживали мою скрипку в сломанном футляре, и поднес инструмент к подбородку. Потом взял смычок, закрыл глаза и заиграл бетховенскую «Сонату № 9». Я играл для Элле и ощущал, как мое исполнение совершенствуется, как повышается значение каждой ноты. Когда я оторвал смычок от струн, то осмелился открыть глаза, чтобы увидеть ее реакцию.

Элле смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Она больше не плакала.

– Бо... это было невероятно. Я знаю, что твой талант убедил самого мсье Ивана, но все-таки...

Я опустил голову. Адреналин курсировал по моим жилам, и понимание того, что мое исполнение возымело желаемый эффект, наполняло меня восторгом. Внезапно до меня дошло, что моя аудитория далеко не ограничивалась Элле. Я медленно повернулся и увидел целое море потрясенных лиц, обращенных ко мне. Брови мадам Ганьон, стоявшей у дальней стены, взлетели так высоко, что, кажется, могли оторвать ее от пола. К моему изумлению, она медленно вскинула руки и зааплодировала. Остальные понемногу присоединились к ней, и вскоре я услышал настоящие овации. Даже Морис и Жандрет, хотя они и не хлопали, удивленно таращились на

меня. Должно быть, Элле поняла мое смущение, поскольку она взяла меня за руку, и это был едва ли не самый сладостный момент в моей жизни.

Аплодисменты стихли, и мадам Ганьон решила похвалить меня:

– Bravo. Несмотря на свой возраст, похоже, ты заставил бы мсье Будена побегать за деньгами.

– Видишь, – прошептала Элле, – ты отлично справился. – Она поцеловала меня в щеку. – Спасибо тебе, Бо.

Я моментально залился краской и попытался скрыть замешательство, убирая скрипку в футляр.

«Когда я услышу твою музыку?» – написал я.

– Думаешь, мне захочется играть после *этого*? Это все равно что новорожденный младенец, читающий Шекспира.

«Я был бы очень рад».

Элле спрятала улыбку в ладонях.

– Ах! Ну, ладно. Я потренируюсь в выходные и буду готова, когда ты придешь в следующий вторник. По крайней мере, ты сможешь посоветовать мне что-нибудь дельное.

Когда Эвелин вернулась за мной, мадам Ганьон проводила меня до ворот и рассказала о случившемся.

– У него большой талант, и мы рады видеть его здесь.

В автобусе по дороге домой Эвелин ощутила мое восторженное настроение.

– Не могу поверить, что ты играл для детей! Это фантастическая новость, Бо. Я знаю, как обрадуется мсье Ландов-

ски, когда узнает о твоей растущей уверенности.

Разумеется, Эвелин не могла знать, что мое исполнение предназначалось не для детей, а только для одной девочки, которая быстро меняла направление моей жизни.

Во вторник, когда я вернулся в «*Apprentis d'Auteuil*», Элле взяла меня под руку и велела следовать за ней. Мы пересекли передний двор; к моему удивлению, мадам Ганьон открыла дверь и разрешила нам войти.

– Она разрешила мне играть одной в общей комнате. Мне слишком неудобно устраивать представление для всех, как недавно сделал ты.

Мы быстро прошли по коридорам. Элле тащила меня с такой силой, что мне приходилось бежать трусцой, чтобы поспевать за ней. Когда мы пришли, я устроился на одном из старых стульев, где кожаная обивка протерлась до металла. Элле достала и быстро собрала свою флейту.

– Я решила, что буду играть Дебюсси, «Полуденный отдых фавна». Пожалуйста, не надо слишком резко критиковать мои способности, у меня никогда не было профессионального учителя.

Мне не верилось, что самое прекрасное человеческое существо на свете собиралось устроить личный концерт для меня.

– Я начинаю. – Она поднесла флейту к губам и сделала глубокий вдох.

Мне стало ясно, что она была одаренной исполнительни-

цей. Но самым удивительным было то, что Элле научилась играть по книгам. Наверное, мне бы такое не удалось. И ее причина для выбора инструмента была благороднее моей. Это было данью уважения к ее потерянным родителям, способом связаться с ними, хотя их больше не было рядом.

Я закрыл глаза. Резонанс зала в старинном здании гарантировал приятное звучание. Тем не менее я заставил своего внутреннего «музыкального критика» оценивать технические особенности исполнения Элле, как она и просила. Я отметил ее неровное дыхание и поспешную игру, а потом взялся за перо.

«Расслабься». – Я показал ей записку.

Она прочитала мое сообщение и убрала флейту ото рта.

«Помни, я всего лишь десятилетний мальчишка!» – добавил я.

К моему восторгу, она рассмеялась и кивнула. Потом снова набрала побольше воздуха и заиграла фрагмент с самого начала. На этот раз ноты зазвучали без резкого *стаккато*, и я вдруг понял ценность перемещения в «священное место», описанное мсье Иваном. Когда она закончила, я встал и зааплодировал.

– Прекрати. Да, это было получше, но ты прав: в первый раз вышло ужасно. – Я покачал головой. – Не нужно быть снисходительным ко мне. Просто я очень нервничала, когда играла перед тобой, Бо. С прошлой встречи я только и думала о том, как бы произвести впечатление на тебя.

«Тебе удалось!» – Втайне я был чрезвычайно рад, что мое мнение многое значило для Элле.

– А теперь я поиграю на скрипке. Мне кажется, тут у меня получается не так хорошо, как на флейте.

Элле подняла инструмент к подбородку и заиграла «Дон Кихота» Штрауса. Ее оценка была правильной: на флейте она играла лучше, но демонстрировала обнадеживающий талант и на скрипке. Когда она закончила, я зааплодировал так же бурно, как и раньше.

«Не могу поверить, что ты самоучка».

– Спасибо. Мне самой иногда трудно поверить в это. Наверное, от одиночества. Но все равно скажи, что ты думаешь, Бо? Как мне учиться дальше?

«Флейта – не мой инструмент, но я постараюсь давать общие советы». – Я добавил список основных приемов, которым научился на занятиях с мсье Иваном.

– Боже мой, спасибо тебе. – Она внимательно изучила список. – Я постараюсь применить все это на практике. Здесь ты написал: *«тренируй положение смычка»*. Можешь показать, что это значит?

Я подошел к Элле и забрал ее смычок. Потом встал у нее за спиной, взял ее за правую руку и аккуратно вытянул вперед, повернув ладонь в ее сторону. Потом я протянул смычок и совместил его с ее пальцами.

– Так? – спросила Элле.

Я кивнул, согнул ее большой палец и убедился в том, что

он достаточно плотно прилегает к дереву. Затем я поместил ее средний палец прямо напротив, чтобы сустав только прикасался к смычку. Разумеется, скрипка была гораздо крупнее, чем полагалось для музыканта ее возраста (инструмент принадлежал ее матери), поэтому моя корректировка должна была казаться Элле вдвойне непривычной.

– Господи, я не понимала, насколько я ошибалась!

Я повернулся лицом к Элле и продолжил укладывать ее пальцы в положение, накрепко вбитое в меня уроками мсье Ивана. При этом я встретился с ее взглядом. Она смотрела на меня со странным выражением, как будто хотела, чтобы я что-то сделал, но не говорила, что именно. Я ответил вопросительным взглядом, и она захихикала, а потом наклонилась вперед и поцеловала меня. Ее мягкие губы прижались к моим, и мой мир изменился навсегда.

– Вижу, вы закончили музыкальный урок.

По моей спине пробежал холодок, когда я повернулся и увидел фигуру мадам Ганьон, маячившую в дверном проеме. Элле моментально принялась укладывать свою скрипку в футляр и разбирать флейту. Потом она побежала к двери.

– Я уберу инструменты в спальню, мадам Ганьон.

Мадам Ганьон выразительно изогнула бровь, но позволила Элле проскользнуть мимо нее в коридор. Мы остались в зале вдвоем, и мадам Ганьон окинула меня взглядом, который мог бы остановить скачущую лошадь. Мне вдруг стало очень стыдно. Элле получила особое разрешение играть для

меня вдали от глаз других детей, и теперь создавалось впечатление, что я злоупотребил снисходительностью мадам Ганьон. Я поспешно достал ручку и начал писать извинения.

– Не пиши, просто сядь. – Мадам Ганьон указала на стул.

Я не сомневался, что она запретит мне приезжать в сиротский приют; разумеется, это означало, что я больше не смогу встречаться с Элле. Мой мир в считанные секунды начал разваливаться на части, и моя надежда превратилась в отчаяние. Я опустил на стул. К моему удивлению, мадам Ганьон закрыла дверь и уселась напротив меня. Должно быть, она заметила ужас в моих глазах, потому что неожиданно заговорила сочувственным тоном:

– Она не на шутку увлеклась тобой, юный мсье. Надеюсь, тебе известно, как хрупки девичьи сердца. Ты должен очень деликатно относиться к ней. – Я кивнул. – Не стоит и говорить, что если я снова увижу нечто... такое, то без колебаний угощу тебя палкой. Ты хорошо меня понял?

«Да, мадам Ганьон».

– Отлично. Теперь я хочу кое-что обсудить. Я проработала в «*Apprentis d'Auteuil*» последние двадцать лет и видела сотни детей, проходивших через двери приюта. Моей первоочередной задачей всегда были поиски новых домов и приемных семей для моих подопечных, как можно быстрее, но только не ценой их благополучия. – Мадам Ганьон помедлила и глубоко вздохнула. – После войны мы столкнулись с чрезвычайно тяжелым периодом, с отсутствием средств и

множеством осиротевших детей. Я сомневалась, что мы сможем прокормить столько голодных ртов, уже не говоря о лекарствах, одежде, постельном белье и других вещах, необходимых для ухода за детьми. Положение было очень трудным, и это означало, что иногда я была вынуждена принимать жесткие решения. Элле и ее брат появились здесь вскоре после того, как их мать умерла от воспаления легких. За месяц до этого события супружеская пара, богатые иностранцы, попросили меня сообщить, если в приют попадут новорожденные, поскольку они сами не могли зачать ребенка. Я заверила их, что так и сделаю, и обычно я была бы только рада сразу передать ребенка в любящую семью. Но... у этого малыша была старшая сестра. В нормальных обстоятельствах я бы не допустила усыновления, если бы новая семья не согласилась принять их обоих. Насколько мне известно, когда дети теряют родителей, для них особенно важно оставаться вместе. Однако, как уже было сказано, я опасалась за судьбу приюта, поэтому, к своему стыду, должна признаться, что позволила прагматизму одержать верх над моралью. Короче говоря, я не должна была разлучать Элле с ее младшим братом. С каждым годом, который она проводила в приюте, обойденная другими приемными семьями, моя вина возрастала. Конечно же, она сказала тебе, что играет на музыкальных инструментах, чтобы чувствовать связь со своими родителями?

Я кивнул.

– Возможно, ты понимаешь, как это расстраивает меня, ведь я одна виновата в том, что забрала ее младшего брата – единственную живую связь с ее прошлым.

«Кто забрал брата Элле?»

Мадам Ганьон опустила глаза.

– Думаю, ты не сомневаешься, что скрупулезная особа вроде меня хранит аккуратные записи о каждом ребенке, который попадает сюда. Но в данном случае супруги, которые забрали малыша, пожелали сохранить полную анонимность, чтобы никто не мог обнаружить, что это не их родной сын. Как уже было сказано, я находилась под огромным давлением. Кроме того, эта семья согласилась сделать значительное пожертвование в пользу приюта. Однако в результате Элле не только разлучена с ее братом, но и не имеет надежды когда-либо найти его.

«Какой национальности были эти богатые люди?» – написал я в надежде получить хоть какие-то сведения, которые мог бы передать Элле в случае необходимости.

– Я правда не помню. Так или иначе, я вкратце рассказала тебе эту историю и теперь хочу кое о чем попросить. За всю свою многолетнюю работу в приюте я не знала более нежной и чистой души, чем юная Элле Лепэн.

«Почему никто не захотел удочерить Элле?»

– Многие хотели, но каждый раз передумывали. У меня есть предположение... – Мадам Ганьон покачала головой. – Лепэны, родители Элле, бежали от ужасных погромов в Во-

сточной Европе и эмигрировали в Париж. Ты знаешь, что такое погром?

Я грустно кивнул. Мой отец часто говорил о безумии и порочности расовых предрассудков.

– Хм-мм... Не знаю, известно ли тебе, молодой человек, но ходят слухи о крепнущей в Германии партии, которая вполне может оказаться угрозой для еврейского населения. Французы знают о мощи немецкого государства после ужасов прошлого десятилетия. Думаю, поэтому потенциальные родители не хотели навлекать на себя неприятности в случае дальнейших конфликтов.

«Элле отказывали из-за ее еврейского происхождения?»

– Это предположение, но, думаю, вполне обоснованное.

«А ее брат?»

– Как я сказала, младенца увезли в другую страну и зарегистрировали под новым именем. Пожалуй, тогда в мире никто еще не думал об этом. Но в любом случае Элле по-прежнему здесь, и я чувствую огромную вину перед ней. Ты с ней знаком лишь несколько недель, но у вас, очевидно, есть много общего. Все, что воодушевляет эту девочку, облегчает мое бремя, поэтому я благодарна тебе.

Я хотел улыбнуться, но подумал, что это будет выглядеть неестественно, так как откровенность непреклонной мадам Ганьон сильно нервировала меня.

– Итак, вот моя просьба. Из разговоров с мадам Эвелин я знаю, что ты берешь уроки у мсье Ивана в Парижской кон-

серватории. Элле мечтает поступить в консерваторию. С тех пор, как она смогла удержать в руках музыкальные инструменты, она играла на них и самостоятельно училась по книгам, которые я покупала на библиотечные пожертвования. Как ты понимаешь, у меня нет никаких музыкальных способностей, но с годами я заметила, что талант Элле начал расти и расцветать. Я часто просила ее играть для мсье Будена во время его визитов, но она всегда отказывалась, опасаясь жесткой критики. Ты молодец, что убедил ее поиграть для тебя.

«Для меня это было удовольствием».

– Ты разбираешься в музыке. Скажи, у нее есть талант?

«Да, она многообещающая ученица».

На лице мадам Ганьон отразилась тень облегчения.

– Я рада, что мой музыкальный слух не настолько плох, чтобы не распознать хорошую музыку, когда я ее слышу. Ты считаешь, что она достаточно хороша для обучения в консерватории?

«Несомненно».

– Как ты можешь догадаться, ее шансы на поступление в консерваторию ничтожны, хотя бы по причине стоимости уроков. Ей понадобится полное обучение, и, насколько я понимаю, оно обойдется дороже сапфиров. – При этой аналогии у меня перехватило дыхание. – Наверное, ты понимаешь, о чем я хочу попросить, Бо. Мне интересно, сможешь ли ты убедить мсье Ивана взять Элле в ученицы?

Я напрягся. Как, ради всего святого, я могу добиться этого? Кто будет платить? Что, если Элле узнает о моей неудаче?

«Мсье Иван учит играть только на скрипке», – написал я.

– Я уверена, что он знаком с нужными людьми, которые помогут развить таланты Элле.

«А деньги?»

– Разумеется. У меня есть банковский счет, и все эти годы я была очень экономной в своих расходах. Я накопила немалую сумму на пенсию, но теперь думаю, что для моих накоплений нет лучшего применения, чем исправление того зла, которое я причинила.

Мадам Ганьон замолчала и посмотрела мне в глаза. По ее жесткой осанке и напряженной позе я ощущал, что она нервничает в ожидании моего ответа. Угрызения совести, терзавшие ее, были искренними, и спустя много лет она решила, что я могу каким-то образом спасти ее от них.

«Я попробую, мадам Ганьон».

– Отлично! Я очень довольна. Разумеется, я не скажу Элле о твоём секретном задании. Это останется между нами, пока все не устроится.

«Спасибо».

Ее облегчение было физически ощутимым.

– Я уверяю тебя, что ты получишь награду за свои усилия. А пока что во время твоих визитов тебе разрешат уединяться вместе с Элле здесь или в одном кабинетов, а не на шумном

дворе.

Я посмотрел на нее с надеждой.

– Разумеется, только ради улучшения ее музыкального мастерства. Я буду следить за вами, как ястреб с небес. – К моему удивлению, мадам Ганьон улыбнулась. – Спасибо тебе, Бо. Ты хороший мальчик.

14

– Что угнетает тебя сегодня, *petit monsieur*? – Мсье Иван всплеснул худыми руками. – За последние несколько недель твоя техника значительно улучшилась. Твои плечи движутся свободнее, и это очень хорошо. Полагаю, что общение со сверстниками пошло тебе на пользу.

Я не стал поправлять мсье Ивана и говорить, что улучшение было связано не со *сверстниками*, а со *сверстницей*.

– Сегодня ты похож на ледяную статую, такой напряженный и расстроенный. Скажи, что тебя беспокоит?

Мсье Иван не ошибся в оценке моего душевного состояния. В течение последних нескольких уроков я стал тщательно следовать его наставлениям, улыбаться его критическим замечаниями и кивать, когда он возмущался гонорами от некоторых оркестровых выступлений. И сегодня я решился задать ему вопрос об Элле. Я начал писать.

«Спасибо за предложение посещать “*Apprentis d’Auteuil*”. Это изменило мою жизнь».

Мсье Иван довольно кивнул.

– Не стоит благодарить меня, юный Бо. – Он постучал по виску указательным пальцем. – Я знаю, как выявлять лучшие качества моих учеников, независимо от возраста. Но ты не ответил на мой вопрос. Почему ты сегодня такой напряженный? Все ли хорошо в семье Ландовски?

«Да, спасибо. Мсье Ландовски и члены его семьи пребывают в хорошем настроении. Но я хочу задать вам личный вопрос».

– Ну, значит, мне надо подготовиться к испытанию. Не смущайся, молодой человек. Помни о том, что эмигранты должны помогать друг другу. Вот например... – Мсье Иван откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Возможно, этот вопрос... имеет анатомический характер? Тебе стыдно спросить об этом мсье Ландовски или мадам Эвелин? Не бойся: я хорошо помню тот период, когда был мальчиком и удивлялся определенным телесным переменам...

Я лихорадочно замахал руками и затряс головой. Это была *не та тема*, которую я собирался обсудить с мсье Иваном или с кем-либо еще:

«Речь идет о ребенке из приюта и о его музыкальном таланте», – поспешно написал я.

– О, тогда понятно. Я свяжусь с Буденом и попрошу его послушать этого мальчика. Потом он даст критический разбор и подскажет, как можно повысить шансы на поступление в консерваторию. Хорошо? Видишь, некоторые пробле-

мы нетрудно решить, так что тебе не стоило нервничать. А теперь давай снова займемся Чайковским.

«Это девочка», — дополнил я свою предыдущую запись.

— Прошу прощения, я упустил из виду пол ребенка. Просто я думал, что ты в основном проводишь время с другими мальчиками, играешь в шарики и так далее. Но не переживай, Буден послушает ее и даст оценку.

«Я хотел узнать о возможности брать ей уроки в консерватории, как это было устроено для меня».

После долгой паузы, когда мсье Иван недоуменно смотрел на меня, он рассмеялся.

— Боже мой! Кажется, я совершил ошибку, когда отправил тебя в «*Apprentis d'Auteuil*». Теперь ты стараешься протаскать в консерваторию любого мало-мальски разумного ребенка. — Мсье Иван хлопнул ладонями по коленям, продолжая смеяться. — Полагаю, ты понимаешь, что это невозможно. Консерватория предназначена для студентов, для очень углубленного изучения музыки. Не надо путать ее с детской музыкальной школой. Кроме того, есть много частных педагогов, готовых тратить время на детское пикирование и дудение. Я уверен, что смогу навести справки об учителях и найти того, кто пожелает обучать твою юную подругу. Хорошо? А теперь перейдем к Чайковскому.

«Она несколько лет училась самостоятельно. Я прослушал ее исполнение, она чрезвычайно талантлива. Думаю, ей подходит только учеба в консерватории».

– Ага, понятно. Это все меняет. – Мсье Иван сложил ладони рупором и изобразил крики глашатая: – Юный пророк объявил, что его подруге поможет только учеба в консерватории! Отменяйте ваши расписания и готовьте педагогов! Наш маленький скаут обнаружил следующего великого гения!

Я опустил голову.

– Юный Бо, я не сомневаюсь в твоих добрых намерениях, как и в твоём желании помочь подруге. Но не забывай, что ты десятилетний мальчик и приходишь сюда по особой договоренности, потому что у мсье Ландовски есть связи с мсье Рахманиновым. Увы, но без таких связей я никогда бы не согласился устроить прослушивание для тебя. По правде говоря, сначала я сделал это из вежливости, не более того. Мы продолжаем обучение лишь благодаря твоим необыкновенным способностям. В тебе есть... некая зрелость, что крайне необычно для твоего возраста. В консерватории не учат детей, и этим все сказано. А теперь, пожалуйста, приступим к Чайковскому.

«Она уникальна, потому что сама научилась играть по книгам. Я не могу представить такой мощный разум...»

Мсье Иван вырвал листок и бросил его на пол.

– Довольно! Чайковский, мальчик!

Я дрожащими руками пристроил скрипку в рабочее положение, потом взял смычок и заиграл. Прежде, чем я успел осознать это, по моему лицу заструились слезы, мое дыхание

стало прерывистым, и я наделал массу ошибок. Мсье Иван обхватил голову руками.

– Стой, Бо, прекрати! Я извиняюсь, моя реакция была чрезмерной. Прости...

Его извинения были бесполезны; шлюзы открылись, и я ничего не мог с этим поделать. Я уже очень давно не плакал с такой силой. Темными ночами во время моего странствия мое тело иногда содрогалось от спазмов плача, но я был слишком обезвожен, чтобы проливать настоящие слезы. Мсье Иван пошарил в ящиках стола и достал носовой платок.

– Возьми, он чистый, – сказал он, протягивая мне платок. – Еще раз, молодой человек, мне не следовало кричать на тебя. Ты просто хотел кому-то помочь, а такие вещи нужны в поощрении.

Он утешающе положил руку мне на плечо, но это не помогло. Я плакал и плакал. Раздраженный окрик мсье Ивана стал катализатором, высвободившим то, что было накоплено за много месяцев. Я плакал по своему отцу, по своей матери и по тому мальчику, которого я считал своим братом и который теперь желал мне смерти. Я оплакивал множество жизней, которые мог бы прожить, если бы меня не принудили к бегству. Я плакал, когда думал о щедрости мсье Ландовски и о желании мсье Ивана учить меня. Я плакал из-за усталости, горя, отчаяния, благодарности, но прежде всего я плакал из-за любви. Я плакал, потому что не мог дать Элле ту возмож-

ность, которую она заслуживала. Должно быть, я рыдал целых пятнадцать минут, а мсье Иван стоически держал руку у меня на плече и повторял: «Ну-ну, будет тебе». Бедняга. Я сомневался, что он мог предвидеть такую драматическую реакцию, когда повысил голос на меня. Вряд ли он сталкивался с такими проблемами, когда учил студентов.

В конце концов мой резервуар слез опустел, и я хватал ртом воздух, делая глубокие, судорожные вдохи.

– Бог ты мой. Должен сказать, хотя я был не прав, твоя реакция оказалась крайне неожиданной. Теперь все в порядке? – Я кивнул, утирая нос рукавом. – Тогда я рад. Не стоит и говорить, что сегодняшний урок лучше закончить.

«Извините, мсье», – написал я.

– Не нужно извиняться, *petit monsieur*. Мне ясно, что здесь скрыто еще многое другое. Поможет ли тебе дружеское ухо или, вернее, пара дружеских глаз? Ведь мы оба эмигранты, и, даже если мы кричим друг на друга, между нами существуют вечные узы.

Я начал писать и снова остановился. Вероятно, подействовала внутренняя химия, вызвавшая слезы, но теперь я ощущал невероятное спокойствие. Что плохого может случиться, если я заговорю? Вероятно, это приведет к моей смерти, но тогда я хотя бы окажусь в загробном мире вместе с мамой, а может быть, и с отцом. Все казалось абсолютно и прекрасно бессмысленным. Желание облегчить душу наконец одержало верх над здравомыслием, поэтому я совершил немыс-

лимое. Я открыл рот и заговорил.

— Если вы пожелаете выслушать меня, мсье, то я расскажу свою историю, — сказал я на языке моей матери.

Мсье Иван пристально посмотрел на меня.

— Я дал тебе слово...

— Я живу недолго, но история длинная. Едва ли я смогу рассказать ее целиком за десять минут, оставшиеся до конца урока.

— Нет, конечно же, нет. Так давай я освобожу место в своем рабочем графике. Это очень важно. Как насчет твоей мадам Эвелин? Я оставлю ей записку в приемной, что собираюсь продлить сегодняшний урок для подготовки к концерту.

Он так резко вскочил с места, что едва не опрокинул свой стул.

— Спасибо, мсье Иван.

Пользоваться голосом было все равно, что напрягать мышцу, утратившую тонус после долгого постельного режима. Это казалось странным, как будто мой голос принадлежал кому-то другому. Разумеется, время от времени я шепотом говорил сам с собой, напоминая себе, что еще не утратил дар речи, а несколько недель назад вслух поблагодарил мсье Ландовски. Но слова, с которыми я обратился к мсье Ивану, были моей самой длинной речью за последний год.

— Мне зовут... Бо, — сказал я. — Меня зовут Бо. Меня. Зовут. Бо.

Мой голос стал заметно глубже, чем был раньше, но даже

не начал ломаться. Очень странное ощущение.

Мсье Иван вернулся в комнату.

– Хорошо, все готово. – Он опустился на стул и жестом предложил мне начинать.

Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох и рассказал ему правду.

История заняла большую часть следующего урока. Мсье Иван сидел тихо, с широко раскрытыми глазами, совершенно поглощенный шокирующими подробностями моего рассказа. Когда я наконец замолчал, поведав о том, как Бел нашла меня под живой изгородью мсье Ландовски, наступила потрясенная тишина.

– Боже мой, боже мой, боже мой... – повторял мсье Иван, качая головой и обкусывая ногти, он явно приходил в себя. – Юный Бо... или *не Бо*, как мы оба знаем... у меня просто нет слов.

Он встал и так крепко обнял меня, что выдавил воздух из моих легких.

– Но я понимаю! Мы эмигранты, и нам приходится быть сильными, Бо. Сильнее, чем все остальные.

– Мсье Иван, если кто-то узнает...

– Пожалуйста, *petit monsieur*. У нас с тобой общая родина. Помни, я хорошо знаю страну, из которой ты пришел, и страдания, которые ты пережил. Клянусь могилами моих родителей, я никому не скажу ни слова о том, что узнал от тебя.

– Спасибо, мсье.

– Должен добавить: я убежден, что твои родители очень гордились бы тобой. Твой отец... ты действительно веришь, что он еще жив?

– Не знаю.

– А... вещь, о которой ты упомянул, она по-прежнему у тебя?

Пожалуй, это была единственная часть моей истории, которую я утаил от мсье Ивана. Я знал, что алчность развращает и превращает разумных людей в безумцев. Он ощутил мое колебание.

– Заверяю тебя, я не испытываю интереса к этой вещи. Хочу лишь сказать, что ты должен защищать ее во что бы то ни стало. Не из-за ее материальной ценности, как ты понимаешь, а потому, что ее вполне можно будет использовать в качестве предмета для сделки ради спасения твоей жизни.

– Да. Я так и сделаю.

– Рад это слышать. А теперь, будь добр, расскажи мне об Элле. После всего, что ты вынес, я понимаю, как важно иметь такого друга.

Я поведал ему историю Элле.

– Она совершенно особенная, мсье Иван, если остается такой храброй и доброжелательной, несмотря на обстоятельства. Думаю, она немного похожа на силу тяготения, привлекающую к себе все остальное.

Мсье Иван издал добродушный смешок.

– Ах, Бо, я понимаю. Однако думаю, что она привлекает к себе не *все остальное*, а главным образом тебя. Бог тебе в помощь, молодой человек, ибо ты влюблен, как будто у тебя без того мало проблем!

– Не знаю, может ли десятилетний мальчик быть влюбленным в кого-то.

– Не глупи, *petit monsieur*! Разумеется, да! Любви все возрасты покорны. Она держит тебя в своей власти, и отныне ты ее раб.

– Мне очень жаль.

– Жаль? Прошу тебя, ни о чем не жалея! Это скорее повод для радости. Честно говоря, если бы ты был постарше, я бы налил нам водки, и мы бы еще долго говорили о твоей возлюбленной.

– Вы встретитесь с ней, мсье Иван?

– Если я обнаружу, что ты поделился со мной хитроумным вымыслом, чтобы провести свою подружку в консерваторию, то обрушу на тебя адское возмездие... – Он удержал мой взгляд, а потом расплылся в широкой улыбке. – Я шучу, *petit monsieur*. Разумеется, мы послушаем ее. Мсье Туссен учит играть на флейте, а мсье Мулен – на скрипке. Мы устроим ей прослушивание. Но не стоит и говорить, *если* мы сумеем организовать ее обучение, то профессора не станут работать бесплатно.

– Об этом позаботится щедрая дама из сиротского приюта.

– Вот и хорошо. Я все устрою и сообщу во время твоего следующего визита. Следует ли мне ожидать, что когда ты вернешься, то снова станешь немым?

Я немного подумал.

– Нет, мсье Иван. Как вы сказали, у нас общая родина.

– Спасибо за доверие, *petit monsieur*. Ты не пожалеешь об этом. – Я кивнул и потянулся к дверной ручке. – И еще одно. Ты рассказал мне все, но не назвал своего настоящего имени. Поделишься им со мной?

Я сказал свое имя.

– Да, теперь все ясно.

– Что ясно?

– Почему ты чувствуешь бремя всего мира на своих плечах.

* * *

В конце концов прослушивание Элле оказалось формальностью. Мсье Иван недвусмысленно намекнул на это, когда мы встретились в следующий раз.

– Маленький Бо, мне пришлось использовать ложь во спасение, чтобы твоя возлюбленная получила гарантированное прослушивание.

– Она не моя возлюбленная, мсье Иван.

– А кто же? Так или иначе, профессора были далеко не рады тому, что консерватория превращается в детский сад.

– Что за ложь? – нервно осведомился я.

– Что твоя юная подруга связана с мсье Рахманиновым и он лично заинтересован в развитии ее музыкального таланта.

– Мсье Сергей Рахманинов?

– Точно. Настоящий гений, не так ли?

– Но я не понимаю, мсье Иван. Элле живет в сиротском приюте.

– Как бы выразиться потактичнее... Хотя мсье Рахманинов очень добрый и одаренный человек, он известен своими связями... со многими парижанками. Поэтому вполне правдоподобно, что мадемуазель Элле является плодом его связи с одной из таких женщин, и чувство вины вынуждает его принимать меры.

– Мсье Иван, я не уверен, что Элле сможет поддержать такой нелепый розыгрыш, – возразил я.

– Здесь не понадобится никакого розыгрыша. Я сообщил Туссену и Мулену, что юная дама не знает о своем происхождении, а мсье Рахманинов придет в ярость, если она узнает об этом. Я могу гарантировать их молчание; они не хотят расстраивать великого русского композитора.

– Мсье Иван...

– Бо, полагаю, ты хочешь, чтоб вы обучались одновременно? Разумеется, нам придется перекроить расписание уроков, а эта подробность насчет мсье Рахманинова гарантирует, что все пройдет гладко.

Я неохотно согласился поддержать план мсье Ивана при

условии, что он косвенно обеспечит Элле еще один уровень защиты. Туссен и Мулен не осмелятся на резкую критику дочери Рахманинова. Хотя, должен признать, мысль о пятне на репутации великого композитора наполняла меня ужасом.

После наших уроков и перед возвращением в «*Apprentis d'Auteuil*» мы с Элле завели привычку покупать мороженое в маленьком кафе на авеню Жан-Жар, а потом гулять по набережной Сены. Эта привилегия была получена от мадам Ганьон, которая сохраняла неувядающую благодарность за то, что мне удалось обеспечить высшее музыкальное образование для ее подопечной. За последние недели мы раздвинули границы дозволенного, возвращаясь обратно все позже и позже. Иногда мы берем с собой книги и рисовальные принадлежности. Элле читает вслух, а я рисую. Я не считаю себя одаренным живописцем, но мои пейзажи постепенно становятся лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.